

ПАВЕЛ УСАНОВ

АМЕРИКАНСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

ИДЕИ
ЛЮДИ
ЭКОНОМИКА

We the People

insecure domestic Tranquility, provide for the common
and our Poverty, all Order and establish this Consu-

Section 1. All legislative Powers herein granted shall be vested in a Congress of the United States.

Section 2. The Senate of the United States shall be composed of two members chosen every second year by the People.

No Person shall be a Senator or Representative or either of the other Officers of the Senate or House of Representatives, who has not been at least twenty five years of age, and has not been a citizen of the United States for at least seven years.

The Senate and House of Representatives shall be composed of such Persons as shall be chosen by the People.

Section 3. The Senate of the United States shall be composed of two members chosen every second year by the People.

Immediately after they shall be organized, they shall be divided into three classes.

The term of the first class shall be three years, of the second four years, and of the third six years; and if vacancies happen by death, removal, or otherwise, during the term, the successors shall be chosen to fill such vacancies.

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя (©Европейский университет в Санкт-Петербурге). В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно. Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия с правообладателем (©Европейский университет в Санкт-Петербурге) является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

ПАВЕЛ УСАНОВ

АМЕРИКАНСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

ИДЕИ
ЛЮДИ
ЭКОНОМИКА

Санкт-Петербург, 2023

УДК 334.021:35
ББК 66.2(0)'6; 66.3
у74

Рецензенты:

В. С. Автономов, д-р. экон. наук, профессор, член-корр. РАН
А. А. Знаменский, канд. истор. наук, Ph.D., профессор Университета Мемфиса

у74 Усанов П. В.

Американская модернизация: Идеи, люди, экономика / Павел Усанов. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. — 288 с. — электронное издание: 08.06.2023.

ISBN 978-5-94380-361-1

В книге исследуется экономическая история американского народа в ее связи с историей экономической мысли за период от «Мэйфлауэра» (1620 г.) до текущего момента. Рассматриваются как периоды экономического прогресса США, так и кризисные периоды, такие как Великая депрессия, стагфляция 1970-х и Великая рецессия. Автор анализирует историю США на основе методологии австрийской экономической школы (Л. фон Мизес, Ф. фон Хайек и М. Ротбард). Такой подход позволяет под необычным углом посмотреть на ключевые события новейшей истории США и понять, какие причины способствуют, а какие препятствуют модернизации.

УДК 334.021:35
ББК 66.2(0)'6; 66.3

ISBN 978-5-94380-361-1

© Усанов П. В., 2023
© Европейский университет
в Санкт-Петербурге, 2023

Оглавление

Предисловие	7
Введение	20
<i>Глава 1.</i> Американский народ до образования государства: от «Мэйфлауэра» до Войны за независимость (1620–1776)	28
<i>Глава 2.</i> Американская революция и ее последствия: от Декларации независимости до Гражданской войны (1776–1865)	46
<i>Глава 3.</i> Позолоченный век и Прогрессивная эра в США: уроки для современности (1865–1929).....	88
<i>Глава 4.</i> Америка на распутье: Великая депрессия и Новый курс (1929–1945)	134
<i>Глава 5.</i> Эпоха «социального государства» в США: от завершения Второй мировой войны до Рейгана (1945–1980)	166
<i>Глава 6.</i> Модернизация после модернизации: либеральные реформы в США и Великобритании (1980–1988).....	198
<i>Глава 7.</i> От «ковбойского капитализма» Рональда Рейгана до Джо Байдена (1988–2021)	225
<i>Заключение.</i> Уроки американской модернизации: существует ли маятник американской истории?.....	264
<i>Приложение.</i> О либертарном подходе австрийской школы к исследованию экономической истории.....	273
Литература	276

Предисловие

Дело Америки в значительной мере является делом всего человечества.

Томас Пейн [Малия 2015: 189]

Первый раз я побывал в США в 2011 г. Так совпало, что 7 ноября, в День Октябрьской революции, я посетил в Нью-Йорке Остров свободы. Смотря на Манхэттен, подумал, что Россию отличает от США. Мне пришло в голову тогда, что для американцев не существует таких проблем, как у нас: как относиться к Октябрьской революции, Сталину или Ельцину. Американцы — прагматичный народ, они не тратят время на саморефлексию, они действуют, как подсказывает экономическая теория, — не пытаются возместить уже понесенные издержки (*sunk costs*), их внимание устремлено в будущее. Историческая память для них имеет не такое значение, как для россиян, которые, кажется, застряли в прошлых проблемах¹. За последующие годы многое изменилось и в моих представлениях об этой стране.

Тогда, в 2011 г., я вряд ли мог представить, что напишу книгу об истории экономики и экономической мысли в США. Изменилось ли мое мнение по этому вопросу в конце проекта? Читатель сможет узнать ответ на страницах настоящей книги.

¹ Конечно же, как и многим другим народам, американцам свойственна рефлексия по поводу своей исторической памяти, но, в отличие от других, они являются большими прагматиками, не зацикливаются на старом, а идут дальше. Однако, как показали события 2020 г. (выборы президента, COVID), американцы тоже эмоционально реагируют на свои прошлые проблемы (рабство, Гражданская война, Великая депрессия).

Значение истории США

Почему история США имеет значение не только для американцев? Ответ напрашивается сам собой. Потому что она демонстрирует нам важнейшие уроки Всемирной истории. История США — это история успеха, история того, как крохотная по нынешним размерам страна, состоящая из тринадцати штатов, еще недавно бывшая колонией, превратилась за крайне незначительный промежуток времени в сверхдержаву с наиболее развитыми промышленностью, финансовой и правовой системами в мире. В культурном отношении США продолжают воздействовать на массовую культуру, порождая подражателей по всему миру. История США до сих пор вдохновляет многие страны на собственную модернизацию. И хотя это не только летопись успехов, мы видим, как трудолюбие, амбиции и вера в свою особую миссию способны перевернуть мир. Может быть, в этом и состоит пресловутая «американская загадка»? Может быть, секрет модернизации довольно прост и «американская модернизация» — пример того, как можно избежать многих ловушек модернизации?

Увы, Америка сама часто попадала в такие ловушки, об этих периодах истории США мы будем подробно говорить. Однако за периодами кризиса и дезориентации приходили вновь и вновь периоды национального подъема и экономического прогресса. Далеко не каждая страна может похвастаться тем, что выходила из кризисов более сильной и амбициозной. ХХ в.стер с лица земли многие страны и реажимы, которые не смогли справиться с вызовами времени. Америка смогла с ними справиться. И хотя сейчас не лучшие времена для США и в политическом и экономическом отношении, Америка продолжает, пусть и в меньшей степени, стоять на принципах, сформулированных отцами-основателями США. И если США суждено испытать новое возрождение, то оно неизбежно будет связано с этими принципами: ведь именно Конституция, а не нация или класс, и есть те самые «кровь и почва» американского народа.

Английский историк и автор фундаментальной «Истории американского народа» Пол Джонсон в 1997 г. писал о значении американской истории для других стран и народов: «Возникновение Соединенных Штатов Америки является величайшим событием в истории человечества. Никакая другая страна не дает таких поразительных

уроков такой огромной значимости как для самих американцев, так и для остального мира. Эти уроки продолжают даваться вот уже четыре столетия, и когда мы вступим в новое тысячелетие, нам понадобится заново осмыслить их, поскольку, если мы будем способны усвоить эти уроки, все человечество окажется в выигрыше»² [Johnson 1997: 3]. Верно и обратное, забвение этих уроков приведет к проигрышу для всего человечества.

За последующие 25 лет после выхода в свет книги Джонсона эти уроки не только оказались основательно забытыми, но и сама история США превратилась в поле политической борьбы: вместо исследования прошлого стала господствовать идея, что история должна доказывать то, что в США не было ни одной светлой страницы: что капитализм в Америке принес лишь нищету, эксплуатацию, уничтожение коренного населения, рабство, патриархат и господство «белого человека». Проект реформирования исторического знания в США «1619» ставит своей целью переписывание истории исходя из такого дискурса: в 1619 г. в Америку впервые ввезли рабов, именно это событие положило основу американскому процветанию и все 400 лет после этого успехи европейцев были куплены ценой рабства черных, женщин, коренного населения и сексуальных меньшинств. Цель этого проекта носит вполне политический характер: его задача — в дискредитации принципов республики и отцов-основателей и замена их на прогрессивные идеи Большого государства, которому крайне важно иметь общество, раздираемое групповыми конфликтами. Трайбализм — вот итог такой политики.

Хотя рабство действительно было в США до 1863 г. (в северных штатах оно исчезло задолго до Гражданской войны), но оно много где было, причем задолго до образования США, однако в этих странах не было видно как экономических успехов, так и политического прогресса. Невозможно объяснить успехи Америки лишь наличием института рабства в определенный период истории. Тогда бы Южная Америка была богаче Северной, что не так. Автор этой книги, естественно, не оправдывает рабство, его позиция состоит в том, что существует некий фактор «Х», который определил успех США. Видимо,

² Перевод Григория Сапова.

о нем писал Уильям Стэнли Джевонс в своей работе, посвященной политической экономии:

«Северная Америка — страна чрезвычайно богатая, обладающая землей с обильной растительностью, залежами каменного угля, рудоносными жилами, реками, полными рыбы, лесами дорогих древесных пород, словом, всевозможным материалом, какого только можно желать. А между тем американские индейцы прожили в бедности тысячелетия на этой самой земле, потому что они не обладали ни необходимыми познаниями, ни необходимой энергией, чтобы быть в состоянии надлежащим образом пользоваться этими природными агентами и извлекать из них богатство. Этот факт доказывает нам ясно, что умелый труд, разумный и регулярный, для производства богатства необходим» [Джевонс 2021: 373]. Как мы знаем, трудолюбия первым поселенцам было не занимать. Но нужны были также определенные институты. Институты свободного рынка.

Экономист пишет книгу про США

Преподавая экономическую теорию больше двадцати лет в российских, европейских и американских вузах, я не раз сталкивался с необходимостью рассказать не только об абстрактных принципах своей науки, но и о том, как события прошлого могут проиллюстрировать экономический образ мышления. Особенно моих слушателей всегда интересовали кейсы из истории США: Великая депрессия, ипотечный бум и кризис 2007–2009 гг., стагфляция, появление доллара и создание ФРС. Несложно понять почему. Все эти сюжеты стали частью массовой культуры. Однако нельзя сказать, что я готов был рекомендовать одну книгу, которая бы рассказала об экономической истории США. Хотя, конечно, хватало и хватает хороших монографий по определенным периодам американской истории [Ротбард 2012; Фолсом 2012], но никто, кажется, не написал обобщающую работу, которая бы рассматривала экономическую историю США в ее связи с экономической теорией³. Видимо, прав был Бертран Рассел в своей «Истории

³ Добротная книга «Капитализм в Америке: История» Алана Гринспена и Адриана Вул드리джа [Гринспен, Вул드리дж 2020] ближе всего к задачам

западной философии», что, хотя у обобщающего труда, написанного одним автором, есть свои недостатки, тем не менее у такого подхода существует и как минимум одно преимущество: он может видеть целое и создавать книгу, исходя из своей логики, видя связи там, где узкий специалист их не видит⁴. В таких случаях принято писать: «Я всегда мечтал иметь книгу по этому предмету, но так как не нашел ее у других авторов, то решил написать ее сам». Фактически так и произошло.

Я старался написать книгу как иллюстрацию фундаментальных принципов экономической теории. Это своего рода приложение к курсу Economics 101 (вводный курс по экономике). Каждый студент на Западе, изучающий экономику, должен прослушать вводный курс Economics 101, где излагаются базовые законы: закон спроса и предложения, закон предельной полезности, закон непреднамеренных последствий и т. д. И хотя курсы по экономике в современном формате были созданы в США Полом Самуэльсоном [Samuelson 1948], нельзя сказать, что они меня устраивали, особенно в разрезе экономической истории. Мне всегда казалось, что экономическая история — один из разделов экономической науки, который должен изучить каждый студент⁵. Однако

моего исследования. Это экономическая история с момента прибытия пилигримов до начала XXI в. Однако в ней почти не уделяется внимание истории экономической мысли в США и влиянию переселенцев на экономическую и политическую историю США. В этом отношении важным дополнением можно считать пятитомный труд Джозефа Дорфмана «Экономическая мысль в Америке» [Dorfman 1966], который был научным руководителем Мюррея Ротбарда. Однако книга доводит исследование до 1945 г. и нуждается в дополнительном материале. Наведение мостов между исследованием Гринспена и Дорфмана — одна из задач «американской модернизации».

⁴ Всем известна история про «специалиста по первым двадцати минутам Великой французской революции». Как писал Рассел: «Сотрудничество многих авторов связано с известными изъянами. Если имеется какое-либо единство в развитии истории, если существует внутренняя связь между тем, что было раньше, и тем, что имело место позже, то для изложения этого совершенно необходимо, чтобы ранний и поздний периоды были синтезированы одним ученым» [Рассел 2000: 19].

⁵ Представители австрийской экономической школы (начиная с Карла Менгера) преподавали три блока дисциплин: экономическую теорию, экономическую историю и историю экономических учений [Менгер 2005].

современные тенденции приводят к тому, что не только курсы по экономической истории практически исчезли из программ университетов, но и вводный курс по экономике заменяется курсом по эконометрике. Как результат, представление экономистов об экономике и ее истории оказывается крайне неудовлетворительным.

Почему экономист решил написать книгу о США? Действительно, может показаться странным, что экономист взялся за такую тему, — скорее, это тема для историка или политолога. Однако эта книга не просто об истории США — она именно об экономической истории США. И для ее написания необходимо знать принципы экономической науки, так как экономическая история — один из трех фундаментальных разделов экономической науки, поэтому нет ничего удивительного в том, что экономист взялся за такой труд. Историкам это, естественно, не запрещено.

Есть еще одна причина того, почему экономист берется писать книгу о США: экономика США является крупнейшей экономикой мира (в долларовом выражении) и продолжает оказывать воздействие на процессы, происходящие в мировой экономике. Курс доллара интересует людей во всем мире, так как это наиболее ликвидная национальная валюта мира.

Еще одна причина написания книги связана с возможностью проведения экономических реформ и модернизации в развивающихся странах: от того, какой в конкретный период истории является экономика США, зависит многое в вероятности успешной модернизации развивающихся стран. Дело в том, что экономический и/или политический кризис в США сказывается на том, кого хотят видеть своим авторитетом лидеры стран, нуждающихся в модернизации. Политикам-антагонистам легче привлечь голоса избирателей, когда страна — мировой лидер — переживает сложнейшие финансовые и политические проблемы. Вероятность успешных реформ больше тогда, когда развитые страны, в том числе США, на подъеме. Поэтому важно исследовать связи между политическими и экономическими процессами в развитых и развивающихся странах. В главе 6 настоящей книги этому уделяется особое внимание.

Особый подход к истории: австрийская школа экономики

Следует прямо и открыто заявить, что эта книга написана с вполне определенной точки зрения — с позиции австрийской экономической школы. На подход автора наибольшее влияние оказали труды Людвига фон Мизеса, Фридриха фон Хайека и Мюррея Ротбарда, а также современных представителей австрийской школы (Йорг Гвидо Хильсманна, Уэрта де Сото, Ганс-Герман Хоппе, Джозеф Салерно, Ултер Блок и др.). Книга является первой обобщающей работой по всей экономической истории США, написанной с указанных позиций. Это не означает, что другие подходы неплодотворны, интересующиеся могут найти аргументы в пользу такого подхода в конце книги в приложении⁶. Методология книги специально отнесена в приложение для того, чтобы читатель не погрузился в скучную теоретическую часть и смог увидеть эту методологию в действии на примере экономической истории США с первых страниц книги. Те же, кто хочет начать с методологии, могут сперва прочитать приложение, где говорится о ней

⁶ Российский экономист В. С. Автономов в рецензии на мою книгу «Ретроспектива экономической мысли» отметил, что в ней проводится жесткое деление на «правильные» и «неправильные» школы экономики и что это напоминает марксистский взгляд на историю идей, который, как известно, господствовал в СССР: «Книга представляет собой идеологически ангажированную историю экономической мысли, написанную с точки зрения неоавстрийской школы. Ангажированность проявляется в том, что с данной точки зрения в истории выделяются правильные и неправильные экономические идеи. Это напоминает марксистские монографии на ту же тему, только герои и злодеи здесь совсем другие». Однако отличие этой книги от марксизма колossalно. Я вовсе не настаиваю на том, что другие подходы запрещены или непродуктивны. Исходя из целей исследования, выбирается наиболее подходящий метод; если кто-то считает иной метод более продуктивным, я не могу и не хочу ему препятствовать, что было совершено не так в СССР. Да и выбор из бесконечного множества подходов своего (т. е., с точки зрения исследователя, «правильного») неизбежен не только для марксиста, но и для любого автора. Деление идей на «правильные» и «неправильные» идеи не делает человека марксистом.

и где даны ссылки на классические работы по методологии австрийской школы. Тем не менее хотелось бы кратко об этом сказать уже здесь.

Существует несколько причин для выбора подхода австрийской экономической школы. 1) До настоящего времени не было написано работы по всей истории США с позиции австрийской экономической школы. Хотя были опубликованы прекрасные исследования по тем или иным периодам истории США (в частности, труды Ротбарда, о которых упомяну ниже). 2) Принципиальная особенность подхода австрийской экономической школы — в последовательном методологическом индивидуализме. В конечном счете, как любила говорить Маргарет Тэтчер, не существует никакого общества, есть лишь отдельные семьи и индивиды. Общества как единого субъекта нет, это лишь социальный конструкт. Если мы не будем об этом забывать, то история США (да и любой страны) превратится в описание человеческой деятельности в определенный момент времени. Действуют всегда отдельные люди, а не классы, нации или иные абстракции. Историку, как и любому исследователю в социальных науках, нужно последовательно реализовать принцип того, что единственными действующими субъектами являются конкретные люди. Не могут «решать», «думать», «страдать», «получать пользу» такие социальные понятия, как «общество», «государство», «класс», «нация», «гендер», «богатые», «капиталисты», «рабочий класс». Все эти агрегаты суть абстракции, иногда они могут быть полезными как упрощающий знак, но не следует забывать, что, например, «богатые» не могут быть заинтересованы в чем бы то ни было, так как у них разные интересы, и если одним выгодно иметь низкие налоги, то другим, особенно получающим средства из бюджета, выгодно прямо противоположное. Поэтому описывать историю США как историю классовой борьбы методологически некорректно. Не существует «класса» как единого действующего субъекта, а есть люди, которые действуют исходя из своих конкретных интересов и идей. В этом суть методологического индивидуализма. Этот подход вовсе не означает, что все акторы ведут себя рационально, они могут ошибаться и часто ошибаются. В вопросе о том, что все люди ведут себя рационально (или иррационально), тоже следует «не обобщать без надобности» (как известно, Уильям Оккам призывал «не умножать сущности без надобности»). Разные люди ведут себя по-разному в разных обстоятельствах.

Выше я описал проект «1619» и его цели. Но есть и другая альтернатива. Можно рассматривать историю США не с позиций колlettivизма и трайбализма, а с позиции последовательного индивидуализма. Тогда мы не позволим себе выносить суждение, что «все белые — злодеи» или что «все мужчины — насильники»⁷. Надо всегда смотреть на действия конкретного человека и не бояться деталей. Так поступал в своем исследовательском проекте Ротбард: его перу принадлежат фундаментальные работы по экономической теории: «Человек, экономика и государство» [Rothbard 2009], «Власть и рынок» [Ротбард 2010], «Государство и деньги» [Ротбард 2008]. Но не менее важная часть его научного наследия — четырехтомный труд об истории Америки до 1776 г. [Rothbard 1979]. На 2000 страниц Ротбард детально описывает историю американского народа на основе принципов австрийской экономической школы: методологический индивидуализм (действуют только отдельные индивиды) и методологический дуализм (метод науки о человеческой деятельности радикально отличается от метода естественных наук). Также значимой в этом отношении следует считать работу Ротбарда «Великая депрессия в Америке» [Ротбард 2012], посвященную экономической истории США в период Великой депрессии и Новому курсу Франклина Рузельта. Современные исследователи австрийской экономической школы продолжают этот исследовательский проект Ротбарда.

Как появилась эта книга

Книга писалась довольно долго. Первые наброски возникли еще в 2013 г. С 2014 г. я работал над указанной выше проблематикой в Центре

⁷ См. книгу «Объяснения постмодернизм» Стивена Хикса [Хикс 2021]. Андреа Дворкин заявляет: «Все гетеросексуальные мужчины являются насильниками» — и поясняет, почему это так: «Нормальный половой акт воспринимается нормальным мужчиной как акт вторжения и овладения, совершаемый в хищнической форме. Женщина была собственностью мужчин как жена, проститутка, сексуальная и репродуктивная прислуга. Быть любовницей или собственностью — это по-прежнему, в сущности, равнозначный опыт в жизни женщины. Он владеет тобой... Половой акт выражает характер владения: он владеет тобой изнутри» [Dworkin 1987: 63, 66].

исследований модернизации (М-Центре) Европейского университета в Санкт-Петербурге, ежегодно мной публиковались препринты, из которых и выросла эта книга. Все препринты обсуждались на семинаре М-Центра, и я не могу не выразить благодарности сотрудникам и руководству М-Центра — без их поддержки, интереса и критики моя книга была бы невозможна. С докладами по отдельным периодам экономической истории США я выступал в Москве, Киеве, Праге и Вильнюсе.

Несомненно, помогли улучшить понимание экономической истории США четыре стажировки в США в 2011–2012 и 2018–2019 гг. Общение с американскими профессорами и выступления на научных конференциях в Вашингтоне, Чикаго, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Сан-Хосе и Оберне позволили протестировать положения этой книги в самих США. Отдельная благодарность Институту Мизеса (США) за приглашения и активную помощь. Преподавание в Carthage College (Висконсин) осенью 2019 г. было бы невозможно без поддержки Юрия Мальцева, за это ему также отдельная благодарность.

Особую роль в создании книги сыграли работы Дмитрия Травина, научного руководителя М-Центра, его двухтомный фундаментальный труд по истории реформ (в том числе экономических) «Европейская модернизация» [Травин, Маргания 2004] был использован мной при чтении одноименного курса в РАНХиГС с 2014 по 2021 г. Единственное, что не хватало мне в этой книге, — глав, посвященных США и Англии. Можно рассматривать книгу «Американская модернизация» как своего рода приложение к книге Травина. Несомненно, он написал бы книгу про Америку иначе, чем я, но я бы ее не написал так, как она получилась, без книги Травина «Европейская модернизация». Отдельная благодарность ему, а также Владимиру Гельману, за поддержку и интерес к моему проекту.

Также хотелось бы выразить благодарность профессору Андрею Знаменскому (Университет Мемфиса, США) за его исследования по истории США и других стран. Его фундаментальный труд «Социализм как секулярная религия» (Socialism as a Secular Creed) [Znamenski 2021] — это своеобразная всемирная история с либертарной точки зрения. Если книга профессора Знаменского посвящена социализму как всемирному явлению, то я в своей книге уделяю внимание только истории США, причем как периодам активизации «большого правительства», так и периодам ограниченного правительства или даже его отсутствия.

Либертарный подход к всемирной истории

Подход, примененный в этой работе, может быть распространен и на другие страны и эпохи. Мне не раз приходилось слышать пожелание как от сторонников, так и от противников либертарного подхода иметь книгу и/или вести курс, которые бы отражали взгляд на всемирную историю с позиции австрийской экономической школы. Несомненно, книга профессора Знаменского является неоценимым вкладом в этом направлении, но, возможно, автор настоящей книги также имеет что сказать по данному предмету. Особенно по истории России в свете либертарного подхода. Это возможная тема нового исследовательского проекта. Известно, что в Европейском университете в Санкт-Петербурге на протяжении десяти лет шли дебаты двух подходов к истории: теория модернизации Дмитрия Травина [Травин 2021] и цивилизационный подход Андрея Заостровцева [Заостровцев 2014]. Наблюдатели и участники отмечали, что дискуссия была крайне полезной и плодотворной. Возможно, пришло время опробовать и либертарный подход.

Чтобы избежать неправильного понимания

В процессе обсуждения отдельных глав настоящей книги приходилось не раз сталкиваться с неверным пониманием моей позиции. Чтобы этого избежать, нужно в самом начале выделить три принципиальных момента:

1. Хотя в книге содержится много критики в адрес тех или иных президентов США (в адрес А. Линкольна, Т. Рузвельта, В. Вильсона, Ф. Рузвельта), это не означает, что «в истории США все президенты были сплошь злодеи и мерзавцы»⁸. Я так не считаю. На самом деле, моя позиция состоит в том, что наибольшие успехи в экономике были достигнуты тогда, когда во главе государства находились не очень известные и не слишком харизматичные президенты (президенты конца XIX в., а также начала XX столетия, включая У. Гардинга и К. Кулиджа). «Слабые» президенты оказывались для США фактором развития, а не кризиса. Напротив, харизматичные

⁸ В ходе дискуссии один из участников выдвинул такую интерпретацию книги.

лидеры, как правило, заводили страну в очередной кризис. Поэтому я выступаю не против сменяемости власти, а против ее централизации в руках одного человека или группы⁹.

2. В книге содержится описание действий интеллектуалов, которые часто приводили к политическим и экономическим кризисам. Это не значит, что я считаю, что «злые и хитрые интеллектуалы сговорились для разрушения Америки». Это не соответствует моей позиции. Действительно, были интеллектуалы, негативно повлиявшие на развитие американской экономики (например, сторонники интервенционизма Прогрессивной эры). Но были и те, кто способствовал ее развитию (Чикагская школа). Интеллектуалы не гомогенны, и никакой теории заговора мной не предлагается. Я рассматриваю «рынок идей» как то место, из которого берутся идеи политиками для решения своих проблем. Но сам набор идей в долгосрочном периоде зависит от того, в производство каких идей инвестировалось больше ресурсов и времени. И уж тем более я не считаю, что нужно бороться с интеллектуалами, закрывая университеты. Это полностью противоречит моим интенциям. Что действительно пагубно для развития, так это не университеты, а сращивание деятельности части интеллектуалов с государственными структурами. Тогда их мотивация искается и вместо поиска истины они могут стать теми, кого экономисты называют

⁹ Мне также приходилось слышать такой отзыв от В. С. Автономова: «Создается впечатление (может быть, ложное), что автор осуждает превращение США в великую державу... и предпочел бы, чтобы Америка существовала в виде свободных независимых колоний с серебряными dólares в обращении, гужевым транспортом и преобладанием сельскохозяйственно-го производства». Последующие главы должны показать, что я не осуждаю превращения США в великую державу, считая это результатом максимального использования потенциала экономической свободы; если я и правда не против золотого стандарта, то нет ни одного слова в книге, где был бы призыв вернуться к гужевому транспорту и сельскохозяйственному производству, — напротив, промышленный расцвет США в XIX в. в Позолоченный век был доказательством того, что можно преуспеть в экономическом лидерстве и развить свою промышленность при радикальном сокращении протекционизма и интервенционизма.

участниками *rent-seeking activity* (рентоориентированное поведение). Труд же интеллектуалов для сохранения западных ценностей имеет непреходящее значение. Другое дело, что не всегда этот труд имеет место.

3. Книга не случайно называется «Американская модернизация» и имеет подзаголовок «Идеи, люди, экономика». В ней раскрывается процесс развития Америки от колониального периода до начала XXI в. с его подъемами и спадами: ведь история любой страны нелинейна. Подзаголовок же указывает на особый подход автора¹⁰: рассматривать экономические процессы в США как результат изменений общественного мнения, которое постепенно формируется в интеллектуальных дискуссиях экономистов, политологов и философов. Насколько такой подход оказался продуктивным — судить читателю.

¹⁰ Один из рецензентов предложил назвать книгу «Капиталистическая модернизация в Америке: либертарная экономическая история США в ее связи с интеллектуальной историей». Такое название может ввести читателя в заблуждение. Во-первых, в книге рассматривается не только период капитализма *laissez-faire* XIX в., но и периоды подъема этатизма и социализма в США (Прогрессивная эра и Новый курс). Поэтому название «Капиталистическая модернизация в Америке» не подходит, так как предмет книги гораздо шире. Во-вторых, эпитет «либертарная» также не соответствует содержанию книги, ведь в ней уделяется большое внимание идеям социализма, коллективизма и этатизма в истории США. Что же касается особого метода автора, он разъясняется на страницах самой книги. Поэтому титульное название в наибольшей степени отражает содержание: «Американская модернизация: Идеи, люди, экономика».

Введение

«Прошлое — это колодец глубины несказанной. Не вернее ли будет назвать его просто бездонным?» [Манн 2006: 5]. Так начинал свое произведение «Иосиф и его братья», живя в Америке, немецкий писатель Томас Манн. Действительно, писать историю, где мифы смешались с фактами и где боги действуют наравне с людьми, тяжело любому современному автору. С большей частью древних народов и цивилизаций это и правда так. Наши знания крайне скучны по сравнению с тем, что происходило несколько веков назад в Европе.

В этом смысле кажется, что история США не имеет двойного дна и вся находится перед нами. Мы имеем массу письменных документов эпохи образования США, оставшихся воспоминаний и прочих артефактов. Отцам-основателям США нет надобности отсчитывать свою династию от гиперборейцев, этрусков или Александра Македонского. Никто не поверит в божественное происхождение власти в случае истории США. Даже в просвещенной Англии незадолго до Джона Локка находились авторы, такие, например, как Роберт Филмер¹, которые обосновывали неограниченную власть монарха его родственными связями с Adamом и Eвой [Локк 2014]. Создание США ощущается чем-то предельно секулярным на этом фоне. Ни тебе богов, ни божественного промысла, ни пифий-прорицательниц.

¹ В первом трактате Локк критикует, в частности, книгу Филмера, которая носит курьезное для современного западного читателя название: «Патриарх: защита естественной власти королей против неестественной свободы народа» [Локк 2014: 4].

Иоанн Витербский в Средние века в Европе писал в своем «Зерцале градоправителя»: «Императоры получили от Бога разрешение издавать законы: Бог подчинил законы императору и послал его людям как одушевленный закон» [Канторович 2014: 215]. Ничего похожего невозможно представить в отношении законов Республики. Карл I писал в своих капитуляриях: «Желаем доход управляющих целиком обращать в нашу пользу». В другом капитулярии сказано: «О козах и козлах, о рогах и шкурах давать нам отчет и ежегодно переправлять от них жирную свежепросоленную козлятину» [Хрестоматия по истории средних веков 1953: 156–165]. Такое отношение к частной собственности в угоду «желаниям» короля также немыслимо в период Американской революции.

Однако, хоть история образования США отстоит от нас во времени не так далеко, как история европейских государств, мы все же в не менее сложном положении.

Дело в том, что сама по себе история ничему не учит и не может учить. Не потому, что ее знания бесполезны, но потому, что само историческое знание возможно лишь при наличии определенной теории. Теория предшествует наблюдению. Если мы хотим описать историческое событие, нам необходимо как минимум 1) выделить относящиеся к этому событию факты и отделить от несущественных, 2) необходимо иметь теорию причинно-следственных связей, определить то, что является причиной события (в противном случае мы не сможем понять, например, причину роста заработных плат в XV в. в Европе, полагая, что она в распространении ересей, а не в чуме).

Таким образом, корректная социальная теория должна быть в руках ученого, если он берется за историческое исследование.

Эта книга ставит своей задачей продемонстрировать такой подход к экономической истории: за основу берется априорная теория человеческой деятельности, построенная дедуктивным путем на положении о том, что «человек действует». Из этого положения логическим методом выводятся все теоремы экономической теории. Ошибки в теории, таким образом, могут быть обнаружены либо путем опровержения положения «человек действует», либо путем демонстрации логической ошибки в дедукции из этого положения. Если это невозможно, то никакие эмпирические данные не могут опровергнуть теорию. Так как сами эмпирические данные всегда добываются

исследователем путем приложения к ним определенной теории. Как ни крути, теория вначале, а история после нее [Мизес 2001].

Отличие экономической теории от истории состоит в том, что законы экономики существуют и носят универсальный характер. То, что увеличение количества денег, при прочих равных условиях, всегда приводит к росту цен, — это один из законов экономической теории. Для его доказательства достаточно «аксиомы деятельности» и дедуктивной логики. Законы экономики носят характер законов логики и математики, они априорны. Экономическая теория как наука может многих научить чему-то, в отличие от исторического знания, которое не может дать универсальной истины. Тем не менее историческое знание имеет огромное значение для развития общества. История показывает то, как события в прошлом иллюстрируют фундаментальные законы экономики. В этом отличие подхода австрийской школы от немецкой исторической школы, которая отвергала абстрактную экономическую теорию, считая, что единственной наукой об обществе может быть только история, построенная по образцу естественных наук на базе эмпирического подхода. Однако эмпирический подход невозможен в экономической теории и истории. Поведение людей радикально отличается от поведения элементарных частиц или небесных тел. На поведение людей влияет то, как они понимают сложившуюся ситуацию. Мы не можем игнорировать логику человеческой деятельности и принципы экономической теории, описывая исторические события.

Таким образом, задача этой книги — изучение экономической истории США на основе фундаментальных законов экономической теории.

Современность началась в США

Этот тезис может показаться странным. Ведь промышленная революция произошла в Англии [Манту 1937], научная революция — в Голландии, Италии, Германии и Франции, некоторые отсчитывают рождение современного мира от папской революции XI в. [Берман 2008] или к Великой хартии вольностей 1215 г. Однако только Америка могла построить современное общество «с чистого листа». Настоящие работающие институты современной экономики создаются именно в Америке: первая Конституция (принятая единогласно

в соответствии с критерием Кнута Викселля) была принята в Америке в 1620 г.; современная денежная система с долларом во главе появилась еще в колониальный период; наконец, современный экономический рост, по сути, начался одновременно в Америке и Англии. Просто стартовые позиции были не равны. А о превосходстве американской модели говорит уже то, что американцы победили англичан в Войне за независимость, а не наоборот. Промышленная революция, в отличие от многих стран Старого Света, практически сразу же стала давать свои плоды в США. Поэтому и современный экономический рост также начался в Америке.

В чем секрет экономического успеха?

Можно выделить четыре причины, которые вызвали в Америке небывалый экономический рост (уточнения и дополнения этой картины экономической истории США будут предоставлены в следующих главах книги):

1. *Ресурсы.* Несомненно, что огромные территории и неосвоенные ресурсы делали возможным достаточно дешевое производство и выгодное предпринимательство. Люди уезжали из Европы без денег и уже в первом поколении становились самыми богатыми в мире (Э. Карнеги и другие «бароны-разбойники»). Однако в отношении ресурсов у Испании и Португалии были даже лучшие стартовые условия. Они раньше стали осваивать новый континент и самые лакомые кусочки достались именно им. Ресурсы могут быть в большом количестве, но люди будут жить не очень богато (см. пример России [Травин 2021]), и наоборот, ресурсов может быть немногого, но экономика может быть очень развитой (Япония, Германия, Сингапур). То есть фактора большого запаса природных ресурсов совершенно недостаточно, чтобы объяснить успех США.
2. *Идеи.* Уже пилигримы понимали, что на принципах «пограбить местное население» богатого общества не создашь. У пилигримов было понимание того, что они хотят построить в Америке «Град на холме», причем за основу они взяли частную собственность, конкуренцию, самоуправление и конституционализм, а не идеи коллективистов типа Платона (см. главу 1). Идеи индивидуализма были популярными в США вплоть до конца XIX в., когда

началась Прогрессивная эра. За это время в США была построена самая крупная и эффективная экономика в мире.

3. *Интересы.* Дело «Америки — заниматься бизнесом». Эта фраза отражает тот факт, что частный интерес в Америке ставился выше интересов государства и общества. Причем это не противоречило интересам всех членов общества: развитие капитализма в Америке было выгодно не только предпринимателям и капиталистам, но и простым рабочим. В противном случае они бы не переехали миллионами из Старого Света в Новый.
4. *Институты.* Правила игры вполне соответствовали идеям колонистов: государство до конца XIX в. практически не вмешивалось в жизнь бизнеса, не было центрального банка, антимонопольной службы, федерального подоходного налога. Деньгами были серебро и золото, правительство не занималось денежным обращением, это находилось в ведении частных банков, самоуправление было основой существования штатов, частная благотворительность решала те проблемы, которые не могли быть решены на коммерческой основе.

В целом интересы, институты и идеи были у американцев либертарианскими. Именно это сделало возможным успех новой нации. Именно это сделало американскую экономику крупнейшей в мире.

Главы и их содержание

Книга «Американская модернизация» описывает историю США за последние четыреста лет в семи главах. Ряд деталей пришлось оставить за пределами внимания. Многим автор этой книги обязан экономическим историкам за проделанную ими работу до него, поэтому не должно удивлять большое количество цитат тех, кто немало сделал для исследования экономической истории США.

В главе 1 описывается история американского народа от Мэйфлауэрского соглашения (1620) до Декларации независимости (1776). Особое внимание уделено тому, как свободное общество функционировало на протяжении 150 лет без создания собственного правительства на основе самоуправления и почему этот период был решающим в истории США. Основы американского общества были заложены не отцами-основателями, а пилигримами, которые не только были авто-

рами первой Конституции, но и, опробовав различные режимы экономики (коллективную и частную), пришли к базовым принципам, обеспечивавшим успех американской экономики на протяжении веков.

В главе 2 рассмотрена Американская революция: почему она произошла, как протекала и к каким последствиям привела; почему американцы возродили достаточно быстро собственного «Левиафана», с которым боролись до этого. Описан период вплоть до Гражданской войны, обычно связанный с мифом о Диком Западе. Показано, что Запад был не таким уж и «диким» и с начала XIX в. начинается период современного экономического роста в США, основанный на притоке мигрантов, максимальной экономической свободе и политике невмешательства. При этом в США не было центрального банка, цены постоянно снижались, экономика росла, а доля государственных расходов была на уровне 5 % ВВП.

В главе 3 рассматриваются причины Гражданской войны в США. Традиционный взгляд состоит в том, что северные штаты боролись за отмену рабства и их чаяния поддерживал А. Линкольн. В главе продемонстрировано, что такая картина грешит неполнотой. Линкольн не был противником рабства, идя на выборы; для правительства главной причиной войны были потенциальные потери налоговых поступлений из-за выхода из союза южных штатов. Несомненно, рабство несовместимо с цивилизованным обществом, но был выбран наихудший сценарий его отмены, в результате реализации этого сценария погибли 750 000 человек, финансы северян были подорваны, а южные штаты, разграбленные северянами, надолго были деморализованы и влакили больше века после Гражданской войны жалкое существование. Это вряд ли пример успеха. Был, на мой взгляд, более рациональный способ освобождения рабов, но менее выгодный правительству Линкольна.

В главе 4 проанализированы периоды, следующие за Гражданской войной. В частности, то, как проходила интеграция южных штатов в период реконструкции. Ключевой период этой эпохи — Позолоченный век, вокруг которого существует множество мифов, особенно миф о «баронах-разбойниках», о наиболее успешных предпринимателях типа Дж. Рокфеллера, Э. Карнеги и Г. Форда, которые, с точки зрения сторонников прогрессивных реформ, были чем-то вроде грабителей эпохи «баронов-разбойников» в Германии в Средние

века. В действительности, эта эпоха была самой успешной в истории США, как с экономической точки зрения, так и в отношении культурного прогресса. Миф о «баронах-разбойниках», которые должны быть урезаны федеральным правительством, привел к расширению в общественном мнении недоверия к капитализму и породил институты и политику «большого правительства» В. Вильсона. Еще в 1913 г., до начала Первой мировой войны, в США были учреждены все институты интервенционизма, которыми ранее могла похвастаться Европа. Вторая часть главы 4 посвящена этой эпохе, какую называют Прогрессивной эрой. Отзвуки той политики привели к Великой депрессии 1929 г. В главе рассматривается Великая депрессия, ее причины, как она протекала и каковы были действия администраций Г. Гувера и Ф. Рузельта. В действительности, именно решения двух администраций (регулирование цен, заработных плат, общественные работы, вливание денег) продлили Великую депрессию. Знаменитый Новый курс Ф. Рузельта был во многом инспирирован опытом корпоративистской Италии 1920–1930-х гг. Америка вышла из кризиса только после завершения Второй мировой войны, когда федеральное правительство радикально снизило свои расходы.

В главе 5 рассмотрен период от завершения Второй мировой войны до прихода к власти Р. Рейгана. Успехи «общества потребления» эпохи Д. Эйзенхауэра были связаны с низким уровнем государственных расходов, это период устойчивого роста американской экономики. После прихода к власти Дж. Кеннеди и позднее Л. Джонсона США стали стремиться догнать и перегнать Европу по уровню социальных расходов и реализовать дирижизм кейнсианского типа в экономике. За этим последовали значительные экономические и политические проблемы в 1970-х гг.: стагфляция, война во Вьетнаме, рост налогов и бюрократии, импичмент Р. Никсона. Тридцать лет консенсуса о «большом правительстве» сменились периодом правления Рейгана, который был противником социального государства и «большого правительства».

В главе 6 рассматривается кризис социального государства и проведение крайне непоследовательных реформ Рейганом, особенно видны противоречия его политики на фоне реформ Тэтчер. Часть главы посвящена сравнению реформ в США и Великобритании. С уверенностью можно сказать, что политика Рейгана не имела ничего обще-

го с «неолиберализмом», если этот термин имеет вообще какой бы то ни было смысл².

В главе 7 исследуется период с 1988 г. по нынешний день. Самое важное событие этого временного отрезка — «левый поворот», который наблюдается в США за последние 30 лет. В главе анализируются вопросы: что он из себя представляет и чем был вызван?

В заключении подводятся итоги экономической истории США и формируются те уроки, которые мы смогли проиллюстрировать примерами из американской истории. В приложении объясняется специфика подхода австрийской экономической школы к истории.

² См. лекцию Р. И. Капельошникова «Что такое неолиберализм — реальность или фантом сознания?». URL: <https://liberal.ru/lecture/lekcziya-rostislava-kapelyushnikova-chto-takoe-neoliberalizm-realnost-ili-fantom-soznaniya> (дата обращения: 01.12.2022).

Глава 1

Американский народ до образования государства: от «Мэйфлауэра» до Войны за независимость (1620–1776)

Для многих исследователей — и тем более непрофессиональных наблюдателей — американская история начинается с 1776 г., когда была написана Декларация независимости [Кавтарадзе 2005: 149–184], а то, что предшествовало этому событию, обычно либо не рассматривается, либо описывается достаточно туманно как время, когда ничего принципиально важного в истории американского народа не происходило¹. Некоторые экономические историки США начинают повествование прямо с Войны за независимость. Однако такой подход малопродуктивен и необъективен: хотя в Америке не было своего мрачного средневековья, тем не менее в глазах большинства этот период не многим более интересен и важен, чем период, предшествовавший подъему Европы после веков стагнации. До 1776 г. тринадцать североамериканских колоний вовсе не стагнировали, а вполне успешно развивались, притом что не имели собственного государства и практически во всем опирались на силы самоуправления. Многим представляется, что между открытием Америки Колумбом в 1492 г. и Американской революцией не было ничего, заслуживающего внимательного исследования. В действительности же, это довольно поучительный период американской истории, когда были заложены фундаментальные свойства американского

¹ Пожалуй, лучшая на данный момент обзорная книга по экономической истории США «Капитализм в Америке: История», написанная Алланом Гринспеном и Адрианом Вулдриджем, начинается с главы про Американскую революцию 1776 г.: «Глава 1. Республика бизнесменов: 1776–1880» [Гринспен, Вулдридж 2020: 41–77]. Период до образования государства практически не рассматривается.

общества и процветания, все ключевые институты «комерческого общества» были основаны до 1776 г. Можно даже сказать, что именно этот период позволил США стать крупнейшей экономикой мира и наиболее динамичным обществом в XIX в.

Задолго до образования государства американский народ начал крайне динамично развиваться. Адам Смит полагал, что главный показатель благосостояния нации — прирост населения. По этому показателю колонии были впереди планеты всей: «С 1600 по 1766 г. население американских колоний росло быстрее всего в мире — в два с лишним раза по сравнению с населением метрополии. А к моменту, когда колонии уже были готовы расстаться с Британией, американцы были одними из самых богатых людей мира: по ценам 2017 г. их подушевая производительность составляла 4,71 долл. в день. Американцы в среднем были на 5–7 см выше, чем европейцы» [Гринспен, Вулдридж 2020: 41]. Период до образования государства ни в коем случае нельзя считать провальным или пустым.

1976 г.: 200 лет Американской революции

В 2026 г. США, а вслед за ними и весь мир, будут отмечать 250 лет Декларации независимости США. Сложно, да и не нужно, предсказывать, кто окажется в этот момент у власти, но уже сейчас понятно, что праздноваться данное событие будет без особого размаха, традиционные праздники в США становятся все менее приемлемыми с точки зрения современных веяний. Очевиден кризис американского конституционализма. Очередной кризис. Конституция США из одного из важнейших символов американского народа превращается в глазах истеблишмента и прогрессивной общественности в устаревший и не нужный институт, защищающий индивидуализм, частную собственность, ограниченное правительство, право на оружие и капитализм.

В 1975 г. будущий лауреат Нобелевской премии по экономике Джеймс Бьюкенен опубликовал свою знаменитую книгу «Границы свободы», имеющую подзаголовок «Между анархией и Левиафаном» [Бьюкенен 1997: 207–444]. Появилась она в очень непростой период истории США: война во Вьетнаме, стагфляция в экономике, Уотергейт и единственный в истории США импичмент в политике, очереди за бензином и контроль за ценами. В 1976 г. отмечалось

200-летие американской независимости, но без особого энтузиазма. В этих условиях Бьюкенен видел своей задачей возрождение принципов ограниченного правления и американского конституционализма. Он прямо заявляет в своей книге, что стремится к возрождению принципов отцов-основателей. Однако само название может ввести нас в заблуждение. Название «Между анархией и Левиафаном» означает, что оптимальная форма правления находится где-то между этими двумя крайностями: между неограниченной властью государства и разрухой и нищетой анархического общества, где в естественном состоянии нет ничего, кроме «борьбы всех против всех». В рамках такого подхода оказывается, что любая Конституция лучше анархического общества, любое правительство лучше, чем его отсутствие.

История американского народа вполне способна показать, что есть основания усомниться в такой позиции: американское общество было достаточно успешным и процветающим до создания государства.

Символы Америки

Принято считать, что самые известные символы Америки — это американский флаг, американская Конституция, доллар, День благодарения, образ «Града на холме». Но все эти символы были созданы еще в период, когда у американского народа не было своего государства. Американский флаг был почти таким же, как и до Войны за независимость, знаменитые красные полосы на белом фоне, — правда, вместо одной звезды (Великобритания) их стало 13, а потом 50 (по количеству штатов). Первая Конституция [Лабулэ 1870: 21] возникла в колониях раньше, чем в Англии произошла Славная революция 1688 г. Считается, что именно она и последовавший за ней Билль о правах вдохновили американцев на свою Конституцию. Но в действительности, первая Конституция появилась в 1636 г. в Массачусетсе (General Fundamentals) и была написана потомками пилигримов. Доллар США, до этого называвшийся в Европе «талер», добывался в городе Яхимов², что в современной Чехии. В Америке ходили свободно золотые

² «Вначале доллар являлся общепринятым названием веса унции серебра, чеканившейся в XVI в. фон Шликом, богемским графом. Граф фон Шлик жил

и серебряные монеты со всего мира, была полная свободы денежного обращения. И задолго до решения Александра Гамильтона сделать доллар законным платежным средством он стихийно использовался как универсальное средство обмена, т. е. был деньгами США. Главный национальный праздник США — День благодарения — также появился задолго до 1776 г. как результат «капиталистического» эксперимента в Плимуте, который накормил первых поселенцев в 1623 г. Наконец самый известный образ Америки как «Града на холме» был создан не Томасом Джейферсоном или Александром Гамильтоном, а одним из первых поселенцев Джоном Уинтрупом в 1630 г.

Получается, что образы Америки, растиражированные в массовой культуре, были созданы в период, когда в Америке царила «анаархия производства» или просто «анаархия» и не было никакого «Левиафана».

Трагедия в колонии Роанок

Первая попытка колонизации Америки состоялась в 1587 г. на острове Роанок, на него отправлялось всего пять экспедиций. Все они не смогли достичь успеха. А последняя экспедиция загадочно исчезла, не оставив после себя и следов. Сэр Уолтер Рэйли непосредственно занимался этим проектом. В основе его мотивации лежало то же, что и у испанцев и португальцев: грабеж местного населения и вывоз драгоценностей в метрополию. По всей видимости, история колонии Роанок закончилась так печально по причине того, что результатом одной из стычек с местным населением стало уничтожение всех колонистов. Мужчин убили, а женщин ассимилировали.

Провал в колонии Роанок вызвал внимание и в Лондоне. Необходимо было извлечь уроки из такого опыта. Эту работу проделал знаменитый философ Фрэнсис Бэкон, к тому времени уличенный, правда, в гигантских взятках и находившийся на закате своей карьеры. Как писал Пол Джонсон: «В 1625 году сэр Фрэнсис Бэкон написал

в местности, носившей название долина Святого Иоахима, или по-немецки Joachimstal (от имени Joachim и слова Tal, означающего по-немецки “долина”). Монеты графа заработали высокую репутацию в силу их единобразия и чистоты металла. Их называли “Joachim’s taler”, или просто “талеры”. От этого слова (“талер”) и произошло слово “доллар”» [Ротбард 2020: 25–26].

эссе “О поселениях” (On Plantations), где постарался сформулировать уроки, которые надлежит извлечь из трагического случая с исчезновением колонии на Роаноке. Бэкон пишет, что фатальной ошибкой был расчет на извлечение быстрых выгод, что для успеха дела необходимо было наличие опытных работников, владеющих множеством умений, главнейшим мотивом которых являлось бы обеспечение долгосрочной успешности начинания. Свою роль сыграли также безнадежные попытки победить индейцев с наскока, “вместо того чтобы отнестись к ним со справедливостью и любезностью” [Johnson 1997: 18]. Кроме того, для судьбы колонии огромное значение имели бы повторные экспедиции на остров. «Самой постыдной вещью на свете было то, что это поселение было самонадеянно брошено на произвол судьбы, ибо на принявших именно это решение, помимо бесчестья, лежит вина за кровь множества людей, чья судьба достойна сострадания» [ibid.].

Колонистами было извлечено два основных урока из негативного опыта колонии Роанок: 1). Чисто секулярный мотив Уолтера Райли и его людей, состоящий в накоплении богатства за счет местного населения, давал лишь краткосрочные результаты, ведущие в долгосрочном периоде к краху. Чтобы его избежать в будущем, необходимо делать упор на долгосрочные и мирные отношения с местным населением. Задача не в том, чтобы грабить, а в том, чтобы развивать свою собственную хозяйственную деятельность. Но для этого нужно переосмыслить главный мотив, он не может быть чисто секулярным. Необходимо создать образ будущего, что и было сделано уже в следующей колонии, когда была прочитана речь о «Граде на холме». Мотивация перестала быть чисто секулярной и стала похожа на особую религиозную миссию Америки. 2). Чтобы у колонистов сохранялось более гуманное отношение к местному населению и долгосрочные цели преобладали над краткосрочными, важно, чтобы колонисты жили семьями. Пол Джонсон даже убежден, что этот фактор сыграл значительную роль в дальнейшем. Женщины и дети мотивировали колонистов создавать институты, способствующие процветанию в долгосрочном периоде. Для этого требовалось не грабить местное население, а строить дома, выращивать фрукты и овощи, идти на компромиссы друг с другом и местным населением. Такое поведение стало более характерно для колонистов после провала в колонии Роанок. Англи-

чане пошли по пути создания более «инклюзивных институтов», в отличие от испанцев. Это одна из причин успеха Северной Америки по сравнению с Южной³ [Аджемоглу, Робинсон 2015].

Мэйфлауэрское соглашение

Урок колонии Роанок был выучен. Америке нужны не головорезы, а рабочие и коммерсанты. Именно с такими людьми отправился «Мэйфлауэр» к берегам Америки.

Самое же удивительное в этой истории, конечно же, Мэйфлауэрское соглашение, подписанное колонистами на корабле «Мэйфлауэр» до прибытия в Плимут в 1620 г. Хотя первые слова отсылают нас к королю Великобритании («защитника веры!»), никто не ожидал, что вооруженные мужчины будут думать не о грабежах, как было ранее с островом Роанок, а начнут свою историю с написания своеобразной Конституции:

«Во имя Господа Бога аминь. Мы, нижеподписавшиеся, верноподданные нашего великодержавного повелителя — короля Джеймса, Божьей волей короля Великобритании, Франции и Ирландии, защитника веры, etc.

Предприняв во славу Божью и во имя распространения христианской веры и в честь нашего короля и страны путешествие с целью основания первой колонии в северных частях Вирджинии, настоящим торжественно и со взаимного согласия, перед Господом Богом и перед друг другом обязуемся объединиться в гражданское политическое сообщество для установления более совершенного порядка и сохранения и осуществления вышеуказанных целей; и на основании этого составлять, учреждать и создавать по мере необходимости такие справедливые и основанные на всеобщем равенстве законы, ордонансы, постановления, конституции и обязанности, которые будут сочтены наиболее соответствующими и отвечающими интересам всеобщего

³ Дмитрий Травин так описывает экономическую модель испанцев: «Самым распространенным видом организации производства стала энкомьенда. По сути дела, это было крепостное право, но со спецификой, характерной для колонизации. Испанец получал от государства не земельные угодья, а труд и право на продукт труда некоторого числа индейцев» [Травин 2022: 18].

блага колоний, и которые мы обязуемся должным образом соблюдать, и которым мы обязуемся подчиняться»⁴.

Удивительнее же всего то, что декларация «соблюдать и подчиняться» универсальным правилам была не просто условностью, а тем, что реально работало в колониях на протяжении 156 лет — с 1620 по 1776 г. Не только принимались справедливые и основанные на всеобщем равенстве законы, но и возникали институты, способствовавшие их исполнению. Следует обратить внимание, что, в отличие от большинства конституций, здесь даже не упоминается учреждение правительства или его аналога с целью обеспечения безопасности, прав и свобод. Можно рассматривать этот период американской истории как пример действия хайековского закона спонтанного порядка [Хайек 2011], когда правила, очень важные для существования общества, принимаются без единой воли (правительства). Конечно же, такой порядок оказался возможным на основе того опыта, который уже был у колонистов.

Самоуправление в колониях

Хотя формально колонии были под властью английской короны, тем не менее они почти во всем опирались сами на себя и не ждали помощи от метрополии. Так, Уинстон Черчиль писал об этом:

«Американские колонии спокойно и уверенно росли последние сто пятьдесят лет. Всю первую половину XVII в. англичане переселялись на американский континент. С юридической точки зрения колонии, в которых они оседали, являлись территориями, заселенными на основе королевской хартии, но вмешательство в их дела было небольшим, и очень скоро они научились самоуправлению» [Черчиль 2012: 148].

Это говорит о том, что американский народ, по существу, был предоставлен сам себе и до поры до времени мог наслаждаться фактической независимостью, обусловленной территориальной удаленностью от Англии и тем, что в Америку приезжали те, кого сами англичане считали маргиналами. Они бежали от религиозных, политических и финансовых ограничений, которые на них накладыва-

⁴ Оригинальный текст — на сайте Йельского университета. URL: https://avalon.law.yale.edu/17th_century/mayflower.asp (дата обращения: 01.12.2022).

ло английское правительство и церковь. Поэтому религиозный пыл и убежденность в особой миссии колонистов придавали им силы, были своеобразным источником того, что экономическая теория называет низким времененным предпочтением. Это отличало Плимут от попыток колонизации в XVI в.

Первый свод законов

Первые кодексы были приняты колонистами. Как отмечает Пол Джонсон: «Мы обнаруживаем здесь самый первый американский свод законов (*legal code*), который Гейтс называл “Законы божеские, моральные и воинские” (*Lawes Divine, Moral and Martiall*). Они известны под названием “кодекс Дэйла” (*Dale’s Code*), по имени маршала Томаса Дэйла, который по должности обеспечивал их исполнение» [Johnson 1997: 26–27].

Эти кодексы носили уже гражданско-правовой характер, если сравнить их с тем, что использовалось ранее в виде прямых распоряжений: «В отличие от ордонансов Сmita, которые имели характер армейских приказов, это были гражданские законоположения, хотя и написанные в строгом пуританском стиле» [*ibid.*].

Действительно, пуританство играло особую роль в культуре и институтах колонистов. Главными добродетелями считались строгость, трудолюбие, бережливость, набожность. Даже воскресный день был жестко регламентирован: «Нерабочий воскресный день был строго обязательным, запрещалось ношение нескромной одежды и сурово наказывалась праздность» [*ibid.*].

Кроме того, колония не была самодостаточной в отношении продовольствия, по этой причине экспорт был запрещен.

Но был у этого запрета и неожиданный эффект — то, что Хайек называл «непреднамеренными последствиями». От страха нарушить кодекс один из колонистов использовал свое свободное время, экспериментируя с выращиванием табака. Довольно быстро он смог создать сорт, который завоевал мировой рынок под названием «Виргинский табак». Поэтому довольно скоро запрет на экспорт был отменен, а выручка от табака стала одним из основных пунктов в статьях доходов колонистов. Кстати, этот изобретатель позже стал мужем знаменитой «королевы» Покахонтас.

Успех Уильяма Брэдфорда

Уильям Брэдфорд — один из авторов Мэйфлауэрского соглашения — сыграл выдающуюся роль в истории своего народа. Он был главой поселения Плимут и первым историком США. Его опыт показывает то, как реальная децентрализация защищает от социалистических экспериментов. В 1621 г. колонисты опробовали своеобразный социалистический эксперимент, земля рассматривалась как принадлежащая всем поселенцам, каждый работал для формирования общего фонда, а после урожая получал поровну. Такая система по принципу «От каждого по способностям, каждому по потребностям» привлекла к катастрофическим последствиям: каждый стремился меньше работать, зная, что результат не влияет на его доход. В итоге наступил страшный голод, в котором помочь пришла с неожиданной стороны — от индейцев. Но главное, что позволяло накормить колонистов, — это решение Брэдфорда провести своеобразную приватизацию. После голода в колонии, вызванного экспериментом с социализмом, Брэдфорд решил задействовать потенциал конкуренции: земли были разделены по частным владельцам, результаты труда на каждом участке обменивались на то, что было нужно каждой семье. Частная собственность, личная мотивация и добровольный обмен привели к тому, что уже в 1623 г. выдался очень хороший урожай, в этом году наблюдался своеобразный экономический бум, похожий на то, что веками позже было опробовано как НЭП. Экономическая свобода вызывает рост благосостояния. Коллективная собственность приводит к нищете. Вот первые уроки экономики, которые изучила нация в начале своего существования. В дальнейшем, когда в США те или иные штаты пытались поэкспериментировать с социализмом, это довольно быстро заканчивалось, так как реальный федерализм обеспечивал возможность штатам сравнивать институты, которые обеспечивают лучшие результаты, так задолго до «Богатства народов» американцы выучили главный урок экономики [Усанов 2017]. Ситуация радикально изменилась лишь в XX в., когда Франклину Рузвельту удалось до беспрецедентных масштабов расширить роль федерального правительства⁵.

⁵ См. главу 4.

Воспоминания Уильяма Брэдфорд

Уильям Брэдфорд оставил свои воспоминания «История поселения в Плимуте», где подробно описал то, как опыт коллективистской собственности породил голод и как частная собственность позволила накормить жителей Плимута.

Причина голода была определена предельно четко: «Общность имущества (какая существовала у поселенцев) стала причиной большого недовольства и затрудняла исполнение многих дел, которые служили пользе и удобству» [Град на холме 2020: 87]. И далее Уильям Брэдфорд поясняет: «Наиболее трудоспособная часть, молодые мужчины, была недовольна тем, что тратила время и силы и работала безвозмездно ради чьих-то жен и детей. Хороший работник при разделе провизии и одежды имел не больше, чем слабый человек, который не мог сделать и четверти того, что делали другие; такое положение считали несправедливым» [там же]. Коллективизм не одобряли и мужчины и женщины: «Что касается женщин, которые должны были заботиться о других мужчинах, готовить им пищу, стирать белье и др., то они воспринимали эти обязанности как некое рабство, и многие мужья были недовольны» [там же].

Привал был очевиден. Нужно было что-то менять: совершать первую «американскую модернизацию», т. е. передать собственность в частные руки, заметим, еще до образования государства.

После долгого обсуждения причин привала «социалистического эксперимента» Уильям Брэдфорд писал, что «после многочисленных дебатов губернатор (по совету уважаемых людей) принял решение о том, что каждый сажает маис и заботится о нем сам. С этой целью каждая семья в соответствии с ее численностью получала участок земли. Это предприятие имело успех, так как все начали с желанием трудиться и посадили гораздо больше маиса, чем губернатор или иные лица могли бы добиться. Теперь женщины с желанием выходили в поле и брали с собой маленьких детей, в то время как раньше ссылались на слабость и неспособность» [там же]. Начался экономический рост, вызвавший бум в 1623 г. Секрет экономического успеха — частная собственность, а идеи Платона и прочих противников частной собственности, по мнению Уильяма Брэдфорда, должны быть отброшены: «Этот опыт (колонистов. — П. У.), проверенный годами и подтвержденный

благочестивыми и здравомыслящими людьми, опровергает мнение Платона и других древних, а также более поздних мыслителей, о том, что если забрать у людей собственность и объявить все общим, то они станут счастливыми и благополучными» [там же].

Удивительнее всего то, к какому выводу приходит автор: провал эксперимента связан не с тем, что порочны люди, а идея социализма правильна, а что корень проблемы в самой идее социализма: «Не будем думать, что главное здесь — людская порочность, а сама идея верна» [там же]. К такому выводу пришли американцы в 1620 г., — странно, что четыреста лет спустя многими забыта эта трезвая мысль и стоящий за ней опыт. В итоге то общество, которое создавали колонисты, можно считать тем, что Адам Смит называл «коммерческим обществом».

Фактически за 150 лет до Декларации независимости в Америке было создано общество, которое было близко к принципам либертарианства. Как пишет Ганс-Герман Хоппе, на основе проделанного Мюрреем Ротбардом исследования истории США, это было либертарианское общество и именно это сделало возможным тот экономический прогресс, который вывел Америку на уровень крупнейших экономик мира: «США были страной, где теория естественных прав была широко распространена и принята в качестве индивидуалистической этики, а либертарианская философия, по сути, является идеологией, на которой была основана страна и которая позволила ей развиться до нынешних высот» [Хоппе 2021: 283].

«Град на холме»

Речь, прочитанная священником Джоном Уинтропом в 1630 г. перед своей общиной, видимо, была одной из самых амбициозных и... неуместных. Дело в том, что для реализации намеченных планов не было на тот момент никаких предпосылок: вся цивилизация находилась для пилигримов за океаном, а перед ними располагался еще не освоенный континент, вполне возможно, с враждебно настроенным местным населением. В таких условиях, взирая на джунгли и прерии, вряд ли речь о будущем величии могла бы показаться современному наблюдателю уместной. Откуда у горстки людей, не уверенных в способности выжить, такой долгий взгляд, которому могут позавидовать многие наши современники?

Брэдфорд так описывает настроения колонистов: «Одолев океан, а до этого — море бедствий... не имели они здесь ни друзей, чтобы их встретить, ни постоянных дворов, где подкрепили бы изнуренные тела; ни домов, а тем более городов, где могли бы укрыться и искать помощи... те дикари, что встретились нашим путешественникам, более склонны были пронзить их стрелами. Что увидели мы, кроме на-водящей ужас мрачной пустыни, полной диких зверей и диких людей? И сколь много их там было, мы не знали. Лето уже миновало, и все предстало нам оголенное непогодой; вся местность, заросшая лесом, являла вид дикий и неприветливый. Позади простирался грозный океан, который пересекли мы и который теперь непреодолимой пре-градой отдалял нас от цивилизованных стран» [Бурстин 1993: 8–9].

Не без иронии Дэниел Бурстин прокомментировал эту речь: «Ни-когда еще Земля Обетованная не представляла в столь непрглядном обличье. Однако на протяжении ближайших полутора столетий — до того даже, как совершилась Американская революция, — суровому этому краю суждено было стать одной из наиболее “цивилизован-ных” стран на земном шаре. Здесь были прочерчены контуры новой цивилизации. Как это происходило?» [там же].

Все началось с одной пламенной речи, которой было суждено создать главный образ нарождающейся нации, — «Град на холме»: «Должны мы иметь в виду, что будем подобны городу на холме, — взоры всех народов будут устремлены на нас; и ежели мы обманем ожидания нашего Господа в деле, за которое взялись, мы станем притчей во языщех по всему миру, отверзнув уста врагов, хулящих пути Господни и Его поборников» [Winthrop 1892: 304–307].

Как мы видим, мотивация сильно изменилась со времен сэра Уолтера Райли: с желания ограбить местное население и уехать обратно в Англию на готовность много работать и преодолевать испытания ради великой миссии — быть образцом для подражания для всего мира.

И это сработало!

Надо сказать, что религиозный пыл и оптимизм никогда не покидали американцев: «Величайшим утешением и защитой, превыше всего прочего, служит нам то, что у нас проповедуют истинную Веру и святые Заветы Господа Всемогущего! Таким образом, не может быть сомнения в том, что с нами Бог, а коль скоро Бог с нами, кто в силах противостоять нам?» [Бурстин 1993: 12]. Можно счесть,

что здесь есть противоречие с утверждением автора о том, что американская революция была либертарианской. Но либертарианские идеи вовсе не противоречат свободе вероисповедания: можно считать, что народ призван создать «Град на холме»⁶ и при этом выбирать для достижения либертарианские средства: частную собственность, конкуренцию и капитализм. Что и было осуществлено в США. Религиозный фактор, несомненно, играл и играет большую роль в Америке. Эта книга не ставит своей задачей описать в деталях влияние религии на историю США. Желающие могут обратиться к работе Д. Фурмана «Религия и социальные конфликты в США» [Фурман 1981]. Некоторые аспекты проблемы освещаются в главе 3 о Позолоченном веке и Прогрессивной эре. Кроме того, положительную роль с точки зрения развития сыграл факт высокого уровня религиозной свободы. В отличие от Европы в США был высокий уровень децентрализации на «рынке» верований. Даже Иоганн Гёте отмечал, что в Нью-Йорке располагаются девяносто церквей и все они хорошо уживаются друг с другом⁷.

Многие нарождающиеся нации считали, что у них особая миссия, предоставленная именно им Творцом, но лишь одна нация смогла выполнить свои обещания. Начиная с конца XIX в. Америка выходит на первое место по промышленному производству, оставив позади свою бывшую метрополию, становится своеобразным лидером западного мира. Пальма лидерства на весь XX в. переходит к США, и лишь в 2010-е гг. это лидерство начинают ставить под вопрос.

⁶ На мой взгляд, в идее «Града на холме» не так много именно религиозного пафоса; скорее, это пафос гражданский — желание создать пример для подражания для всего мира.

⁷ «В Нью-Йорке — девяносто различных христианских вероисповеданий, из которых каждое на свой лад почитает Господа Бога, не вступая ни в какие столкновения с остальными... Мы должны дойти до того же положения; а то, что это значит, когда каждый говорит о либеральности и мешает другому думать и высказываться по-своему» [Лихтенштадт 1920: 347]. Следует отметить, что со временем Гёте многое изменилось в отношении свободы слова и в самом Нью-Йорке.

Частное финансирование

Хотя нельзя считать общество до 1776 г. воплощением идеи анархо-капитализма, никогда еще ни одна страна ни до этого, ни после не была так близка к возможности реализации такого эксперимента в чистом виде. Государство не занималось финансированием деятельности колоний, все деньги, которые шли на инвестиции, направлялись из частных источников. Как отмечает Пол Джонсон: «...это (финансирование колоний. — П. У.) было спекулятивным инвестированием, осуществлявшимся компанией, капитал которой финансировался за счет средств частных лиц и которая занималась организацией и оснащением экспедиций, с тем чтобы получить финансовую отдачу. Корона не имела никакого отношения к денежной стороне дела» [Johnson 1997: 24].

Колонисты активно занимались торговлей, в том числе процветал рыбный промысел: «Поселенцы добывали омаров, устриц, сельдь, осетра, морского окуня и пикшу, крабов и треску. По сути, треска для Массачусетса была тем же, что табак для Вирджинии. “Колыбель американской свободы”, Фанел-холл (основан в 1742 г. — П. У.), был подарком Питера Фанела, бостонского торговца, сделавшего состояние на продаже трески из Новой Англии по всему миру» [Гринспен, Булдридж 2020: 50].

Такое общество следует считать «коммерческим» или капиталистическим: «...за много лет этот метод финансирования поселений зарекомендовал себя как наилучший, и одно из объяснений того, почему английские колонии в Америке оказались, в конце концов, успешными и сумели создать такое многочисленное и устойчивое сообщество, как капитализм, основанный на частном предпринимательстве и денежном рынке, можно найти уже в момент их зарождения» [Johnson 1997: 24].

Кроме того, что хозяйственная деятельность колонистов была крайне эффективной, они были заражены радикализмом Английской революции 1688 г. Идеи колонистов были взращены опытом этой революции. Можно сказать, англичане научили американцев, как бороться за свои права и свободы. Что колонисты и сделали примерно 100 лет спустя. Идейную поддержку им обеспечили такие писатели, как Томас Пейн, который четко различал понятия «общество» и «государство»: «Некоторые авторы настолько смешали (понятия. — П. У.)

“общество” и “правительство”, что между ними не осталось никакого или почти никакого различия; между тем это вещи не только разные, но и разного происхождения. Общество создается нашими потребностями, а правительство — нашими пороками; первое способствует нашему счастью положительно, объединяя наши благие порывы, второе же — отрицательно, обуздывая наши пороки; одно поощряет сближение, другое порождает рознь. Первое — это защитник, второе — каратель.

Общество в любом своем состоянии есть благо, правительство же и самое лучшее есть лишь необходимое зло, а в худшем случае — зло нестерпимое» [Пейн 1959: 21].

Таким образом, история Америки до образования государства не была унылой и однообразной. Были как успехи, так и провалы. Накопленный опыт позволил сохранить на долгие годы фундаментальные права и свободы потомков пилигримов.

Американская революция, по всей видимости, самая успешная революция в истории человечества, проходила под лозунгом *No Taxation Without Representation* («Нет налогам без представительства!»). Однако сама идея налогов не казалась отцам-основателям неправильной, они все же считали правительство — вслед за Пейном — «необходимым злом». Поэтому и требования американцев во время Американской революции были в том, чтобы их сделали частью английской политической элиты. Англичане не захотели идти им навстречу. Тогда колонисты устроили революцию, но поскольку идеология в отношении необходимости государства к тому моменту у американцев мало отличалась от англичан, то вместо английского «Левиафана» они создали свой собственный. Уже в первые годы Республики американцы восстановили те институты, с которыми боролись, причем и налоги, и инфляция, и протекционизм, и коррупция в государственном аппарате стали не меньше, а больше.

Это не означает, что американская революция сыграла негативную роль для американцев, это лишь означает, что большая последовательность в области идей отцов-основателей (особенно это касается А. Гамильтона и его последователей) могла бы сделать успехи еще большими.

Когда победа приводит к революции: победа в Семилетней войне

За несколько лет до начала Американской революции ничто не предвещало того, что один народ разделится в ожесточенной и кровопролитной борьбе. Не было такого понятия, как «американцы», жители колоний считали себя и были по культуре и языку англичанами. Война за независимость сделала актуальным благодаря Франклину понятие «американец». Отцы-основатели считали самыми великими людьми в истории Исаака Ньютона, Джона Локка и Уильяма Шекспира. Все трое, как известно, англичане. Что же вызвало столь ожесточенную войну?

Как ни странно, все началось с победы в войне. Победа англичан и американцев над французами в Семилетней войне привела к огромному государственному долгу. К тому моменту финансовая система Англииправлялась на консервативных началах: бюджет должен быть сбалансированным. Для сокращения государственного долга были приняты гербовый сбор и предоставлена монополия Ост-Индской компании на импорт чая, были повышенены налоги. Причем в самой Англии они были в несколько раз выше, гербовый сбор также платился в метрополии. Величина его была крайне незначительной. Нельзя сказать, что англичане «закрутили гайки» и довели американцев до отчаяния и нищеты. Это была разумная фискальная мера: разделить бремя военных расходов с жителями колонии. Не кто иной, как Адам Смит, на последних страницах своего «Исследования о природе и причинах богатства народов» писал о том, что англичанам хватит кормить американские колонии⁸. В любом случае колонисты

⁸ Адам Смит писал в 1776 г.: «Правители Великобритании в течение более столетия услуждали народ мыслью, что он владеет по ту сторону Атлантического океана громадной империей. Однако эта империя до сих пор существовала только в воображении. До сих пор это была не империя, а только проект ее, не золотой рудник, а только проект золотого рудника, проект, который стоил, продолжает стоить и, если за него будут держаться так, как до сих пор, будет и дальше стоить громадных издержек, не обещая приносить ни малейшей прибыли, потому что монополия торговли с колониями, как это было уже выяснено, для главной массы народа приносит скорее убыток...

16 декабря 1773 г. устроили «Бостонское чаепитие»: в одеждах индейцев они проникли на территорию частной компании и выбросили чай за борт. Англичане посчитали эти действия актом вандализма и разрушения частной собственности (нельзя сказать, что они совсем не были в этом правы). Как результат, был закрыт порт города Бостона. События развивались крайне стремительно. Американцы не готовы были такое терпеть. Это привело к созданию Конвента и самоорганизации колонистов. В итоге в 1775 г. произошло столкновение на поле Лексингтона. Это был смелый шаг со стороны колонистов. Они начинали войну явно в неравных условиях, у колонистов не было армии и флота в отличие от англичан, они зависели материально от метрополии. У англичан была и профессиональная армия, и новейшее вооружение, плюс гигантские ресурсы по всему миру. Колонистам предстояло воевать с самым сильным в мире на тот момент соперником. Ничто не предвещало победу колонистов. Всех отцов-основателей в случае поражения ждала неминуемая виселица. Сбрасывания памятников Георгу III, публичная демонстрация ненависти к институтам монархии и англиканской церкви, активная антибританская пропаганда де-факто означали, что «мосты были сожжены» и поражение будет фатальным для американцев. В какой-то момент война казалась проигранной. Англичане захватили столицу и зимой на Рождество в 1788 г. грелись в хорошо отапливаемых домах, а колонисты умирали от холода. Однако самоорганизация и федерализм сыграли свою роль. Можно было захватить столицу, но нельзя уничтожить децентрализованное сообщество и ее армию. Ротбард описал процесс создания колонистами армии и ее финансирования в различных шта-

Пора уже, без сомнения, чтобы наши правители либо осуществили тот золотой сон, в котором они, возможно, сами пребывали до сих пор вместе с народом, либо же чтобы они сами проснулись и постарались пробудить от него народ. Если проект не может быть осуществлен, от него надо отказаться. Если какие-либо провинции Британской империи нельзя заставить участвовать в содержании всей империи, то, несомненно, настало время, чтобы Великобритания освободила себя от расхода по защите этих провинций во время войны и от содержания той или иной отрасли их гражданского или военного управления во время мира и постаралась согласовать свои будущие стремления и планы с фактической скучностью своих средств» [Смит 2007: 875–876].

tax [Rothbard 1979]. Это пример того, как негосударственные армии могут оказаться куда эффективнее армии гигантской империи. Колонистам удалось навязать англичанам долгосрочный и крайне невыгодный конфликт. Ресурсов уходило много, а общественное мнение все меньше было склонно одобрять решение Георга III не идти на компромисс с колонистами. Англичанам стало понятно, что они не могут победить в этой войне либо победа окажется такой же дорогостоящей, как помочь Франции колонистам, и закончится это все равно революцией, но только не в колонии, а в метрополии, что и произошло во Франции в 1789 г. Один из не самых очевидных источников Великой французской революции — подрыв финансов французской короны во время Войны за независимость, которую активно поддерживали и французская корона, и французская армия. Такова цена нарастания собственных внутренних проблем, к тому же не в самой эффективной и бюрократизированной экономике Франции.

Удивительнее всего то, что тесные культурные и экономические отношения между англичанами и американцами привели к выигрышу англичан. Экономический бум бывших колоний многократно увеличил спрос на продукцию английской промышленности. Возможно, одна из причин английской промышленной революции — Американская революция. Конституционная демократия в Англии вышла из кризиса обогащенной, а неограниченная монархия во Франции привела к краху режима и кровавому террору. Лучше, когда у власти есть свои границы, даже если в краткосрочном периоде неограниченная власть имеет меньше издержек на принятие быстрых и эффективных решений. Заканчивается все это всегда крайне плохо, в том числе для самой власти.

Глава 2

Американская революция и ее последствия: от Декларации независимости до Гражданской войны (1776–1865)

Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, свободу и стремление к счастью.

Томас Джейфтерсон [Джейфтерсон 2015: 273]

Только поняв суть Америки, ее можно по-настоящему полюбить. Полюбить не за ее небоскребы, автомобили, самолеты, дороги, магазины, музыку, кинофильмы — короче, за ее богатство и культуру, но за те права и свободы, от посягательства на которые защищают Конституция и Билль о правах. Защищают, заметьте, от своего же собственного правительства.

Борис Палант [Палант 2019: 9]

Неизвестной цивилизации, которая вырастает в Америке.

Фридрих фон Хайек [Хайек 2018: 8]

Однажды Джон Кеннеди на встрече с нобелевскими лауреатами в Белом доме сказал, что «никогда еще в Белом доме не собиралось столько талантов и знаний, кроме разве тех случаев, когда Томас Джейфтерсон обедал здесь в одиночестве» [Ефимов 2015: 314]. Отецы-основатели США, к которым по праву относится Джейфтерсон, заложили основы американской цивилизации. Джейфтерсон, 3-й президент США и автор Декларации независимости 1776 г., был сторонником индивидуальной свободы и индивидуальной ответственности и с недоверием относился к любой власти¹. Именно эти добродетели сослужили хорошую службу американскому народу.

¹ Вот некоторые принципы политической философии Джейфтерсона: «Лучшее правительство — это то, что правит меньше всего» [Голдберг

Американская революция — самая удачная революция в истории человечества. Она своих детей явно не пожрала [Малия 2015: 190]. Тринадцать колоний (Нью-Гэмпшир, Массачусетс-Бэй, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Делавэр, Мэриленд, Виргиния, Северная Каролина, Южная Каролина, Джорджия), занимающих небольшую территорию на восточном побережье Северной Америки (примерно 10 % территории современных США и меньше 1 % современного населения²), образовали новое общество, которому удалось продемонстрировать небывалые темпы экономического развития и модернизации. Американская революция не только создала США, но и сформировала современный мир. Как говорил Томас Пейн: «Дело Америки в значительной мере является делом всего человечества» [там же: 189]. Если Великобритания одно время была образцом для подражания, то позже наступили времена, когда таким образцом стали США.

Кроме того, это была либертарианская революция³. Идеи радикальных либертарианцев Джона Локка и Томаса Пейна были направлены не просто против тирании английской короны, но против любой тирании. Отцы-основатели США являлись не только теоретиками

2012: 101], «Меньшинство обладает равными правами (с большинством. — П. У.)» [Джефферсон 2015: 92], «Человек способен на самоуправление» [там же: 94], «Тем крепче республика, чем больше она основывается не на завоевании, а на договоре» [там же: 95], «Чтобы сохранить независимость народа, мы не должны позволять тем, кто нами правит, ввергать нас в вечные долги» [там же: 98], «Доллар — это единица или монета известная и наиболее привычная. Он принят уже везде от Севера до Юга, он уже стал нашей валютоой, так что у нас есть счастливая возможность использовать уже находящуюся в обороте денежную единицу» [Laughlin 1901: 11]. Ср. последнее высказывание с конструктивистскими и интервенционистскими взглядами Александра Гамильтона (1755–1804). В 1793 г. Конгресс постановил, что все циркулирующие в США монеты являются узаконенным средством платежа. Это было логично, потому что даже в 1800 г. 80 % монет, имевших хождение в США, были иностранной чеканки [Ротбард 2016: 66].

² В 1770 г. около 150 тыс. индейцев жили к востоку от Миссисипи. Но они все еще оставались охотниками-собирателями [Малия 2015: 192].

³ Это не противоречит тому, что такая революция основывалась на религиозном мессианстве идеи «Града на холме». См. об этом в главе 1.

либертарианства и *laissez-faire*, но и людьми, которые смогли на практике реализовать свои принципы.

Не случайно Американская революция: 1) оказалась успешной; 2) была либертарианской; 3) породила множество подражаний.

Почему же произошла Американская революция? Что привело к победе колонистов? Какое общество они мечтали создать и какое создали? Что не получилось у отцов-основателей? Все эти вопросы в конечном итоге связаны с вопросом об *истоках американской модернизации*.

Причины Американской революции

Американская революция разрушает все шаблоны. Принято считать, что революции совершаются, «когда либо верхи не хотят, либо низы не могут», когда в стране наступает затяжной экономический кризис, появляются новые жестокие притеснения либо происходит поражение в войне. Ничего этого не было в случае Американской революции⁴. Англичане совместно с американцами победили в Семилетней войне французов, экономика быстро развивалась, доходы американцев были выше, чем во всех остальных английских колониях, налоги были низкими (в четыре раза меньше, чем в метрополии)⁵, американцы пользовались свободами, гарантированными английским

⁴ Есть, правда, скептики, полагающие, что никакой революции на самом деле не было. «Утверждение, что в Америке произошла антиколониальная революция, прекрасно с точки зрения пропаганды, но неубедительно с позиции исторической и социологической науки» [Баррингтон-Мур 2016: 111]. Автор обосновывает этот тезис тем, что классовая структура общества не изменилась. Американская революция — действительно странное явление с точки зрения сторонника классового подхода. Однако революции не всегда меняют классовую структуру общества, да и классовая структура меняется не всегда в процессе революции. Тем не менее Американская революция была не только сменой политических элит, но и созданием новых правил игры. Зафиксированные изменения имеют огромное значение: это Конституция и Билль о правах.

⁵ «В Америке эскалация событий выражалась в серии протестов против налогов, кстати, не таких уж высоких (налоговое бремя здесь в четыре раза уступало британскому). Наконец, американский мятеж вспыхнул в провинци-

правом, торговые связи были как никогда тесными. Даже в элитах не было раскола до начала самой революции. Несомненно, успеху колонистов способствовали решительность, терпение и территориальная удаленность от метрополии. Но этого было недостаточно⁶.

Колонисты в значительной мере представляли собой «коммерческое общество», как окрестил его Адам Смит в 1776 г. [Малия 2015: 196]. То есть они обладали необходимыми экономическими свободами.

Новую Англию основала торговая компания с королевской хартией — «Компания Массачусетского залива», превративший ее совет акционеров в провинциальную ассамблею, которая сама выбирала представителей исполнительной власти [там же: 198].

Избирательное право, конечно, основывалось на имущественном цензе, но даже в таких аристократических колониях, как Виргиния и Нью-Йорк, ценз был сравнительно низок, во всяком случае ниже,

ях с более высоким доходом на душу населения, чем в любой стране Старого Света, что резко снижало тягу к социальным переменам» [Малия 2015: 190].

⁶ Большую часть XX в. особой популярностью пользовалось экономическое объяснение Американской революции.

Артур Шлезингер-старший заявил в 1918 г., что Американская революция боролась не за конституционные принципы, как уверяют национальные ортодоксы, а за экономические интересы: торговцы побережья выступали против колониальной коммерческой системы Британии [Малия 2015: 195].

Наиболее сенсационное заявление в духе новой ортодоксии прозвучало, правда, несколько раньше, в 1913 г., в «Экономической интерпретации Конституции Соединенных Штатов» Чарльза Берда. В этом труде, который пользовался огромным влиянием, Берд фактически разоблачал Конституционный конвент, видя в нем заговор бизнесменов-консерваторов с целью выхолостить наследие 1776 г., своего рода циничный термидор, а не торжество революционных принципов, как воображали ортодоксы. Он пытался, в частности, показать, что творцы Конституции являлись не только землевладельцами, сколько инвесторами, вкладывавшими средства в мануфактуры, торговлю и особенно в государственные ценные бумаги, а следовательно, много выигрывали от установления сильной федеральной власти. Книга повлекла за собой бесконечную полемику и дотошное изучение фактов, приводимых Бердом. В результате утверждение о ценных бумагах было опровергнуто, однако весьма значительная роль экономических интересов в революционной борьбе подтвердилась [там же].

чем в Британии, а большинство взрослого мужского населения почти повсеместно обладало собственностью [там же: 198].

Жители колоний гордились своими английскими корнями, были патриотами Англии и желали быть подданными английского короля. Во время Войны за независимость, правда, лоялистов оказалось уже лишь 20 %. Англичане шли навстречу колонистам и отменили все пошлины, кроме пошлин на чай. И вот именно пошлины на чай формально стали началом революции⁷. «Бостонское чаепитие» вызвало неожиданную реакцию с каждой стороны. И еще недавно единый народ раскололся на две части в ожесточенной борьбе.

Произошел обычный для революции раскол элит. Меньшая часть американских элит выступила на стороне короны, большая же возмутилась попранием своих интересов и потребовала перемен. Для недовольных виговская Англия была средоточием коррупции и лицемерия. Они вдруг осознали, что им не по пути с английской короной.

При этом успех колонистам вовсе не был гарантирован. Они рисковали своими жизнями. Им противостояла самая мощная в военном и промышленном отношении империя, с самым большим флотом и огромными материальными ресурсами. У колонистов не было профессиональной армии. Во время войны даже Томас Пейн был иногда в отчаянии от происходящего.

Колонисты населяли только окраину континента. К 1776 г. их насчитывалось 2,5 млн человек, т. е. примерно четверть населения самой Великобритании; 500 тыс. из них были чернокожими рабами. Крупнейший город в колониях, Филадельфия, имел 40 тыс. жителей (Нью-Йорк — всего 25 тыс.), тогда как Лондон уже достиг миллионной отметки [там же: 196].

Почему же произошла Американская революция? Что ей предшествовало?

⁷ «Никогда в истории, — сказал один американский тори, — не было еще такого бунта по столь “малому поводу”». Другой писал, что это «самый беспричинный и неестественный мятеж из всех когда-либо случавшихся»: «Анналы ни одной из стран не смогут представить пример восстания столь ожесточенного, гнева и безумия столь безудержного, вызванных столь трибуналыми причинами, на которые ссылались эти несчастные люди» [Малия 2015: 191].

Тринадцать колоний Англии, возникшие на атлантическом побережье Северной Америки в XVII в., пользовались большей самостоятельностью в делах внутреннего управления. Каждая из них имела свой выход к морю, собственное правительство и законодательное собрание. Однако метрополия запрещала им торговать между собой некоторыми товарами и препятствовала торговым связям с другими европейскими странами [Кавтарадзе 2005: 149].

Насколько экономические ограничения не устраивали колонистов [Reid 1978: 81–100]? Навигационный акт 1651 г., который, кстати, поддерживал Адам Смит, закрепил это положение. На рынки колоний товары поступали только из Англии, а произведенные в них товары могли продаваться лишь в метрополии. Монопольное положение позволяло метрополии получать товары по более низким ценам и продавать свои по более высоким [Кавтарадзе 2005: 150].

Торговую монополию Англии усиливали запреты на создание в колониях производств, которые могли бы составить конкуренцию английским товарам на колониальном рынке. В 1750 г. «железный закон» вводил запрет на строительство в колониях железноделательных заводов. Запрету подвергалось производство подков, гвоздей, тонкого сукна [там же: 150].

Движение против метрополии началось в колониях после завершения Семилетней войны. Совместными усилиями колонистов и английского флота удалось вытеснить Францию из ее владений в Канаде. По условиям Парижского мира 1763 г. Канада отошла к Англии, но одновременно с этим правительство Англии запретило колонистам заселение территорий к западу от Аппалачских гор. Правда, славная победа 1763 г. оставила после себя огромный долг размером более 122 млн фунтов, выплата которого требовала свыше 4 млн фунтов ежегодно [Малия 2015: 200]. В глазах колонистов победа была содейственной, и они начали требовать представительство в английском парламенте. Вместо этого Англия стала притеснять колонии новыми налогами и ограничениями [Кавтарадзе 2005: 150].

К примеру, в 1765 г. был издан закон о гербовом сборе, который обязывал колонистов платить пошлину с каждой сделки, оформленной нотариально. Так Англия хотела пополнить бюджет, опустошенный во время войны. Этот сбор вызвал волну протестов и через год был отменен [там же: 150].

Протесты заставили англичан в 1770 г. отказаться от пошлин на ввоз в колонии всех товаров — остались только пошлины на чай. Именно они стали поводом для знаменитого «Бостонского чаепития» [там же: 151].

Реакция англичан была мгновенной⁸. Парламент принял закон о закрытии порта Бостона до тех пор, пока не будут возмещены потери Ост-Индской компании.

Член английского парламента заявил: «Мне нравится этот закон (о закрытии Бостона. — П. У.), я принимаю его и одобряю за его умение ренность». Этот закон позже будет известен как один из пяти «невыносимых законов» [Миддлкауф 2015: 273–274].

Король не ответил на петицию колонистов и вскоре объявил их бунтовщиками, а парламент проголосовал за отправку в Америку еще 25 тыс. солдат [Малия 2015: 207].

Осенью 1775 г. началось заседание Континентального конгресса, требовавшего отмены всех ограничений, действующих в колониях. В ходе военных действий между колонистами и английскими войсками 4 июля 1776 г. Конгресс провозгласил Декларацию независимости США. Англия лишь после разгрома своих войск признала независимость США, подписав в 1783 г. в Версале мирный договор [Кавтарадзе 2005: 151]⁹.

⁸ Видимо, ошибки короля Георга III его политики все же больше следствие неумелости, чем злого умысла [Малия 2015: 194].

⁹ Во время Наполеоновских войн американцы вновь воевали за независимость. В августе 1814 г. сражение в Чесапикском заливе окончилось трагически для американской столицы: британские войска захватили Вашингтон, сожгли Капитолий, Белый дом и другие общественные здания. Затем англичане двинулись на север, в сторону Балтимора. Артиллерийский обстрел города вдохновил Фрэнсиса Скотта Ки на создание патриотических стихов под названием «Звездно-полосатый флаг», позднее ставших национальным гимном республики [Макинерни 2009: 157].

Считается, что американцы потеряли всего 60 человек убитыми и ранеными, в то время как потери англичан составили 2 тыс. человек. Эндрю Джексон (1767–1845) наслаждался своим триумфом и не знал, что незадолго до этого произошло куда более важное событие. Проходившие в городе Генте переговоры завершились подписанием мирного договора, положившего конец англо-американской войне. И случилось это в самый канун Рождества 1814 г. — за две недели до победы в Новом Орлеане [там же: 158].

Следует отметить, что штаты-учредители федерации имели разные экономические интересы и традиции, поэтому, создав в США президентскую республику, Конституция США 1787 г. сохраняла децентрализованное управление страной. Были отменены дворянские звания, и все граждане уравнивались в правах, кроме, естественно, рабов [там же: 151].

Союз колонистов и борьба за него были основаны на философских и политических взглядах Бенджамина Франклина (1706–1790), Томаса Джейфферсона и Джеймса Мэдисона (1751–1836), которые являются бесценным вкладом в копилку человеческой мысли.

Идеи отцов-основателей

Человеческим поведением руководят идеи. Все, что делают люди, является результатом теорий, доктрин, убеждений и умонастроений, владеющих их разумом.

Людвиг фон Мизес [Мизес 2014: 217]

[Американская] Революция происходила в умах людей.

Томас Джейфферсон [Бейлин 2010: 16]

Бернард Бейлин совершил настоящую революцию в исследовании Войны за независимость, доказав в своей книге «Идеологические источники Американской революции», что в ее основе лежала борьба идей. Основываясь на последних работах, показывающих, что наследие пуританской республики XVII в. сохранилось и в XVIII в. в виде радикальной критики «продажного» правления вигов, Бейлин продемонстрировал, что идеология «приверженцев Содружества» в большей мере, чем просвещение, вдохновляла основную массу протестной литературы в Америке начиная с 1765 г. Именно эта идеология стояла за знаковыми событиями того времени — известной серией кризисов от протестов против «Акта о гербовом сборе» до «Бостонского чаепития». В частности, ограничительные меры британского правительства в те годы казались колонистам очевидным «доказательством самого настоящего умышленного сговора, в который тайно вступили заговорщики и в Англии, и в Америке» [Малиа 2015: 196].

Революцию наделило особой силой и сделало преобразующим событием» не «свержение существующего порядка», а «радикальная идеализация и рационализация предыдущих полутораста лет американского опыта» [там же: 196].

С самого начала американцы заимствовали из Европы идеи как свободы (французский либерализм), так и дирижизма (меркантилизм). Первоначально преобладали идеи свободы, особенно благодаря Томасу Джейферсону. Но уже Александр Гамильтон был сторонником централизации кредита, протекционизма и государственного долга [Dorfman 1949a: 404–417].

Несомненно, что на формирование нации оказали влияние книги Б. Франклина, отличавшиеся доступностью и культом *self-made man*. Прагматизм и целеустремленность стали чертами американского характера, уже здесь виделось отличие от англичан: чопорность и аристократизм отсутствовали у американцев. Во время конфликта образ национального характера американца был важен для противопоставления себя англичанам.

Что касается экономических взглядов Б. Франклина, то он соглашался с критикой меркантилизма А. Смита и разделял с ним принципы свободной торговли [Паррингтон 1962: 239].

Ветвь этизма в американской истории олицетворяет Гамильтон [Травин, Маргания 2011: 111–125], который в 1791 г. представил Доклад о значении мануфактур [Syrett 1966: 230–340]. По сути, Гамильтон детально разработал план Государства-Левиафана в экономической сфере [Паррингтон 1962: 367–370]. Если идеи Джейферсона можно называтьprotoхайековскими, то идеи Гамильтона — протокейсианскими.

Гамильтон был сторонником активной фискальной политики: «Государственный долг будет благословением для нашей страны. Он прочно с cementирует наш Союз. Он, кроме того, создаст необходимость поддерживать налогообложение на таком уровне, который послужит стимулом для развития промышленности» [там же: 370].

Джефферсон остро отреагировал на доклад Гамильтона [там же: 426–427] и по мере сил боролся против расширения власти федерального правительства [Ефимов 2015: 224]. Джейферсон четко обозначал себя как противника централизации.

Видимо, на его убеждения повлияло знакомство с французскими экономистами. Джейферсон был лично знаком с последователем

французского экономиста и государственного деятеля Жака Тюрго (1727–1781) физиократом Дюпоном де Немуром (он даже делегировал ему планы по развитию образования в США), который эмигрировал в США в 1790-е гг. В 1768 г. он опубликовал трактат «О происхождении и развитии новой науки», в которой отстаивал принципы *laissez-faire* [Дюпон де Немур 2008: 495]. Так что традиция критического отношения к интервенционизму была крайне характерна для Джейфферсона: «Наша страна слишком велика для того, чтобы всеми ее делами вершило одно правительство. Слуги общества, находящиеся на далеком расстоянии, без надзора со стороны своих избирателей, окажутся по причине этой отдаленности неспособными управлять и не будут уделять должного внимания всему, что необходимо для справедливого управления гражданами. Это же обстоятельство, лишающее избирателей возможности контролировать своих избранников, толкает слуг общества к коррупции, казнокрадству, мотовству» [Паррингтон 1962: 431].

Для Джейфферсона идеалом было минимальное государство, выполняющее лишь функции «ночного сторожа»: «Мудрое и бережливое государство, государство, которое будет пресекать попытки людей наносить друг другу вред и в то же самое время предоставит им свободу трудовой деятельности и совершенствования и не станет отнимать у труженика заработанный им хлеб, — вот каким должно быть хорошее государство, которое необходимо нам, чтобы сделать наше счастье полным» [там же: 435].

В конечном итоге как успехи, так и поражения Американской революции связаны с тем, какие идеи одерживали победу.

Сам Джейфферсон признавал в письме Джону Адамсу в 1815 г.: «Что считаем мы революцией? Войну? Она не была частью революции, но лишь следствием ее. Революция происходила в умах людей между 1770 и 1775 гг., на протяжении пятнадцати лет, до того, как первая капля крови пролилась в Лексингтоне. Протоколы тринацати законодательных собраний, памфлеты, газеты всех колоний за это время удостоверяют, как общественное мнение постепенно было просвещено и осведомлено относительно власти парламента над колониями» [Бейлин 2010: 16].

Однако речь шла не только о просвещении, но и об откровенной пропаганде, изображающей англичан как народ, сеющий разврат в колониях. Конечно же, меньше всего американские памфлеты

характеризовала объективность. Но без этих памфлетов не было бы и революции. Памфлеты против Англии были мощным инструментом революции [Мижуев 2015: 56].

Так, в 1769 г. бостонский корреспондент писал о «продажности», которая, «как Всемирный потоп, затопила все к вечному позору британской нации», и предполагал, что «деспотическое и тираническое» английское правительство поэтому «распространило свои грабительские набеги на Америку», а Британские острова оказались слишком тесны для «беспрестанной жажды роскоши, расточительства и беспутства». В 1770 г. Элиот писал Холлису: «Господи, помилуй Великобританию! Ибо среди вельмож, я боюсь, едва ли найдется человек добродетельный. Надо бы утешаться надеждой, что среди низших сословий дела обстоят лучше, однако народ нельзя продать, если он до этого не продал себя сам». Публицист Чарльз Кэррол выражался еще патетичнее: «Я отчаялся увидеть, как Конституция вернет себе прежнюю силу. Огромная власть короны, богатство вельмож и развернутость простонародья суть непреодолимые препятствия для парламентской независимости».

Через три года, в 1774-м, Кэррол снова отмечал бесповоротный упадок Англии: «Ненасытная алчность или, что хуже, властолюбие испорченных министров намеревается распространить в Америке ту продажность, которая даровала им неограниченную власть над Великобританией, которая привела Британскую империю на край гибели, ополчила (я не преувеличиваю) подданного против подданного, отца против сына, так что противоестественные убийства могут прибавиться к ужасам гражданской войны» [Бейлин 2010: 87].

Пропаганда оказывается эффективной, когда она подготовлена на основе более основательных работ философов и политиков, таких как Томас Джефферсон.

Почему у Америки получилось?

Крупнейший специалист по социологии революций Мартин Малия в книге «Локомотивы истории» пишет об удивительной успешности Американской революции: «Не штурмовалась Бастилия, не катились с эшафота королевские головы. Главными символичными событиями стали “Бостонское чаепитие” и мушкетная перестрелка

на Лексингтонском лугу. Переворот закончился невыездом на авансцену человека на коне» [Малиа 2015: 190].

Видимо, одна из наиболее важных причин успеха революции в том, что Америка никогда не знала «старого режима», как позже она не знала и социалистического движения [там же: 208]. При этом надо отметить, что оно было трансформировано в США в движение прогрессистов и либерализм Нового курса Франклина Рузвельта.

Подобно всем европейским революциям, американский мятеж начался как реакция на государственное строительство со стороны короля и закончился представительным конституционным правлением [там же: 191]. Идеологически американцы начали борьбу, на которую падал далекий отсвет 1688 г., т. е. пытались защитить свои исторические права как англичане [там же: 192]. Прежде всего, в Америке ота существовал фактор, который до тех пор являлся определяющим для европейской цивилизации, — «старый режим». Там не просто не проживал король, но, что гораздо важнее, не существовало ни сословной системы, ни другого рода наследственных привилегий, ни единой церковной организации или традиции сакральной власти [там же: 192].

Американская революция — это самое успешное, хоть и осуществленное чужими руками, творение английской революции, пожалуй, более примечательное и уж конечно более современное, чем либеральный, но узкоолигархический порядок, сложившийся к 1688 г. в метрополии [там же: 193].

Согласно знаменитому изречению Карла Беккера, Американская революция представляла собой схватку не только за то, чтобы «править у себя дома», но и за то, «кто будет править дома». Поэтому за патриотической риторикой эти ревизионисты видели классовую борьбу, «совсем как в 1789 г.» или во время любого европейского восстания.

При кромвелевском Содружестве политика Англии стала более интервенционистской: правительство выкупило «сахарные острова» Вест-Индской компании, ввело для всей британской системы «Навигационный акт», который обязывал североамериканские колонии торговать только в рамках этой системы. С точки зрения британцев, колонии предназначались для того, чтобы служить источником сырья (табака, индиго, риса) или продукции первичной обработки (вроде соленой трески), а также быть закрытым рынком для товаров британских мануфактур [там же: 198–199].

Подлинное значение решительной победы Британии в 1764 г. для будущего заключалось в том, что колониям больше не требовалась ее защита. Метрополия в одночасье стала потенциально не нужна [там же: 199].

Более серьезную проблему представляло решение Лондона впервые со времени основания колоний напрямую облагать их налогом — до тех пор все налоги принимались голосованием на их собственных представительных ассамблеях.

Гербовый сбор, издавна существовавший в Англии, подразумевал покупку официальной (гербовой) бумаги для любого рода юридических и коммерческих документов; для продажи этой бумаги Лондон выбирал некоторых именитых колонистов. Когда известия о новых правилах достигли Северной Америки, результатом стал незамедлительный массовый протест под лозунгом «Нет налогам без представительства». Этот лозунг будет лейтмотивом всей революции [там же: 201].

Чтобы спасти лицо, парламент принял «Деклараторный закон», сохранивший за ним (абстрактно) право издавать законы для колоний «по любым, каким бы то ни было, вопросам». Вторая волна протеста прокатилась после введения в 1767 г. пошлин Тауншenda на стекло, свинец, краски и чай; жители отказывались предоставлять военным жилье, хотя их обязывали к этому «Акт о постое» 1765 г. Трения между войсками и горожанами неизбежно привели к стычке — так называемой Бостонской бойне в марте 1770 г. [там же: 202–203].

Затем Лондон допустил еще один промах. В 1773 г. парламент, стремясь помочь Ост-Индской компании справиться с финансовыми трудностями, уполномочил ее назначать в Америке собственных агентов для продажи чая напрямую розничным торговцам, т. е. в обход американских оптовиков. Хотя это означало снижение цен на чай, корреспондентские комитеты стали подстрекать горожан, чтобы те заворачивали обратно суда с чаем, и большинство так и делало [там же: 203–204].

Как еще один удар по свободе, американские колонисты восприняли не имеющий к ним прямого отношения «Акт о Квебеке», поскольку он расширял границы территории прерогативного управления «папистской» Канады к югу от долины Огайо, включая туда индейские земли, которые жаждали заполучить колонисты [там же: 204].

В апреле 1775 г. английским войскам, размещенным в Бостоне, приказали выслать вооруженную колонну в Конкорд, чтобы конфи-

сковать оружие, которое хранила там колониальная милиция. Именно данная акция спровоцировала знаменитую перестрелку на Лексингтонском лугу и начало военных действий между «красными мундирами» и «минитменами». А это противостояние, в свою очередь, вызвало падение британского правительства во всех колониях. Королевские губернаторы один за другим покидали посты и уходили под защиту британских военных кораблей.

Колониальные ассамблеи, которым прежде для заседаний требовалось разрешение губернатора, снова собирались в качестве чрезвычайных «конгрессов» и начинали управлять как верховные органы власти: формировать войска и печатать бумажные деньги, чтобы платить им, хотя в то время бумажные деньги были в новинку и многим казались безрассудной затеей [там же: 206]. Бумажные деньги и инфляция скоро найдут не только теоретическое обоснование, но и новый институт, так похожий на старый добрый Банк Англии, учрежденный в 1694 г. Не во всем американцам удалось избавиться от Левиафана.

Что не получилось: Старый порядок и Революция

Так называется известная работа Алексиса де Токвиля, в которой он доказывает, что Французская революция 1789 г. не уничтожила Старого порядка, а его воссоздала. Это же во многом относится и к Американской революции. Хотя Старого порядка в колониях не было, но были заимствованы многие европейские институты: центральный банк, протекционизм, широкие полномочия правительства.

Колонисты действительно хотели освободиться от насилия, но заменили насилие британского правительства на насилие своего собственного правительства.

В первоначальной версии Декларации независимости жители были обозначены как *subjects* — подданные. Позже Джейферсон вымарал это слово и заменил его на *citizens* — граждане. Это стало известно благодаря спектральному анализу лишь в 2010 г. Для военной знати все являются подданными. Сменился лишь «хозяин» [Волков 2018: 99].

Ничего хорошего рядовым американцам Конституция не сулила. Она предполагала создание мощного централизованного правительства, которое сосредоточивало в своих руках небывалую власть. У него хватало рычагов, чтобы навязать гражданам свою волю.

Правительство имело право облагать подданных налогами, контролировать коммерцию, собирать армию и использовать ее для подавления мятежей и в иных целях. Исполнительная власть концентрировалась в руках одного человека, который обладал беспрецедентным правом накладывать вето на решения легислатуры. Конституция предусматривала широчайший круг полномочий для правительства, но почему-то забывала противопоставить ему список гарантированных прав рядовых граждан.

Чем подобная форма правления отличается от вынужденной тирании времен революции? [Макинер 2009: 112–113].

После обсуждения Конгресс разослал список из двенадцати предложений во все штаты для ратификации. В итоге обсуждения на местах десять поправок были приняты и вошли в Билль о правах, который в декабре 1791 г. стал частью Конституции.

На поверку выяснилось, что данный документ не затрагивает главных полномочий Конгресса. Он мог и дальше функционировать, но с одним существенным условием: государству запрещалось вторгаться в мысли, взгляды и убеждения своих граждан. Одним из первых актов нового правительства стало ограничение собственной власти [там же: 128].

Поводом к этому послужила серия экономических докладов А. Гамильтона, занимавшего должность министра финансов в кабинете Дж. Вашингтона. Многие коллеги недолюбливали этого человека, считая его амбициозным негодяем.

Гамильтон рассматривал свою должность как некий эквивалент кресла премьер-министра и самонадеянно полагал, что его дружба с президентом позволяет вмешиваться в работу других ведомств.

Результатом стала экономическая программа, которую Гамильтон разработал в 1790–1791 гг. и представил вниманию Конгресса в виде упомянутых докладов. В программе рассматривались такие злободневные вопросы, как государственный кредит, основание единого национального банка и развитие отечественного производства. Выступление Гамильтона вызвало бурю ожесточенных споров, так как, по сути, он поднимал все те же извечные вопросы: для чего существует федеральное правительство и что оно может? [там же: 129].

Гамильтон предлагал всех держателей долговых расписок связать с федеральным правительством, чтобы они были кровно заинтересо-

ваны в его успехах. Если это правительство потерпит крах, то кредиторы потеряют свои средства. Таким образом, возникнут основания для поддержки правительства, особенно в среде наиболее обеспеченных граждан республики [там же: 130].

В одном из своих выступлений министр предложил конгрессменам учредить национальный банк, имевший целью стабилизацию экономики страны посредством накопления и выпуска денежной массы, кредитования организаций и частных лиц и контроля за деятельностью банков штатов.

Самому Гамильтону эта идея виделась вполне разумной и своевременной, однако оппоненты расценивали его предложение как опасное безрассудство.

Они доказывали, что проект Гамильтона вдвойне порочен: во-первых, он копирует Банк Англии, давно дискредитировавший себя в глазах американцев; а во-вторых, создание банковской структуры вообще является противоправным деянием, поскольку это не входит в функции Конгресса.

Джефферсон, Мэдисон и другие указывали, что в Конституции четко сказано: Конгресс может только использовать определенные, уже существующие рычаги власти. То, что не «перечислено», не входит в число законных средств.

«Достаточно сделать лишь шаг в сторону, — предупреждал Джейферсон, — ...и это будет расценено как попытка захвата беспредельной власти... власти, не поддающейся никакому определению» [Макинерни 2009: 59]. Узкая интерпретация документа представляет собой лучший путь к ограничению власти правительства и защите демократических свобод населения.

Гамильтон в ответ указывал на ту часть Конституции, где были обстоятельно прописаны права Конгресса. Восьмой раздел I статьи (конкретно последнее предложение) гласит, что Конгресс «может издавать любые законы, которые он сочтет необходимыми и надлежащими» для осуществления полномочий, предоставленных ему Конституцией. В частности, за Конгрессом оговорено право собирать налоги и регулировать торговлю; а банк является тем самым механизмом — «необходимым и надлежащим», — который требуется для выполнения этих задач. То есть учреждение банка является актом вполне конституционным [там же: 132].

Гамильтон настаивал на том, что нация должна расширять свои экономические горизонты путем строительства промышленных предприятий, причем не менее продуктивных, чем поля и плантации. Но подобная метаморфоза произойдет лишь в том случае, если правительство проявит активность и пробудит граждан от их заурядных сельскохозяйственных грез. Настало время рас проститься с позицией невмешательства и обратиться к новому меркантилизму.

Гамильтон разработал целую систему мер: протекционистские тарифы были призваны инициировать развитие отечественной промышленности, акцизные сборы — обеспечить повышение доходов государства, поощрительные государственные премии должны были поддерживать прибыльные отрасли сельского хозяйства, рыболовов и китобоев тоже ожидали государственные субсидии. Кроме того, Гамильтон разработал ряд мер, направленных на развитие транспортной системы, необходимой для развития внутреннего и внешнего рынка. Он искренне верил, что правительство может (и должно) играть активную роль в экономике страны, способствуя ее расцвету и обогащению [там же: 134].

Таким образом, экономическая программа Гамильтона натолкнулась на серьезное сопротивление оппозиции. В качестве уступки Конгресс согласился незначительно повысить тарифы на импорт и ввести небольшие акцизные сборы на некоторые виды продукции, в том числе на виски. Но и этого хватило, чтобы вызвать недовольство у населения.

Фермеры юго-западной Пенсильвании больше всего возмущались именно акцизами на виски, которые подрывали их привычный уклад жизни. Испокон веков в американской сельской глубинке, безнадежно удаленной от рынков и железных дорог, выращивали пшеницу. Введенные государством акцизы сильно ударили по кошельку местных жителей, для которых торговля спиртным являлась чуть ли не единственным источником доходов.

К 1794 г. обстановка в штате накалилась до предела. Фермеры бойкотировали ненавистное постановление, угрожали федеральным чиновникам и мстили своим более покладистым землякам. Разъяренный Гамильтон настаивал на применении силы, и Вашингтон отправил на Запад 13-тысячную армию, чтобы в корне задавить «Бунт виски». Однако к тому времени, как войска добрались до Пенсильвании, беспорядки стихли.

Как водится, арестовали небольшую группу заводил, двоих из них приговорили к смертной казни, но позже помиловали.

Казалось, инцидент был исчерпан, но стычки между таможенными инспекторами и непокорными самогонщиками продолжались еще на протяжении ряда лет и прочно вошли в фольклор в качестве темы для многочисленных анекдотов. Хотя, если разобраться, ничего веселого в «Бунте виски» не было. Напротив, то, как в данной ситуации повело себя федеральное правительство — а именно пренебрежло интересами граждан, — наводило на тревожные выводы: отныне и впредь правительство будет навязывать населению свои законы с позиции силы [там же: 135–136].

Кроме того, в 1807 г. Конгресс принял «Акт об эмбарго», запрещавший американским кораблям заходить в иностранные порты и фактически парализовавший всю морскую торговлю [там же: 154].

Коррупция процветала в процессе государственной продажи земельных участков. Наживались на этом те, кто первым покупал крупные участки у правительства, продавая их потом по более высоким ценам [История США 1983: 239].

В результате революции был принят акт о национализации западных земель. Общественной собственностью были признаны все земли к западу от Аллеганских гор. Их можно было приобрести, но только крупными «секциями» по 640 акров и по цене не меньше 1 долл. за акр с оплатой наличными в течение месяца. Это были огромные деньги, поэтому стала процветать спекуляция. Приближенные к властям могли купить крупный участок, а потом продавать частями по более высоким ценам. Видимо, это был первый шаг к образованию паразитического государства в США [Кавтарадзе 2005: 151–152].

В 1830-х гг. типовая ферма стоила 100 долл. В 1800 г. федеральное правительство распродало 68 тыс. акров общественной земли, в 1815 г. — 1,3 млн акров, в 1818-м — 3,5 млн акров, в 1836-м — 20 млн акров.

К побочным эффектам продаж земли относятся безумные капиталовложения в эту операцию, которые были под силу лишь земельным спекулянтам. В результате именно им и досталась большая часть реализуемой земли [Макинерни 2009: 186].

Как мы видим, то, с чем боролись американцы, снова появилось — Государство-Левиафан, хотя первоначально и не такое большое, как в XX в.

Рождение американского Левиафана

Самой нелиберальной мерой любого правительства при проведении экономической политики является инфляция. Она не только разрушает частную собственность, но и уничтожает возможности для рационального экономического расчета. Инфляция неизбежно перераспределяет ресурсы в пользу групп особых интересов и создает «федеральную кормушку» для любителей освоить бюджет. Американское государство, как и многие другие, создавалось за счет инфляционного перераспределения в пользу групп особых интересов.

Для финансирования Войны за независимость Континентальный конгресс принял за эмиссию бумажных денег. Лидером сторонников бумажных денег был Говернер Моррис (1752–1816), молодой наследник аристократической семьи нью-йоркских землевладельцев. С самого начала не было обещаний выкупить эти деньги даже в будущем, но предполагалось, что через семь лет они будут изъяты из обращения за счет налогов. Таким образом, намечалось дополнить инфляционную эмиссию бумажных денег бременем будущих налогов. Но про обещание изъять эти деньги из обращения вскоре забыли, потому что Конгрессу для этого не требовалось никакие дополнительные усилия для получения доходов и он расширил эмиссию неразменных бумажных денег. Как заметил один историк, «так возникла “федеральная кормушка”, один из самых нерушимых институтов Америки» [Ротбард 2016: 58].

Объем денежной массы в начале Войны за независимость оценивается в 12 млн долл. В июне 1775 г. по распоряжению Конгресса были напечатаны первые 2 млн долл., но типография еще не успела справиться с этим заказом, как было решено, что понадобится еще 1 млн долл. До конца этого года успели эмитировать или утвердить решение об эмиссии 6 млн долл., так что количество денег в обращении выросло за год на целых 50 % [там же: 58].

В следующие несколько лет выпуск «континентальных» денег быстро нарашивался: в 1776 г. были напечатаны 19 млн долл., в 1777-м — 13 млн долл., в 1778-м — 64 млн долл., в 1779-м — 125 млн долл. Сверх 12 млн долл. денежной массы, которые были в обращении к началу войны, за пять лет напечатали 225 млн долл. Результатом был быстрый рост цен и параллельное обесценение бумажных денег. Так, в конце

1776 г. соотношение между бумажным долларом, или континенталом, и серебряным долларом было 1 к 1 или к 1,25, к концу следующего года — 3 к 1, к декабрю 1778 г. курс упал до 6,8 к 1, а к декабрю 1779 г. — до 42 к 1. К весне 1781 г. континентальные доллары практически обесценились: на рынке за один серебряный доллар можно было купить 168 бумажных. Возникла даже поговорка «не стоит континентала» [там же: 58–59].

В довершение всех бед несколько штатов выпустили собственные бумажные деньги, и они обесценивались каждая со своей скоростью. Инфляционную гонку возглавили Виргиния и Каролина, которые к концу войны добавили 210 млн долл. к 225 млн долл. федеральной денежной массы. В попытке сдержать инфляцию и обесценение денег разные штаты декретировали потолок цен и потребовали принимать деньги по номиналу [там же: 59].

Федеральный долг за год с июня 1791 по июль 1792 г. вырос на 840 723 долл. [Wright 2002: 142].

К концу войны только федеральных сертификатов было выпущено на 200 млн долл., и стоимость их, как легко понять, была почти нулевой.

В Виргинии и Джорджии выпущенные штатами деньги были обменены на звонкую монету по курсу 1000 к 1 [Ротбард 2016: 59].

Но процесс был остановлен и обращен вспять усилиями Роберта Морриса¹⁰ (1734–1806), богатого филадельфийского торговца, который в последние годы войны являлся фактически главным экономистом и финансовым царем Континентального конгресса. Моррис был лидером федералистских сил в американской политике [там же: 60].

Замыслы сторонников децентрализации, которые хотели исключительно за штатами сохранить право устанавливать и собирать налоги, а также выпускать новые бумажные деньги для оплаты федеральных долгов, были разрушены принятием Конституции и победой сторонников федерализма, возглавляемых А. Гамильтоном, учеником и бывшим помощником Морриса [там же: 61].

Весной 1781 г., вскоре после того, как его экономический авторитет в Конгрессе стал незыбленным, Моррис представил законопроект о создании первого коммерческого, а заодно и первого центрального

¹⁰ Не путать с Говернером Моррисом, упомянутым выше.

банка в истории новой республики. Этот банк, возглавленный самим Моррисом, Банк Северной Америки, был не только первым в истории США коммерческим банком с частичным резервированием, но и представлял собой находившийся в частных руках центральный банк, созданный по образцу Банка Англии [там же: 61]. С чем боролись, на то и напоролись.

Банк Северной Америки быстро получил федеральную лицензию и в начале 1782 г. распахнул двери. Среди прочего банк получил привилегию: его банкноты подлежали приему по номиналу всеми правительственные учреждениями в качестве оплаты сборов и налогов. Кроме того, никакие другие банки не получили права действовать на территории страны. В обмен за монополию на выпуск бумажных денег банк обязался ссужать печатаемые им деньги федеральному правительству для выкупа правительенных долговых обязательств, эти ссуды подлежали погашению за счет налогоплательщиков. Банку Северной Америки доверили также держать все средства Конгресса. Первый центральный банк США быстро выпустил 1,2 млн долл. и ссудил их Конгрессу, возглавлявшемуся тем же Моррисом [там же: 61–62].

Когда Моррис не смог добить требуемую законом сумму для внесения в уставный капитал Банка Северной Америки, он совершил, по сути, жульническую операцию: присвоил деньги, одолженные США Францией и от имени правительства вложил их в свой собственный банк. Таким образом, источником уставного капитала этого частного банка стали средства правительства. Затем эти средства банк Морриса ссудил Моррису как правительенному финансисту, а выгоду от этого получил Моррис как банкир. Наконец все тот же Моррис истратил большую часть этих денег на военные закупки у своих друзей и деловых партнеров [Rothbard 1979: 392].

Гамильтон полагал, что все это прекрасно. Он доказывал, что так называемую «нехватку» металлических денег следует преодолеть с помощью вливания в оборот бумажных денег, которые и будет эмитировать новый банк, а деньги следует тратить на выкуп государственных долговых обязательств и на субсидии промышленникам. Все это укрепит зависимость элит от правительства [Ротбард 2016: 67].

Федеральное правительство будет держать свои денежные средства в этом банке, что обеспечит ему достаточный престиж [там же: 67].

Банк Соединенных Штатов немедленно приступил к реализации своего потенциала — начал на основе собственных средств на 2 млн долл. металлическими деньгами надстраивать финансовую пирамиду — с помощью бумажных денег и депозитов до востребования — высотой во много миллионов долларов [там же: 67].

Индекс оптовых цен вырос с 85 в 1791 г. до пикового уровня 146 в 1796 г., т. е. на 72 % [там же: 68].

Создание Банка Соединенных Штатов в 1791 г. и организованная им денежная экспансия стимулировали создание 18 новых банков за пять лет [там же: 68].

Джефферсон доказывал, что Конституция не давала федеральному правительству права учреждать банк. Гамильтон в ответ заявил, что Конституция «предполагает» дарование права действовать для достижения «общего блага», и этим ответом проложил дорогу для буквально неограниченной экспансии федеральной власти [там же: 68].

В 1800 г. действовали 28 банков штатов, а к 1811 г. их стало уже 117 — рост в четыре раза [там же: 69].

В январе 1811 г., в год закрытия Банка Соединенных Штатов, сумма золотых и серебряных активов составляла 5,01 млн долл., а сумма банкнот и депозитов — 12,87 млн долл., т. е. коэффициент покрытия был равен 0,39 [там же: 70].

Основанный Александром Гамильтоном Банк Нью-Йорка хвалил Банк Соединенных Штатов за то, что «в случае стесненных обстоятельств он способен оказывать торговцам такую помощь, которую банки штатов предоставить не в состоянии» [там же: 70–71].

Рекордным было число новых банков в Пенсильвании, где только за март 1814 г. был создан 41 новый банк, притом что до этого во всем штате действовали лишь 4 банка, да и те исключительно в Филадельфии. Самый сильный инфляционный импульс имел место в 1815 г., когда правительство разрешило банкам приостановить погашение своих обязательств звонкой монетой [там же: 72].

Давид Рикардо (1772–1823) удивлялся тому, что граждане в США не могут приструнить банки. 18 апреля 1821 г. некто Рэгит в письме Рикардо так объяснил могущество банков в США: «В своем письме Вы пишете, что Вам трудно понять, почему те, кто имеет право потребовать от банка монеты в уплату за их банкноты, так упорно не пользуются этим правом. Это, конечно же, должно казаться

парадоксальным живущему в стране, где парламенту пришлось принять особый закон для защиты банков, но это Ваше затруднение легко разрешить. Все наше население состоит либо из акционеров банков, либо в долгу перед ними. Давить на банки не в интересах первых, а остальные боятся. Вот и весь секрет. Независимый человек, не являющийся ни акционером, ни должником, который бы рискнул привлечь банки к порядку, подвергся бы преследованиям как враг общества» [там же: 80–81].

Всего лишь за полтора года своей деятельности центральный банк США увеличил объем денежных инструментов на 19,2 млн долл. и довел степень пирамидальности до 9,24, а коэффициент покрытия — до 0,11.

Мечта Александра Гамильтона реализовалась — был создан Американский центральный банк. Хотя в 1836 г. его закрыл Эндрю Джексон, эта модель была использована в 1913 г. Вудро Вильсоном, когда он создавал Федеральную резервную систему США. Символично, что Александр Гамильтон похоронен в Церкви Троицы на Манхэттене, недалеко от Уолл-стрит.

Последствия этатизма: паника 1819 г.

Первый серьезный финансовый кризис обрушился на США в 1819 г. Он был следствием деятельности Банка Соединенных Штатов, способствовавшего росту денежной массы [Уэрта де Сото 2008: 363].

Объем денег в обращении вырос в стране от 67,3 млн долл. в 1816 г. до 94,7 млн долл. в 1818 г., т. е. на 40,7 % за два года. Большая часть этого прироста была плодом деятельности Банка Соединенных Штатов [Ротбард 2016: 85].

Кризису предшествовал экономический бум. Индекс цен на товары, произведенные в Луизиане, вырос на рынках Нового Орлеана с 178 до 224. Экономика процветала. Объем экспорта увеличился с 81 млн долл. в 1815 г. до 160 млн долл. в 1818 г. Сильно росли цены на недвижимость, землю, мелиоративные работы и на рабов [там же: 86].

Росли цены на фрахт пароходов, и кораблестроители тоже были вовлечены в лихорадку хозяйственного подъема [там же: 86].

В марте 1817 г. в Нью-Йорке распахнула двери первая в стране фондовая биржа. Кроме того, в период этого бума в США появились первые инвестиционные банки [там же: 87].

Самая пагубная черта системы заключалась в том, что эмиссия банкнот и депозитов была напрямую привязана к объему купленных банком облигаций правительства штата. Эти облигации, по существу, становились резервным фондом банков, над которым они и выстраивали пирамиду депозитов и банкнот [там же: 111].

В период кризиса сжатие денег и кредита кажутся почти неправдоподобными: сумма банкнот и депозитов упала с 21,9 млн долл. в июне 1818 г. до всего лишь 11,5 млн долл. годом позже. Объем денежной массы, предоставляемой рынку Банком Соединенных Штатов, за год съежился не менее чем на 47,2 %. Число инкорпорированных банков сначала оставалось неизменным, но за последующие три года резко уменьшилось — с 341 в середине 1819 г. до 267 тремя годами позже [там же: 87–88].

В западных районах США, где инфляция кредитно-денежных инструментов в период бума была особенно значительна, нехватка денег была столь остра, что произошел массовый откат к бартерной торговле, в которой роль денег выполняли зерно и виски. Как сказал экономист и историк Уильям Гоудж, в результате стремительного сжатия объема денег в обращении «банк спасти удалось, но жизнь была разрушена» [там же: 88].

Горький опыт паники 1819 г. способствовал возникновению движения джексонианцев [там же: 89]. Многие американцы осознали, что доверие такой важной сферы, как деньги и кредит государству, приводит к кризисам, подобным 1819 г.

Джексоновская демократия

Приход к власти Эндрю Джексона был естественной реакцией на панику 1819 г. и на тенденции к централизации власти. Джексон обещал вернуть власть простым американцам.

Джексонианцы не были невеждами, как их изображает большинство историков; напротив, они хорошо ориентировались в экономических теориях того времени и прежде всего хорошо знали рикардианскую денежную школу [Ротбард 2016: 89–90].

Ротбард даже полагал, что экономическая программа джексонианцев была либертарианской: «Джексонианцы были просто-напросто либертариантами. Их программа и идеология были чисто либертарианскими. Они были очень благосклонны к идеям свободного

предпринимательства и свободных рынков, при этом с не меньшим рвением были против особых субсидий и монопольных привилегий, предоставляемых правительством бизнесу или любым другим группам. Они считали очень важным свести к минимуму размер правительства как на уровне федеральном, так и на уровне штатов. Они верили, что роль правительства должна быть сведена к охране прав частной собственности. В денежной сфере это предполагало отделение государства от банковской системы и переход от инфляционных бумажных денег и банковской деятельности с частичным резервированием к системе, основанной исключительно на звонкой монете и 100 %-ном резервировании» [там же: 90–91].

Следует отметить, что во времена правления Джексона Гамильтон рассматривался как монстр инфляционизма [Knott 2002: 27–46]. Однако Джексон был сторонником протекционизма и прославился борьбой с коренным населением Америки. Видимо, поэтому некоторые современные исследователи сравнивают его политику с политикой Дональда Трампа.

Спор о будущем коренного населения начался задолго до Джексона. Одна группа — «градуалисты» (или сторонники постепенных реформ), представителем которых являлся Джейфферсон, — рассматривала индейцев как неких подопечных государства, полагая их неспособными управлять собственными делами.

В 1831 г. Верховный суд определил коренное население как «внутренне зависимую нацию». Учителя и миссионеры могли бы «цивилизовать» индейцев, чтобы те постепенно отказались от своего традиционного образа жизни и смогли войти в белое общество. С белой экспансией тоже никаких проблем не предвиделось, поскольку индейцы занимали свои земли по праву изначальной занятости, никак не оформленной юридически. Их территориальные притязания носили не постоянный, а эпизодический характер. В любом случае индейцы могли найти себе другое «место», если бы перестали сопротивляться и ассимилировались с белой расой.

Система «агентств», монополизировавших всю торговлю с коренным населением, тоже ориентировала их в этом направлении. А навязанные договоры (или случайные стычки) были призваны «убедить» тех, кто упорствовал и не желал расставаться со своим дикарским состоянием [Макинерни 2009: 172].

В 1838 г. федеральные власти погнали 15 тыс. недовольных индейцев, как скот, на Запад, на так называемую индейскую территорию. Во время долгого и тяжкого путешествия по «Тропе слез» (как окрестили его сами индейцы) примерно четверть из всех перемещенных умерла. К 1840 г. практически все восточные племена оказались изгнанными с их законной территории. Индейцев заставили освободить свыше 100 млн акров к востоку от Миссисипи и переселиться на западный берег, где им предоставили около 32 млн акров засушливой и негостеприимной земли [там же: 175].

Бряд ли эту деятельность Ротбард счел бы либертарианской.

Однако в экономической политике было много либертарианских идей. Для их реализации в середине 1820-х гг. усилиями нью-йоркского политика Мартина ван Бурена, которого престарелый Томас Джейферсон обратил в приверженца дела *laissez-faire* [Ротбард 2016: 90], была создана новая демократическая партия.

Первым важным шагом Джексона было упразднение центрального банка, который, с точки зрения джексонианцев, являлся главным виновником инфляции [там же: 61–91]. В 1836 г. Джексон не продлил чартер Второму банку Соединенных Штатов.

С необходимостью предоставления услуг денежного обращения и кредита прекрасноправлялся рынок.

Одним из примеров эффективного децентрализованного представления банковских услуг является супфолкская система. Контролер денежного обращения США констатировал, что супфолкская клиринговая система погашения банкнот обходилась существенно дешевле государственной [там же: 117].

Однако в 1857 г., в приступе денежного национализма, была отменена важная часть джексонианской программы — все иностранные монеты были лишены статуса узаконенного средства платежа [там же: 109].

В 1863 г. закон о Национальной банковской системе запретил банкам штатов эмиссию каких-либо банкнот, в силу чего образовалась монополия государственного банка, сохраняющаяся и поныне. Но супфолкская система доказала, что в условиях свободного рынка частные банки могут на конкурентной основе организовать эффективную, надежную и недорогую клиринговую систему, препятствующую чрезмерной эмиссии бумажных денег [там же: 120].

Прогрессивисты традиционно считают джексонианцев виновниками кризиса 1837 г., объясняя его отсутствием центрального банка. Однако причины, как показывают современные исследования, были иными.

Кризис 1837 г.

Джексон, пожалуй, самый успешный борец с монополией государства в сфере денежного обращения. Сейчас кажется политически немыслимым закрытие ФРС, Джексон смог, победив на выборах, выполнить обещание — закрыть центральный банк США. С 1836 по 1913 г. в США не было центрального банка. Причем это период — с крайне высокими темпами экономического роста и дефляцией. Современные кейнсианцы были бы в ужасе.

В 1833 г. Джексон осуществил первый удар по центральному банку — исключил поступление федеральных налогов в банк Соединенных Штатов и перераспределил их между банками штатов. То же самое Джексон проделал в 1836 г. с дополнительными федеральными доходами. Он взял курс на использование монет, а не бумажных денег, с тем чтобы сократить спрос на бумажные деньги банка Соединенных Штатов. Джексон хотел установить контроль над экономическими интересами меньшинства, приближенного к власти банка Соединенных Штатов, тем самым обеспечив честность и открытость в банковской системе. Таким образом, он хотел не только расширить возможности простых американцев, но и приблизиться к своей мечте — создать свободный, конкурентоспособный, поистине «демократический» рынок. Большинство президентов США мечтали о прямо противоположном [Макинерни 2009: 178–179].

Каковы были результаты такой политики? Кейнсианцы бы предсказали затяжной кризис без центрального банка. Все же было прямо наоборот. После реформ Джексона наблюдался феноменальный темп роста инвестиций в США в 1830-е гг., что вызвало даже бум. На этот фактор наложились резкое снижение цен на хлопок, ставшее причиной разорения многих плантаторов, и вредоносные протекционистские пошлины 1824 и 1828 гг. [там же: 176].

Действительно, в 1837 г. случился кризис в банковской системе. Современные кейнсианцы считают его доказательством пагубности

закрытия центрального банка. Но этот кризис не перекинулся на экономику и быстро был преодолен свободной конкуренцией. Количество банков в 1839 г. — 50, в 1845 г. — 19. Капитализация в 1839 г. — 4 595 000 долл., в 1845 г. — 3 273 200 долл. [Wright 2002: 100]. Однако современные данные ничего не говорят о том, что это был глубочайший кризис XIX в., как считают кейнсианцы. Напротив, статистика даже не показывает наличия кризиса. Так, ВВП в 1839 г. — 2003 долл., в 1844 г. — 2628 долл. Средние темпы роста — 5,6 % в период 1839–1844 гг. [Engerman, Gallman 2000: 7]. Похоже, это была «паника» именно для банков, которые лишились федеральной поддержки, а вот экономика продолжила свой рост.

Успех Джексона вызвал реакцию у его политических оппонентов: «В 1834 г. Генри Клэй, Дэниел Уэбстер, Джон Куинси Адамс и другие политические деятели объединились в так называемую партию “вигов”, которые — пользуясь революционной терминологией — определяли себя как противники централизованной, тиранической и недемократической по своей сути власти “короля Эндрю”. Виги отрицали джексоновскую (да и джефферсоновскую) доктрину о необходимости ограничения полномочий федерального правительства, их политическая программа включала такие пункты, как национализм, правительственный интервенционизм и социальные реформы» [Маккинерни 2009: 180].

В кризисе 1837 г. была неповинна борьба Джексона с денежной монополией, это кризис для самой монополии, он не вызвал затяжного кризиса, как принято думать. Кризис 1837 г. — скорее фикция [Engerman, Gallman 2000: 665–666].

Промышленное развитие

Принято считать, что самый бурный рост американской экономики приходится на период после Гражданской войны. Это не так. Самые высокие темпы роста ВВП были до нее — 4,2 % (3,94 % — после Гражданской войны). 1800–1861 гг. — период самых высоких темпов экономического роста ВВП в истории США [Мэддисон 2012: 582]. Правда, темпы роста накопления капитала стали выше после Гражданской войны (5,53 % и 5,46 % соответственно [там же: 582]), это связано с тем, что индустриализация требует более «окольных стадий производства».

США после Американской революции совершили скачок в своем развитии по отношению к Великобритании. Отношение совокупного продукта Великобритании к США: 1774 г. — 2,7; 1850 г. — 1,42; 1870 г. — 0,97 [Engerman, Gallman 2000: 3]. Еще более показателен отрыв по отношению к России¹¹. Отношение совокупного продукта России к США: в 1870 г. — 0,85; в 1890 г. — 0,47 [ibid.: 3].

От Революции до Гражданской войны ВНП США вырос почти в 30 раз. ВНП в 1774 г. — 149 долл., в 1859 г. — 4226 долл. (в ценах 1860 г.) [ibid.: 7]. Значительно увеличилось индивидуальное благосостояние. Реальный ВВП на душу населения в 1774 г. — 63,3 долл., в 1859 г. — 135,9 долл. [ibid.: 22].

Промышленная революция совершилась в США ранее 1861 г. К 1860 г. доля промышленности — 22 %, сельского хозяйства — 35 %. Предложение труда увеличилось с 1,7 млн до 8,1 млн человек [ibid.: 209].

Следует отметить, что увеличивалось и неравенство. Коэффициент Джини в 1798 г. — 0,59, в 1860 г. — 0,66 [ibid.: 132]. Это естественное и благотворное явление для экономического роста. В долгосрочном периоде это увеличивает уровни доходов беднейших слоев общества быстрее, чем все иные альтернативы. Именно поэтому бедняки активно эмигрировали в США.

В данный период доля США в мировом экспорте выросла с 3,2 % в 1800 г. до 9,8 % в 1860 г. [ibid.: 688].

Происходили и другие перемены: расширение освоенной территории, усовершенствование транспортной системы, расцвет мануфактур, волны иммиграции и вспышка урбанизации; все это случилось примерно в одно время и внесло свою лепту в создание нового порядка [Макинерни 2009: 183].

¹¹ В 1831 г. Токвиль писал: «Американцы преодолевают природные препятствия, русские сражаются с людьми. Первые противостоят пустыне и варварству, вторые — хорошо вооруженным развитым народам. Американцы одерживают победы с помощью плуга земледельца, а русские — солдатским штыком. В Америке для достижения целей полагаются на личный интерес и дают полный простор силе и разуму человека. Что касается России, то можно сказать, что там вся сила общества сосредоточена в руках одного человека. В Америке в основе деятельности лежит свобода, в России — рабство» [Токвиль 1994: 296].

К середине XIX в. на американских текстильных фабриках стоянло более эффективное оборудование, чем на сходных предприятиях Британии [там же: 193].

Между 1840 и 1860 гг. общий объем промышленной продукции вырос вдвое. К концу этого срока стоимость промышленной и сельскохозяйственной продукции уже сравнялась. Большинство промышленных предприятий было сосредоточено на Севере. Количество рабочих, занятых в промышленности, быстро увеличивалось: с 3 % в 1820 г. до 25 % в 1870 г.; число сельскохозяйственных рабочих за тот же период снизилось на треть. Фабрики и заводы все больше зависели от притока иммигрантов, которые по прибытии в Америку пополняли собой армию промышленных рабочих [там же: 194–195].

Скорость, с которой на карте Америки в 1820–1860 гг. возникали новые города, была выше, чем в любой другой сорокалетний период американской истории [там же: 197].

Одновременно шел процесс укрупнения городов. Так, население Филадельфии и Балтимора более чем удвоилось между 1830 и 1850 гг.; население Нью-Йорка увеличилось в 2,5 раза за тот же период, а население Цинциннати — и вовсе в 5 раз. Столь же бурно росли города на побережье Великих озер — Кливленд, Детройт и Чикаго.

После победы американцы заменили принцип наибольшего благоприятствования на принцип взаимной выгоды. На нем был основан торговый договор с Англией 1815 г., устанавливающий равные пошлины.

В целом такой подход способствовал росту внешней торговли США и усилению ее позиций на мировом рынке [Кавтарадзе 2005: 152].

Непреднамеренным последствием независимости США для Англии стало то, что она выиграла от этого. Дело в том, что по примеру США движение за независимость началось в Испанских колониях в Америке. Это привело к образованию в 1816–1825 гг. большой группы независимых государств — Аргентины, Чили, Перу, Колумбии. Правительства этих стран поспешили открыть свои рынки для продукции английских производителей. Ранее этому препятствовала континентальная администрация этих стран. Таким образом, Англия расширила свои рынки сбыта за счет американских колониальных революций. Это же верно и в отношении США, традиционные торговые связи с Англией были быстро восстановлены; кроме того, значительно вырос спрос английских производителей на сырье, в том числе на хлопок [там же: 152–153].

Америка с начала XIX в. активно совершила экспансию на запад. США приобрели Луизиану у Наполеона за 15 млн долл. в 1803 г. [там же: 177].

Стремительный рост территории происходил за счет Мексики. В 1845 г. США аннексировали Техас, позже присоединили территории, где образовались штаты Юта, Нью-Мехико и Калифорния.

Приток мигрантов до 1840-х составлял 90 тыс. человек, после открытия золотых приисков в Калифорнии ежегодный приток вырос до 250 тыс., иногда доходя до 900 тыс. Население США выросло с 5 млн человек в 1800 г. до 31,4 млн в 1860 г.

А на Тихоокеанском побережье разнообразные общины росли как грибы, и привлекала их мечта скорее о земных благах, чем о загробной награде. В январе 1848 г. в предгорьях Сьерра-Невады обнаружили золото, и сюда хлынул поток искателей счастья. За два года «золотой лихорадки» население Калифорнии увеличилось с 14 тыс. до 100 тыс. человек. За каких-нибудь восемь лет маленький заштатный Сан-Франциско, где проживали всего 200 человек, вырос в полноценный город с 50-тысячным населением [Макинерни 2009: 273].

Развитие рыночной экономики в 1820–1860 гг. привело к обогащению нации со всеми вытекающими последствиями. Уровень жизни американцев заметно повысился: достаточно сказать, что доход на душу населения вырос вдвое¹² [там же: 198].

¹² Одним из следствий бурного роста экономики стало появление различных утопических проектов. На протяжении XIX столетия в Америке возникло свыше 100 утопических сообществ, к которым на пике движения (1840–1860 гг.) присоединилось свыше 100 тыс. мужчин и женщин. Идеологии утопических экспериментов отрицали традиционную культуру собственнического индивидуализма и рыночной конкуренции, которые вели к неизбежному разъединению членов общества; предупреждали об опасности деградации в условиях тяжелого труда, низводящего человека до положения рабочего скота. Они мечтали возродить в своих общинах равенство и чувство товарищества, вернуть радость от созидающего труда и восстановить социальную общность. В результате люди — и мужчины, и женщины — должны были обрести свое истинное, самой природой и Богом предназначеннное место [Макинерни 2009: 214].

Помимо религиозных коммун, существовало и большое количество мирских объединений, которые основывались не на вере, а на здравом смысле

Мы знаем великих предпринимателей Позолоченного века — Эндрю Карнеги, Корнелиуса Вандербильта, Генри Форда, Томаса Эдисона. Но многие до сих пор известные корпорации были созданы до Гражданской войны: Tiffany (1837), Webster (1847), Remington (1818), Bakers (1780).

Таким образом, промышленное развитие началось задолго до Гражданской войны.

Расцвет американской культуры

В 1770 г. аббат Рейналь констатировал, что «Америка пока не произвела ни одного стоящего поэта, ни одного способного математика, по сути, ни одного гения в какой-либо области науки или искусства».

и общих представлениях о жизни. Один из подобных экспериментов связан с именем шотландского фабриканта Роберта Оуэна. Начав с реорганизации своих хлопчатобумажных фабрик в Нью-Ланарке (Шотландия), он вплотную подошел к идее перестройки общества. Оуэн верил, что правильная окружающая среда способна благотворно влиять на жизнь человека. Исходя из этого убеждения, он организовал коммуну под названием «Новая гармония», ориентированную на равенство, кооперацию, образование и экономическое разнообразие. Ее открытие произошло в 1824 г. в штате Индиана — при большом стечении народа, под фанфары и ликование толпы. Увы, триумф длился недолго — всего несколько лет, а затем социальная гармония сгинула в кotle внутренних склок и противоречий [там же: 216].

Прочие светские утопии разделили печальную судьбу «Новой гармонии». В Америке существовало несколько десятков коммун, базировавшихся на учении французского философа Шарля Фурье, популяризацией идей которого в Штатах занимался Альберт Брисбейн. Он призывал жителей коммун преодолеть «недоверие, изоляцию, разъединение, конфликты и антагонизмы», которые на тот момент царили в обществе. Сделать это Брисбейн рассчитывал, изъяв людей из большого, чуждого, погрязшего в непонимании мира и поместив их в небольшие, хорошо организованные (в социальном и экономическом плане) общинны — «фаланстеры», по определению Фурье. Оптимальный размер и конфигурация общин вычислялись математически — чтобы обеспечить их членам «привлекательную деятельность» в соответствии с пожеланиями и наклонностями. Фурье, как и Оуэн, надеялся, что подобные условия сумеют восстановить внутренний и внешний баланс, безнадежно разрушенный в современном мире [там же: 217].

Ему вторил Сидни Смит, насмешливо вопрошивший в Edinburgh Review в 1820 г.: «Да кто читает американские книги? Или смотрит американские пьесы? Или любуется американскими картинами и статуями?» Народ Америки, признавал еще один критик, «не имеет национальной литературы» [Макинерни 2009: 240].

Примерно в то же время в России об этом писал П. Чаадаев. Однако в США никто не объявлял официально сумасшедшими тех, кто не видел успехов американской культуры.

Культурный переворот в США в значительной степени связан с творчеством такого литературного деятеля, как Ральф Уолдо Эмерсон. В 1837 г. в своем обращении к гарвардскому обществу он объявил, что эпохе художественного уничижения Америки пришел конец. «Мы слишком долго прислушивались к изящным речам европейских муз», — сетовал Эмерсон. «Дремлющий интеллект» Америки наконец-то воспрянет и «вознаградит долговременные ожидания всего мира чем-то большим, нежели демонстрация механических чудес». Он уверял, что «время нашей зависимости, нашего затянувшегося ученичества на чужеземных образцах близится к концу» [там же: 241].

Эмерсон и другие ожидали, что «Америка станет не только политической, но и культурной столицей мира» [там же: 242].

Даже великий скептик Герман Мелвилл признавал в 1850 г., что американцы «обязаны нести республиканскую прогрессивность не только в жизнь, но и в литературу» [там же: 243].

Действительно, в этот период появляются такие авторы, как Эдгар Аллан По, Эмили Дикinson, Герман Мелвилл, появляются газета New York Times (1851) и журнал Scientific American (1845). Вместе с расцветом экономики происходит расцвет культуры.

Миф о Диком Западе

Существует распространенный миф о том, что на Диком Западе царили безгосударственность и, как следствие, насилие. Чтобы изобразить то, к чему ведет анархия, этатисты используют пример Дикого Запада как перманентного насилия. Когда в современной Америке проводят политику сокращения федеральных расходов на безопасность, всякий раз вспоминают Дикий Запад как аргумент против «неолиберализма».

В Европе негосударственные армии со временем вытеснялись государством, в США за счет фронтира было невыгодно воевать, если можно двинуться на Запад. Это делало конфликты менее ожесточенными. Пока государство не вмешивалось в жизнь людей на фронтире, конфликты были незначительными. Когда же к деятельности приступило федеральное правительство во времена Линкольна, вот здесь и началась война с местным населением. Так что федеральное правительство хоть и принесло «порядок», уничтожив тот, что уже стихийно был, но очень высокой ценой — ценой истребления местного населения и смертей мирного населения.

Тем не менее продолжает быть популярным миф о Диком Западе. Современные исследования показывают, что этот миф далек от реальности. На самом деле, как показал Ди Лоренцо [DiLorenzo 2010], насилия на Диком Западе было меньше, чем в современных США.

Имущественные права были защищены, и царил общественный порядок. Частные агентства обеспечивали необходимую основу для упорядоченного общества, в котором имущество было защищено, и обеспечивалось разрешение конфликтов [ibid.: 228].

Что это были за частные охранные учреждения? Это не были правительства, потому что они не имели правовой монополии на поддержание порядка. Вместо этого они включали такие организации, как земельные клубы, ассоциации скотоводов, поселки старателей и караваны фургонов переселенцев [ibid.: 228]. Десятки фильмов изображают поселки старателей XIX в. на Диком Западе в виде очагов анархии и насилия. Но экономист Джон Умбек обнаружил, что с 1848 г. старатели стали заключать контракты друг с другом, чтобы регулировать свое собственное поведение. На то время в Калифорнии не было государственных органов, помимо нескольких военных гарнизонов. Контракты старателей устанавливали право собственности на землю (и любое золото, найденное на ней), и старатели сами обеспечивали реализацию этого права.

Те, кто не был согласен с правилами, принятыми большинством, могли добывать в другом месте или установить свои собственные договорные отношения с другими старателями. Принимаемые таким образом правила в результате зачастую устанавливались с единодушного согласия.

Покуда старатель соблюдал правила, другие старатели защищали его права в соответствии с договором. Если же он не соблюдал

принятые им ранее правила, его заявка (на участок для разработки) становилась «открытой для любых претендентов» [ibid.: 228].

В таких поселках старателей нанимали «специалистов по обеспечению выполнения обязательств» — мировых судей и арбитров, а также разработали обширный свод норм имущественного и уголовного права. В результате насилие и кражи были редкостью. Тот факт, что старатели, как правило, были вооружены, также помогает объяснить относительную редкость преступлений [ibid.: 228–229].

Настоящая культура насилия на американском Западе во второй половине XIX в. была порождением политики правительства США в отношении индейцев Великих равнин. Утверждения популярного фольклора о постоянной войне европейских переселенцев с индейцами не соответствуют действительности. В конце концов, индейцы помогали колонистам-первопоселенцам и праздновали с ними первый День благодарения; Джон Смит женился на Покахонтас; Джон Росс, белый человек (шотландского происхождения с примесью чероки), был вождем индейцев чероки штатов Теннесси и Северная Каролина; да и торговали с индейцами всегда было намного больше, чем насилия [ibid.: 229].

В целом европейцы признавали сохранение индейцами права владения на их земли. Что более важно, англичане понимали преимущества дружеских отношений с индейцами. Торговля с индейцами, особенно мехами, была выгодна. Войны стоили дорого. В первой половине XIX в. торговля и сотрудничество с индейцами были гораздо более распространены, чем конфликты и насилие [ibid.: 229].

Терри Андерсон и Фред Мак Чесней рассказывают, как благодаря Томасу Джефферсону во времена его деятельности основным способом приобретения европейцами земли у индейцев были переговоры. К XX в. сумма выплат за приобретение индейских земель достигла 800 млн долл. [ibid.: 229].

Все изменилось, когда за дело взялся Линкольн.

Главным инженером субсидируемых государством трансконтинентальных железных дорог был Гренвилл Додж, генерал Линкольна времен войны, с которым американский политик, полководец и писатель Уильям Шерман (1820–1891) позже тесно работал. Как указывает Ротбард, Додж «помог склонить делегацию Айовы на сторону Линкольна» на Национальном съезде Республиканской партии 1860 г., «за что в начале Гражданской войны Линкольн назначил Доджа генералом

армии. Задачей Доджа было очистить путь для первой в стране высокодотационной федеральной правительственный трансконтинентальной железной дороги “Юнион Пасифик” от индейцев». Таким образом, заключает Ротбард, «мобилизованные войска Союза и несчастные налогоплательщики были принуждены к обобществлению расходов на строительство и эксплуатацию “Юнион Пасифик”» [ibid.: 231].

Войсками Шермана и Шеридана было предпринято более тысячи нападений на индейские поселения — в основном зимой, когда семьи были вместе. Действия армии США соответствовали истребительной риторике ее лидеров. Шерман приказывал убивать всех и вся, включая собак, и сжечь все, что горит, чтобы увеличить вероятность гибели от голода и холода тех, кто каким-то образом уцелел. Солдаты также систематически истребляли бизонов, которые были для индейцев главным источником пищи, зимней одежды и других товаров (индейцы делали даже рыболовные крючки из высушенных костей бизонов и тетивы для луков из их сухожилий) [ibid.: 233].

В 1851 г. в Санти (штат Миннесота) индейцы сиу продали 24 млн акров земли правительству США за 1 410 000 долл. по типичной торговой схеме (в отличие от схемы «набег и захват») [ibid.: 234].

Федеральное правительство в очередной раз не сдержало взятых на себя обязательств, пытаясь изменить договоренность о размере оплаты индейцам. К тому времени, когда неурожай 1862 г. заставил индейцев сиу отчаянно нуждаться в еде, тысячи белых поселенцев уже переезжали на их земли. Индейцы попытались отобрать свои земли силой в скоротечной «войне», в которой президент Линкольн назначил командующим генерала Джона Поупа. Тот объявил: «Моя цель — полностью уничтожить сиу... Они должны рассматриваться как маньяки или дикие звери, а отнюдь не как люди, с которыми возможны договоры или компромиссы» [ibid.: 234].

Полковник Джон Чивингтон во время «резни у Сэнд-Крик» приказал: «Я хочу, чтобы вы убили и скальпировали всех, от мала до велика; из гнезд вырастают вши». После чего, несмотря на реющий флаг США и белые флаги капитуляции этих мирных индейцев, войска Чивингтона «посвятили весь день утолению жажды крови, разнузданному нанесениюувечий, грабежу и разрушению... под присмотром и с одобрения Чивингтона». Было убито 163 индейца, из которых 110 были женщины и дети» [ibid.: 235].

Когда войска подошли к скво (женщины, жены), они выбежали и показали свои лица, чтобы дать понять солдатам, что они были скво, и молили о пощаде, но солдаты расстреляли их всех... Велось поголовное истребление мужчин, женщин и детей... Скво не оказывали сопротивления. Со всех их сняли скальпы [ibid.: 235].

Таким образом, насилие на Диком Западе было порождено правительством, именно оно принесло на земли индейцев насилие. Не «кольт — великий уравнитель» делал возможным существование, а спонтанно возникшие институты торговли. Федеральное правительство разрушило коммерческие связи и создало систему особых интересов, объединяющих правительство и промышленников. Произошел своеобразный «захват регулятора». Если есть функции правительства, которые можно использовать в своих интересах, то лишь вопрос времени, когда появится тот, кто станет их использовать. Если можно совершать насилие в отношении коренного населения, то почему его нельзя совершать в отношении стигматизированных расистов-южан?

Причины Гражданской войны

В книге «Социальные истоки диктатуры и демократии» Баррингтон-Мур пишет, что не было иного способа уйти от рабства, кроме насилия. Главный его аргумент в том, что рабство было эффективным [Баррингтон-Мур 2016: 116–117]. Автор говорит об абсолютных цифрах и ничего не говорит о сравнительной эффективности. Очевидно, что рабовладельческие штаты были менее экономически эффективными, чем штаты, где труд был свободным. Тезис о большей эффективности свободного труда подтверждает не только экономическая теория, но и тот факт, что доля южных штатов в ВВП США сокращалась в период 1840–1860 гг. Реальные доходы северян увеличились с 135 % до 139 % по сравнению со средними по США, а у южан снизились с 76 % до 72 % [Peterson 1969: 192]. По всей видимости, конкуренция заставила бы южан самих отказаться от этого института.

Баррингтон-Мур выражает скепсис в отношении экономических интересов северян как причины Гражданской войны [Баррингтон-Мур 2016: 122]. При этом он убежден, что от отмены рабства выиграли капиталисты Севера [там же: 143]. Он полагает, что отмена произошла по моральным причинам — то признавая, то не признавая экономиче-

ские интересы северян [там же: 146–148]. В целом следует отметить, что книга морально устарела (она вышла в 1966 г., в период господства прогрессистской истории) и не учитывает исследования Б. Бейлина, М. Ротбарда и П. Джонсона. Чарльз Адамс в своем фундаментальном труде убедительно доказал, что Гражданская война была начата Линкольном именно из-за налогов, которые бы потеряло правительство Линкольна в случае выхода южных штатов из Союза [Адамс 2018].

Большая часть переселенцев не задерживалась на Востоке, они стремились на свободные западные земли. Сельское хозяйство играло ключевую роль в экономике США до Гражданской войны. Однако были отличия у северных и южных штатов. Северные штаты специализировались на зерне, мясной и молочной продукции. Все это производилось для внутреннего рынка. Здесь тон задавали фермеры, идеалом которых был свободный труд [Кавтарадзе 2005: 177].

В конце 1820-х гг. в мире американской политики наметились решительные перемены. Увеличилось количество штатов в составе страны: вместо 16 их стало 24 [Макинерни 2009: 165].

На Юге господствовало плантационное хозяйство. Треть населения составляли рабы (4 млн человек в 1860 г.). Южане были ориентированы на внешние рынки, они продавали хлопок, табак и сахарный тростник. Хлопок был особенно важен для англичан после того, как в 1793 г. Уитни изобрел хлопчатоочистительную машину [Кавтарадзе 2005: 178–179]. К 1860 г. сбор хлопка вырос в 700 раз, доля США на этом рынке составила 57 %.

Южане стремились к свободной торговле, в то время как северяне хотели защитить свою продукцию от конкуренции с английскими товарами, в которых нуждались южане. Экономические интересы южан и северян отразились в борьбе за освоение новых территорий. Северяне-фермеры желали, чтобы новые земли продавались по доступным ценам и небольшими участками, в то время как южане-плантаторы были заинтересованы в приобретении крупных участков для создания плантаций. Этот конфликт привел к созданию компромиссного Миссурского соглашения 1820 г., установившего между двумя потоками, двигавшимися на запад, границу по 36-й параллели. Соглашение предусматривало также включение в состав США двух новых штатов, свободного и рабовладельческого, чтобы не нарушать баланс сил в федерации [там же: 179].

Отход от компромисса 1820 г. ухудшил отношения между штатами [там же: 179].

В злободневном вопросе о рабовладении Линкольн занимал весьма осторожную позицию, препятствуя распространению рабства на западные территории, но признавая его право на существование в южных штатах. Кроме того, Линкольн был относительным новичком на политической арене страны, не отягощенным никаким компрометирующим багажом [Макинерни 2009: 293].

4 мая 1861 г. Линкольн принес присягу и вступил в должность президента. В своей инаугурационной речи он выразил твердость и стремление к примирению. Прежде всего Линкольн подтвердил незаконность отделения южных штатов, затем поклялся защищать Союз и охранять федеральную собственность на Глубоком Юге. Президент еще раз заявил, что не допустит распространения рабовладения на западных территориях, но в то же время не станет покушаться на институт рабства в южных штатах, где тот уже существует. Линкольн выразил уверенность, что отъединившиеся штаты одумаются и вернутся в Союз. Ведь, как он выразился, «узы искренней дружбы» связывают американцев даже в периоды самых напряженных конфликтов. Замечательная речь. Однако не прошло и месяца, как эти узы, о которых говорил Линкольн, окончательно разорвались [там же: 298].

К 1850 г. рабовладельцев было меньше 350 тыс. [Баррингтон-Мур 2016: 114], погибло же в Гражданской войне 750 тыс. человек. Вряд ли следует восхищаться результатами Гражданской войны. Замечательно, что исчезло рабство, но за это пришлось заплатить высокую цену. Как написал Черчиль: «Три четверти миллиона человек пали на полях сражения. Север увяз в долгах, Юг разорился. Материальный прогресс оказался отброшенным на целый этап. Гений Америки был обеднен отчуждением множества исконных элементов жизни и истории республики» [Черчиль 2012: 288]. Доля государственных расходов в ВВП в период после Гражданской войны выросла в три раза [Engerman, Gallman 2000: 505].

Заключение: опасности минархизма

Интересы промышленности играли и играют огромную роль в истории США. Можно описать историю США как четыре промыш-

ленные революции: 1) освобождение американской промышленности от ограничений метрополии (Американская революция); 2) освобождение американской промышленности от института рабства и от нежелания южан строить трансконтинентальные железные дороги (Гражданская война 1861–1865 гг.); 3) освобождение американской промышленности от протекционизма эпохи мировых войн (завершение Второй мировой войны в 1945 г.); 4) освобождение американской промышленности от разделения мира на зоны торговли (победа в холдиной войне в 1989–1991 гг.). Во всех четырех революциях Америка достигала своих целей. Следующая победа, видимо, будет связана с коллапсом авторитарных и милитаристских режимов.

Почему же произошла Американская революция? Три факта по-
служили ее причиной:

1. *Успех Английской революции 1688 г.* Революция показала, что в случае подавления прав и свобод граждан может быть организовано восстание, способное свергнуть предыдущую власть, причем сама революция окажется средством не разрушения, а созидания нации. Английская революция показала, что она приводит к выгодам для промышленности и торговли. Колонисты воспитывались на идеях Английской революции.
2. *Популярность идей вигов в колониях.* Полемика в период Американской революции показала, что идеи радикальных вигов и Томаса Пейна близки колонистам и что они крайне чувствительны к нарушению своих прав. Здесь особую роль сыграла пропаганда идей Пейна в период конфликта с Великобританией.
3. *Налоги стали поводом, а не причиной Американской революции.* Налогообложение в колониях было в четыре раза меньше, чем в Великобритании. Парламент пошел на отказ от всех пошлин, кроме пошлины на чай, которая была незначительной. Однако, почувствовав вкус свободы, колонисты осознали, что у них достаточно сил и ресурсов для отделения от метрополии.

Что послужило причиной Гражданской войны 1861–1865 гг.?

1. *Движение на Запад и образование новых штатов.* Южане быстрее образовывали новые штаты, так как по соглашению решение о рабстве должно было приниматься большинством. Это

приводило к тому, что штаты с рабством увеличивались быстрее, чем без него. Северяне же быстрее развивали промышленность. Они были заинтересованы в том, чтобы остановить тенденцию появления новых штатов южан.

2. *Налоги и централизация власти.* Линкольн не скрывал, что отделение штатов его беспокоит в том числе из-за налогов. Южные штаты формировали значительную часть бюджета. Линкольн не хотел их терять. Кроме того, захват новых территорий способствовал усилению централизации, к чему стремятся все политики. Не стоит отрицать очевидный факт: Гражданская война во многом была следствием групп особых интересов, которые окружали Линкольна.
3. *Рабство.* Свободный труд — необходимое условие для развития капитализма. Северяне, следуя не забывать, также не мгновенно отказывались от рабовладения. Отцы-основатели были рабовладельцами. Южане также, несомненно, отказались бы постепенно от рабства по чисто экономическим соображениям, но Линкольн предпочел развязать самую кровавую войну в истории США, нарушив принципы Конституции США. Нет никаких сомнений в том, что рабство — зло. Но убийство сотен тысяч людей — как минимум такое же зло.

Гражданская война была неизбежна. Можно было выбрать иной путь, предоставив южанам право выйти из Союза. Экономические связи и прогресс привели бы к отмене рабства немного позже, но это произошло бы малой кровью и с сохранением принципов Конституции США. На практике победила идеология централизованного государства, а также политики, стремящиеся к тому, чтобы перераспределить налоговые поступления в свою пользу.

Доля государственных расходов в ВВП — 1–3 % до 1860 г. После Гражданской войны (в период до Первой мировой войны) — 5–8 % [Engerman, Gallman 2000: 505].

Отцы-основатели полагали, что идеал минархизма позволит им не допустить перерождения минимального государства в Государство-Левиафана. Они ошибались: если определенная группа людей обладает монополией на насилие, она будет использовать свои привилегии для того, чтобы расширять контроль, и станет медленно, но верно лишать людей все большего количества свобод. Уже в период

между Американской революцией и Гражданской войной правительство развязывало войны, порождало инфляцию, занималось протекционизмом, ограничивало индивидуальные права (употребление алкоголя), формировало коррупционные схемы распределения земли и создало «бюджетную кормушку». Не зря в современных США набирают популярность идеи «Движения чаепития», призывающего к возрождению либертарианских принципов Американской революции индивидуализма.

Большое государство всегда порождает Большую войну.

Интеллектуалам, стремящимся защитить от этого общество, не следует оправдывать даже небольшого Левиафана, ведь его маленький размер — лишь временная проблема для групп особых интересов.

Неприятие государственного вмешательства в любом его виде — это хорошее противоядие для каждого свободного общества.

В 1862 г. Авраам Линкольн встретился с Гарриет Бичер-Стоу, автором «Хижины дяди Тома», и во время фотографирования сказал ей: «Так вот, оказывается, та самая маленькая женщина, ставшая причиной этой большой войны» [Johnson 1997: 419].

Линкольн не посчитал возможным увидеть причину в высоком человеке, который был на этом снимке.

Глава 3

Позолоченный век и Прогрессивная эра в США: уроки для современности (1865–1929)

Лучшее правительство — это такое, которое управляет меньшее всего.

Томас Джейферсон [Голдберг 2012: 101]

Я не могу представить себе власть как отрицательное, а не положительное явление.

Вудро Вильсон [Голдберг 2012: 92]

Подлинная история человечества — это история идей. Идеи порождают общественные институты, политические изменения, технологические методы, производства и все, что называют экономическими условиями.

Людвиг фон Мизес [Мизес 2001: 136]

В 1873 г. вышла в свет книга Марка Твена и Чарльза Уорнера «Пое золоченный век», ей предстояло дать имя целой эпохе, которая началась примерно в то же время, что и вышла в свет книга. В этом романе США изображены как страна, где на поверхности все прекрасно, но в глубине все совсем не так. «Не все то золото, что блестит», — гласит известная пословица. Примерно об этом же и роман Марка Твена¹. Позолоченный век — это период бурного развития американ-

¹ В романе есть удивительно прозорливые наблюдения о коррупции в Вашингтоне и при этом непонятный страх перед новыми технологиями. Полусумасшедший герой, которого высмеивает Твен, верит в пароходы, железную дорогу и уголь. Все это вызывает у Твена лишь усмешку. И это в период, когда все это станет источником колоссального прогресса США: «Есть на свете еще большее чудо — железная дорога! Наше дурачье про нее и не слыхивало, а услышит — не поверит. Но это тоже чистая правда. Вагоны летят по земле, двадцать миль в час делают! Подумать только, Нэнси: двадцать миль в час! Даже дух захватывает! Когда-нибудь, когда нас с тобой уже не будет, железная дорога протянется на сотни миль — от северных штатов до самого Нового Орлеана»

ской экономики, период веселья, поверхностности и несерьезности. Это период, когда США стали самой крупной промышленно развитой державой мира, именно с этого периода лидерство переходит от Великобритании к США. Но это еще и переломный момент именно в американской истории, так как на смену Позолоченному веку приходит Прогрессивная — и очень серьезная! — эра, когда выходят на поверхность те тенденции в общественно-политической мысли, которые были неприметными для наблюдателя в 1870–1890-е гг. Если в начале этого периода США — страна со свободной рыночной экономикой, ограниченным государством и идеологией индивидуализма, то к концу 1913 г. — страна, которая активно наращивает вмешательство государства в экономику, заменяет индивидуализм коллективизмом и стремится быть не менее прогрессивной, чем Старый Свет; стремится к милитаризму и интервенционизму. Как же стал возможен и почему произошел переход страны от принципов ограниченной власти отцов-основателей к всемогущему государству Вильсона и чуть позже Франклина Рузвельта?

Прежде всего необходимо рассмотреть итоги Гражданской войны 1861–1865 гг. в США, так как с нее начинается эпоха, которая нас будет интересовать.

Реконструкция

Перелом в Гражданской войне 1861–1865 гг. наступил после издания правительством Авраама Линкольна закона о гомesteadах от 20 мая 1862 г. Гомestead получили 1 423 808 поселенцев [Севастьянов, Язков, Попова 1985: 22]. Этот закон способствовал движению людей и ресурсов на запад, приобретение права на землю фактически происходило в уведомительном порядке. Множество фермеров уехали на запад и создали там свои хозяйства. Следующим шагом была отмена рабства 1 января 1863 г. [Кавтарадзе 2005: 180]. Эти события предшествовали

[Твен 1959: 16]. В романе этого мечтателя ждет крах, как и других предпринимателей. В век огромных успехов бизнеса Твен писал в 1873 г.: «...тысячи американских семей не подозревают о том, что их благополучие и богатство висят на ниточке, которая в любую минуту может оборваться под тяжестью рискованных спекуляций или непредвиденных осложнений» [там же: 231].

победе северян, которая состоялась в мае 1865 г. После завершения войны встал вопрос о реинтеграции южных штатов. Для достижения этой цели был принят Акт о реконструкции в 1867 г. [там же: 181].

Разруха и жертвы войны были колоссальными. В том числе в финансовой сфере. Гражданскую войну Соединенные Штаты закончили с обесценившимися неконвертируемыми гринбеками и огромным государственным долгом [Ротбард 2016: 149]. Федеральный долг вырос с 64,7 млн долл. в 1860 г. до 2,32 млрд долл. в 1866 г. [там же: 151].

Быстро росли цены. Инфляционистская политика дешевых денег во время войны — в силу обесценения доллара и удорожания золота — не только обеспечивала промышленников дешевым кредитом, но и служила в качестве дополнительной тарифной политики [там же: 150]. Северяне-промышленники были заинтересованы в защите своей продукции от иностранных конкурентов², поэтому инфляция была им на руку. А вот южане являлись сторонниками свободной торговли, и тарифы им были невыгодны.

Северяне-промышленники отстаивали инфляционистскую политику и после войны. Так, в 1874 г. политик-инфляционист Ричард Шелл стал членом Конгресса, где предложил скандальную схему в духе Джона Мейнарда Кейнса, который спустя много лет обронил замечание, что важно только одно: «тратить деньги, и совсем не важно, на что именно — на строительство пирамид или рытье канав»³ [там же: 151].

Шелл призывал федеральное правительство прорыть канал от Нью-Йорка до Сан-Франциско и оплатить строительство исключительно эмиссией гринбеков. Инфляция выгодна тем, кто первым получает деньги от эмитента, так что нет ничего удивительного, что промышленники противились возврату к золотому стандарту.

Несомненно, истинная причина Гражданской войны была не в рабстве или не только в нем. Линкольн не хотел допустить потери денег в бюджете, ведь Юг обеспечивал экспорт и платил приличные тамо-

² Уровень промышленных пошлин достигал 2/3 стоимости ввозимых промышленных товаров [Севастьянов, Языков, Попова 1985: 13].

³ Кейнс признавался: «Теория общественного производства, составляющая содержание предлагаемой книги, может быть реализована в масштабах тотального государства много легче, чем какая-либо теория производства и распределения в условиях свободного предпринимательства» [Keynes 1936: ix].

женные пошлины (тогда пошлины были основным источником доходов, не было подоходного налога, налога на прибыль, НДС), когда Север был защищен высокими тарифами. Выход южных штатов из Союза означал бы потерю этих денег.

Рафаэль Семмс, адмирал Конфедерации, вспоминал, что однажды Линкольн в ответ на чью-то реплику, почему бы не дать Югу уйти, раздраженно воскликнул: «Дать Югу уйти! Откуда тогда мы будем получать наш доход?» [Майбурд 2017: 464].

Джон Болдуин и многие другие всеми силами уверяли Линкольна, что семи южным штатам нужно дать отделяться мирно⁴. Исторические и экономические связи свое возьмут, убеждал он, и рано или поздно Юг вновь соединится с Союзом. На это Линкольн ответил: «Ага, и открытый Чарльстон и прочие порты с их тарифом в десять процентов? Что тогда станется с моим тарифом?» [там же: 465].

Реконструкция не означала ни усилий по восстановлению разрушенной экономики Юга, ни того, что называют залечиванием ран. Все обстояло прямо наоборот. Это была попытка «севернизации» южных штатов. А попутно — выжать из них сколько возможно средств для покрытия военных долгов и под шумок пограбить то, что осталось от их богатства.

«Мы правильно представим происходившее, если поймем, что действия правительства Севера были подобны поведению каких-нибудь колонизаторов в Африке или Азии. “Севернизация” была попыткой

⁴ В 1848 г. Линкольн писал по поводу отделения Техаса от Мексики: «Любые люди где угодно, если хотят и могут, имеют право восстать, стряхнуть существующее правительство и сформировать новое, которое больше им подходит... Это право не ограничено случаями, когда его осуществляют весь народ. Любая часть народа может встать на путь революции и сделать своей всю территорию, которую они населяют». К 1861 г., когда он стал президентом Соединенных Штатов, прежнее мнение Линкольна о самоопределении народов поменялось на прямо противоположное. «Я считаю, что Союз этих штатов вечен, — сказал Линкольн в своей инаугурационной речи. — Этот Союз нерушим, и я во всю меру своих сил, как обязывает меня сама Конституция, обеспечу, чтобы законы Союза беззастенчиво выполнялись во всех штатах». Затем он назвал суверенитет штатов софизмом и пояснил: «Союз старше штатов, и в действительности он создал их как штаты» [Майбурд 2017: 434].

сделать на Юге все, “как на Севере”, включая коррупционное сращивание промышленности с государством. Были запрещены флаги и ношение военной униформы Конфедерации. Бывшие офицеры-конфедераты были обложены особо высокими налогами и не могли занимать политические должности. Все белые ветераны Конфедерации были лишены права голосовать. На южные штаты был распространен акт о налогах 1864 г. Он включал: прогрессивный подоходный налог, все возможные налоги с продаж и тариф. С Севера сюда пошел Большой Бизнес, финансируемый государством, и началось отчуждение земель для железных дорог (вместе с фермами и хозяйствами на этих территориях). Подчас новые проекты затевались без экономической необходимости, только ради получения денег из кормушки» [там же: 474].

По сути, Линкольн был тем, кто заложил основы милитаристского государства, и хотя его призрак дремал до начала XX в., он дал о себе знать, когда началась эпоха прогрессизма.

Гражданская война в США, унесшая 620 000 жизней (погибло больше американцев, чем в Первую и Вторую мировые войны, вместе взятые [Faust 2008: XI]), официально завершилась 9 мая 1865 г. (хотя последнее сражение было 22 июня 1865 г.). Несмотря на колоссальные потери, период после войны являлся беспрецедентным в экономической истории. Именно тогда США стали самой мощной экономикой мира и приобрели вид, узнаваемый и сегодня: электричество, газовое освещение, позже замененное электрическим, небоскребы, железные дороги, автомобили, богатейшие люди мира в дорогих костюмах, банки, биржи, кинематограф, телефон... Манхэттен — витрина капитализма — приобрел современный вид в период бурного развития американской экономики в 1870—1914 гг. Без выдающихся предпринимателей и изобретателей это было бы невозможно. Корнелиус Вандерbilt, Джон Рокфеллер, Джон Пирпонт Морган, Эндрю Карнеги, Генри Форд, Томас Эдисон, Никола Тесла, братья Райт, Александр Белл не открыли Америку, они ее построили!

Промышленная революция в Америке

Это было по-настоящему уникальное время для развития экономики. Накопление капитала в данный период происходило быстрее, чем когда-либо до или после этого, что признают даже левые экономисты

[Пикетти 2016: 156], полагая, правда, что время с 1914 по 1945 г. было лучше, поскольку тогда войны сократили неравенство.

«С окончания Гражданской войны до конца столетия объем средств производства вырос вчетверо, намного больше, чем численность рабочей силы, которая увеличилась менее чем на 150 %. Поэтому быстро выросла и величина производственного капитала на одного рабочего — примерно на 80 % всего за три десятилетия. Кроме того, улучшилось качество трудовых ресурсов: средний рабочий стал более здоровым, образованным и лучше обученным, а изобретательность и освоение новых методов производства обеспечивали стремительное накопление интеллектуального капитала» [Хиггс 2010: 155].

Доход на душу населения вырос с 168,8 долл. в 1870 г. до 332,2 долл. в 1910 г. [Кондратьев 1926: 190]. В то же время частная благотворительность была источником решения социальных проблем, поэтому образование, здравоохранение и социальная поддержка осуществлялись без государства. Например, в Вирджинии церковные приходы давали деньги и пищу нуждавшимся прихожанам. Кроме того, советы приходов собирали десятину с прихожан в пользу тех членов приходов, кто содержал престарелых бедняков, детей-сирот и нуждающихся родителей, а также для поддержания работных домов и бедных фермеров [Берман 2008: 234].

Государственная власть в сфере просвещения была также незначительной. Крупнейшие колледжи и университеты создавались и финансировались частными лицами. Помощь бедным, здравоохранение, другие формы социального обеспечения почти полностью решались добровольными объединениями, особенно объединениями, преследующими религиозные цели [там же: 235].

В этот период появились выдающиеся американские писатели: Марк Твен, Уолт Уитмен, Генри Лонгфелло, Герман Мелвилл, Эмили Дикинсон, Джек Лондон, О. Генри.

Среднее количество лет, которое было потрачено в США на получение образования, выросло в 2 раза: с 3,9 лет в 1870 г. до 7,9 в 1913 г. Доля городского населения увеличилась с 14 % в 1850 г. до 42 % в 1910 г. [Гайдар 2005: 32–33]. Все это стало возможно благодаря колоссальному экономическому росту и индивидуальной свободе, которые царили в США.

Для экономического роста необходимо иметь гарантию прав собственности, низкие налоги, стабильные деньги (золотой стандарт)

и отсутствие барьеров на пути предпринимателей. США тех дней были идеальной средой для того, чтобы продемонстрировать, на что способен капитализм *laissez-faire*.

Великие предприниматели той эпохи создавали не только новые продукты во все большем количестве и по все более низким ценам, но и рабочие места, которые позволяли обычным рабочим значительно увеличить свои доходы и приобрести себе те блага, которые до этого были доступны только аристократии или даже недоступны никому.

Развивалась не только экономика — строилось все больше библиотек, больниц, мостов, открывались новые колледжи и университеты, театры и музеи. И все это делалось не за счет государства, а на основе добровольного сотрудничества.

Шесть трансконтинентальных железных дорог сделали США единым рынком, самой большой зоной свободной торговли. Предприниматель в Калифорнии мог продавать свой продукт во всех штатах именно благодаря бурному росту железных дорог. Представьте себе, что до этого альтернативой поездам были не самолеты или автомобили, а телеги, запряженные лошадьми. Скорость и дешевизна транспортировки объединили экономику США в единый хорошо работающий механизм.

Вандерbilt построил первую железную дорогу, соединяющую Сан-Франциско с Нью-Йорком, он же построил Центральный вокзал в Нью-Йорке⁵. Сталь Карнеги дала возможность не только создать

⁵ В романе Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» рассказывается об основателе компании «Таггерт Трансконтинентал» Натаниэле Таггерте, прототипом которому послужил, видимо, Вандерbilt: «Видное место в вестибюле [вокзала] занимала статуя основателя дороги Натаниэля Таггерта, не пользовавшаяся, впрочем, особым вниманием пассажиров. Лишь одна Дагни не могла равнодушно пройти мимо нее, не отдав дань уважения изваянию великого предка. Взгляд, брошенный на него по пути через вестибюль, был единственной известной Дагни разновидностью молитвы. Натаниэль Таггерт, авантюрист, без гроша в кармане явившийся из какого-то местечка Новой Англии, построил железную дорогу через континент в пору, когда появились первые стальные рельсы. Его дорога стояла по сию пору; битва за постройку ее превратилась в легенду, ибо люди предпочитали или не понимать ее значения, или попросту считать невозможной» [Рэнд 2015: 66].

множество небоскребов, железных дорог и мостов, но и позволила ему потратить деньги на тысячи библиотек, Карнеги построил знаменитый Карнеги-холл в Нью-Йорке, на открытии которого выступал П. И. Чайковский. Рокфеллер не только обеспечил американцев дешевым керосином и бензином, но и вложил миллиарды долларов в благотворительность. Он же построил Рокфеллер-центр в Нью-Йорке. Леланд Стэнфорд был не только успешным предпринимателем (правда, больше в политической сфере), но и создал знаменитый на весь мир университет. Эндрю Меллон, успешный предприниматель в аллюминиевой отрасли, способствовал появлению и развитию уникальной коллекции Национальной галереи искусств в Вашингтоне. Все эти люди создали свой бизнес, что называется, на пустом месте и были выходцами не из аристократии, а обычными иммигрантами, которые вряд ли могли бы реализовать свой талант где-либо в другой стране.

Каковы же результаты этой предпринимательской даже не активности, а гиперактивности?

«В течение нескольких десятилетий после Гражданской войны и до конца XIX в. Америка испытала свою собственную промышленную революцию. В процессе индустриализации Соединенные Штаты превратились из преимущественно сельскохозяйственной в промышленно развитую страну» [Rothbard 2017: 91].

Что касается реальной заработной платы, то средняя дневная заработная плата во всех отраслях промышленности выросла на 13 % с 1865 по 1891 г., тогда как стоимость жизни снизилась в среднем на 31 % за тот же период. Средняя среднесуточная реальная заработная плата (скорректированная на изменение цен) увеличилась на 64 % [ibid.: 92].

«Человек этот никогда не признавал за другими права препрятствовать ему путь. Поставив себе цель, он неуклонно двигался к ней по пути, столь же прямому, как и железная дорога, уходящая за горизонт. Он никогда не пытался добиться от правительства никаких займов, ссуд, субсидий, земельных дотаций или законодательных льгот. Он брал деньги у тех, кто имел их, переходя от двери к двери — будь то выточенная из красного дерева дверь банкира или сколоченная из грубых досок дверь фермерского дома. Он никогда не брался толковать об общественном благе. Он просто говорил людям, что его железная дорога принесет им крупный доход, объяснял, откуда этот доход возьмется, и приводил аргументы. Веские аргументы» [там же: 67].

В США труд оплачивался в 2–4 раза дороже, чем в Европе [Кавтарадзе 2005: 208]. Это привлекало огромное количество трудовых ресурсов из Европы. Тем более в Европе становилось все сложнее заниматься бизнесом, что являлось результатом огосударствления экономики, в частности, Бисмарком.

Удивительной была и ситуация с бюджетом. На протяжении трех десятилетий после Гражданской войны федеральное правительство стояло перед фискальной проблемой, в наши дни почти немыслимой: хроническое превышение доходов бюджета над расходами [Хигтс 2010: 185].

Население США, составлявшее 5 млн в 1800 г., выросло до 31,4 млн человек в 1860 г. [Кавтарадзе 2005: 178]. К 1860 г. валовый сбор хлопка в США увеличился в 700 раз, а его доля в экспорте достигла 57 % [там же: 179]. В 1862 г. было начато строительство первой трансконтинентальной железной дороги, которая соединила Нью-Йорк и Сан-Франциско. Экономика США во многом поднималась за счет иммиграции, импорта технологий и капитала. Уже в начале 1890-х гг. действовало шесть трансконтинентальных железнодорожных линий [там же: 198]. В 1870 г. протяженность железных дорог составляла 85 тыс. км, в 1880 г. — 150,7 тыс. км, в 1890 г. — 268,4 тыс. км, в 1911 г. — 396,8 тыс. км [там же: 199]. Численность населения — 76 млн человек в 1900 г. и 97 млн человек в 1914 г. [там же: 199].

Первый небоскреб «Аудиториум» был построен из стали Карнеги в Чикаго в 1886–1890 гг. [Севастьянов, Языков, Попова 1985: 505]. Не менее впечатляющим был мост через Миссисипи из стали Карнеги, который соединил запад и восток страны. Чтобы продемонстрировать людям, что мост выдержит их, использовали цирковую труппу со слоном. Когда по мосту прошел слон, публика поверila в надежность сооружения.

В 1887 г. впервые объем производства превзошел сельское хозяйство. Эта отрасль продолжила развиваться, но уступила лидирующие позиции промышленности [Кавтарадзе 2005: 200]. В 1910 г. промышленный район Северо-Востока (штат Нью-Йорк, Восточная Пенсильвания) давал 45 % промышленной продукции США (текстильная и пищевая промышленность, издательское дело, транспортное машиностроение, нефтяная промышленность). К западу от него, у Великих озер, добывалось 80 % железной руды, там же вырос новый промышленный район, в центре которого находилась сталелитейная промышленность города

Питтсбурга. На Среднем Западе, в основном животноводческом районе США, в больших масштабах велась промышленная переработка мяса (Чикаго). Калифорния на Дальнем Западе стояла на первом месте по производству консервированных фруктов и овощей. Южные штаты поставляли около 40 % лесоматериалов [там же: 201]. В 1913 г. на долю США приходилось 38 % добываемого в мире каменного угля, 42 % мировой выплавки стали, более 60 % мировой добычи нефти.

Изобретатели и ученые вносили свой вклад в модернизацию Америки. В 1882 г. Эдисон построил первую электростанцию в США [там же: 202]. В 1894 г. совокупная стоимость промышленной продукции Соединенных Штатов превысила промышленное производство Англии и Германии, вместе взятых [там же: 202–203]. В 1876 г. на всемирной выставке в Филадельфии был представлен телефонный аппарат Белла, а чикагская выставка 1892 г. утвердила статус США — первой страны в техническом отношении [там же: 203]. Не менее впечатляющими были эксперименты Теслы. «Никогда еще стихийные силы не порождали такого прогресса» [Chambers 2006: V].

Морган создал в 1901 г. «ЮС Стил» из 12 крупнейших сталелитейных корпораций, которая вырабатывала свыше 65 % стальных рельсов и проволоки [Кавтарадзе 2005: 206–207]. В 1900 г. Морган приобрел «Американ телефон и телеграф» [там же: 207]. Ядром группы Моргана был «Ферст нэшнл банк» с капиталом 1 млрд долл. в 1911 г. [там же: 208]. Вандербилт и Гарриман в этот период активно развивали железные дороги, Дюпон — химическую промышленность, Меллон — алюминиевую промышленность, Инсулла — электротехнику [там же: 208]. Несмотря на увеличение масштабов производства крупного бизнеса, средняя занятость в США в 1914 г. была всего 25 человек на одно предприятие [там же: 208]. Высокая стоимость труда стимулировала трудосберегающие инновации: сеялки, веялки, трактора (продукция братьев Дир). США начинают активно осваивать новые рынки: растет экспорт в Европу велосипедов, швейных машин, сельскохозяйственной продукции — всего на 1,5 млрд долл. 60 % экспорта из США отправляется в Европу [там же: 209].

В денежно-кредитной сфере тоже было все не так, как сейчас. В США отсутствовал центральный банк, эмиссионным правом пользовались 8000 национальных банков до 1913 г., отсутствовал подоходный налог с прогрессивной шкалой. Не было в США и рынка государственных

ценных бумаг, правительство почти не прибегало к заимствованию. Хотя дважды пытались ввести подоходный налог (в 1861 и 1894 гг.), но суд дважды признавал его неконституционным. Он был введен 3 октября 1913 г. с необлагаемым минимумом в 3 тыс. долл. годового дохода, основная ставка составляла 1 %, предельная ставка достигала 7 %. 23 декабря был создан Центральный банк США [там же: 211].

С 1870 по 1900 г. производство чугуна увеличилось в 8 раз, добыча угля — в 10 раз, выплавка стали — в 150 раз, стоимость произведенной продукции выросла более чем в 3 раза. Утроилась численность промышленных рабочих [Севастьянов, Языков, Попова 1985: 11]. В 1892 г. Форд сконструировал свой первый автомобиль, но уже в 1900 г. он выпускал ежегодно 4000 автомобилей [там же: 15].

Поток иммигрантов из Европы нарастал. В 1870 г. в США прибыло 387 тыс. человек, в 1882 г. — 800 тыс. Всего за 1870–1900 гг. — 14 млн человек. Население США выросло в XIX в. в 14 раз, в то время как в Европе — только в 2 раза [там же: 12]. Население 20 наиболее крупных городов увеличилось с 1870 по 1900 г. на 286 %. США активно привлекали международный капитал. Так, в рассматриваемый период было привлечено капитала на 3,4 млрд долл. [там же: 14].

Производство цемента увеличилось с 17 231 150 до 92 994 102 [Леви 1923: 15–16]. Число предприятий в 1899 г. — 207 514, а в 1914 г. — 275 791 [там же: 71].

В 1873 г. в Европе начался экономический кризис, в США наблюдалось замедление деловой активности в 1873–1878 гг. Поэтому некоторые ортодоксальные американские историки экономики привыкли говорить о «великой депрессии» 1873–1879 гг.⁶ [Ротбард 2016: 157]. Считается, что депрессия 1873 г. длилась пять лет — с 1873 по 1878 г. [Севастьянов, Языков, Попова 1985: 16].

«Великая депрессия» 1870-х — на самом деле просто миф. Рост валового продукта в 1869–1879 гг. страны в текущих ценах составил 3 % в год, в неизменных ценах — 6,8 %, на душу населения рост составил

⁶ Следует отметить, что финансовые паники 1873, 1884, 1893 и 1907 гг. в значительной степени представляли собой следствие расширения резервной базы и кредита банками резервных городов и центральных резервных городов [Ротбард 2016: 156].

4,5 % в год [Ротбард 2016: 157]. Производительность труда выросла с 1879 по 1889 г. на 26,5 % — один из лучших показателей за всю историю страны [там же: 168].

Как показали Милтон Фридман и Анна Шварц в книге «Монетарная история Соединенных Штатов: 1867–1960», кризиса 1873 г. как такового в США не было, реальные доходы продолжили свой рост в период 1873–1878 гг.⁷ [Фридман, Шварц 2007: 26]. Кстати, в январе 1875 г. был принят закон о возврате к золотому стандарту [Ротбард 2016: 154]. Следует считать события 1873 г. финансовой паникой, которая была следствием кредитной экспансии, вызванной Гражданской войной, разорился крупный банк JayCook&Co, но спада реальных доходов не произошло [Уэрта де Сото 2008: 365].

Что касается кризиса 1893 г., то он также был вызван ростом денежной массы (денежные средства в казначействе увеличились с 210 млн долл. в 1879 г. до 308 млн долл. в 1888 г. [Фридман, Шварц 2007: 120]). Его глубина также переоценивается. С 1891 по 1897 г. средние темпы роста реального национального продукта составили 3 % [там же: 94]. Реальный доход вернулся к докризисному уровню уже в 1895 г. [там же: 91]. Причину глубины кризиса следует искать в бегстве от доллара, которое происходило в процессе борьбы представителя популистского крыла демократической партии Уильяма Дженнингса Брайана за отмену золотого стандарта [там же: 99].

Кризисы в XIX в. характеризовались меньшей длительностью и быстрой подстройкой структуры производства под новые условия, так как тогда государство не мешало процессу быстрой адаптации за счет регулирования цен, заработных плат и объемов производства. На пике кризиса 1893 г. безработица доходила до 8–10 %, это несопоставимо с почти 25 % Великой депрессии 1929–1945 гг. Да и по длительности кризисы оценивались в несколько лет, а Великая депрессия растянулась на 16 лет. Кризисы 1893 и 1907 гг. были вызваны кредитной экспансией в условиях частичного резервирования, но протекали они не так болезненно, как кризисы, которые в XX в. пытались копировать за счет кейнсианских рецептов.

⁷ Глубокий кризис был в Германии, где в это время создавались государство всеобщего благосостояния и Центральный банк.

После кризиса 1893 г. наблюдается новый экономический рывок⁸.

«В конце 1890-х гг. в экономике начался один из самых энергичных взлетов. Средний рост реального ВНП на душу населения в 1898–1902 гг. оценивается в 4 % в год. В 1898–1912 гг. реальный ВНП на душу увеличивался в среднем на 2,5 % в год. Реальный душевой ВНП в 1916 г. был на 46 % выше, чем в 1898 г. Если судить только по этому показателю, экономика работала превосходно» [Хиггс 2010: 199].

Инвестиции выросли с 0,4 млрд долл. в 1879 г. до 2,0 млрд долл. в 1890 г. Прирост капитала составил рекордные 500 % [Ротбард 2016: 168].

Промышленная революция в США изменила мир даже в большей степени, чем промышленная революция в Англии [Манту 1937: 150–289]. Впервые простой человек смог получить не только шанс преуспеть, несмотря на свое происхождение и образование, но и получал всё больший доход как работник и больше разнообразных и дешевых благ как потребитель. Государство не вмешивалось в экономику, и царила свобода предпринимательства. Период с 1870 по 1900 г. может быть по праву назван эрой либертарианства (*табл. 1*).

Исключением из правила была внешняя торговля. В 1870 г. средний процент пошлин к стоимости импорта составлял 47,08 %, в 1894 г. — 50 %, в 1899 г. — 52,7 % [Кондратьев 1926: 218]. Традиция протекционизма в США восходит к министру финансов США Александру Гамильтону [Травин, Маргания 2011: 111–125], пример которого вдохновил Фридриха Листа на разработку своей теории протекционизма. Америка настолько разная, что в ней есть все, в том числе протекционизм. Пошлины находились в США в XIX в. На высоком уровне в начале и конце века, а в период отмены «хлебных законов» в Англии в 1846 г. США вместе со всем миром активно снижали пошлины. Причина роста экономики была в предпринимательской активности сталелитейщиков,

⁸ Джон Рокфеллер в своих мемуарах пишет, что хотел в 50 лет отойти от дел, но, так как в 1893 г. начался кризис, вынужден был отказаться от своих планов. Однако уже в 1895 г. его мечта была реализована. То есть всего два года потребовалось, чтобы восстановить положение дел. Хотя Рокфеллер продолжал влиять на деятельность своих компаний, но как президент и как акционер. Прожил он 97 лет и умер в 1937 г., когда разразился «кризис внутри кризиса», вызванный политикой Ф. Рузвельта.

таких как Карнеги, но экономике помогла также и тенденция к снижению пошлин в середине века. Предприниматели нашли способ увеличить производство стали с 0,07 млн тонн в 1870 г. до 31,3 млн тонн в 1910 г. [Кондратьев 1926: 226]. Конкретные товары характеризовались разными пошлинами, что было вызвано лоббистскими возможностями разных групп. Так, в свое время синдикат производителей перламутровых пуговиц добился пошлин в 1400 % [Самнер 2002: 7].

Таблица 1. Результаты Позолоченного века в США

Показатель	1870 г.	1900 г.
Численность населения	39 818 000	75 994 000
Объем производства (обрабатывающая промышленность)	1 905 млн долл.	13 580 млн долл.
Реальная заработная плата	Увеличение на 64 %	
Цены	Снижение на 31 %	
Сталь	0,07 млн тонн	10,64 млн тонн
Цена стали (долл. за тонну)	160	17
Нефть	22,1 млн галлонов	2397 млн галлонов
Потребление хлопка (1 кип = 500 фунтов)	797 тыс. кип	3632 тыс. кип

Источник: Таблица составлена автором на основе материалов этой главы.

На графике (*рис. 1*) отчетливо видно, что период промышленного подъема в XIX в. сопровождался кратным снижение пошлин в США (с почти 60 % в 1830 г. до 10 % в 1840 г.). Причем пошлины оставались низкими вплоть до начала Гражданской войны, когда их повысил Линкольн.

Как мы видим, это миф, что в США промышленный подъем был вызван политикой протекционизма. В период бума проводилась политика фритредерства⁹.

⁹ Может показаться странным, что именно северяне, идущие по пути Гамильтона, а не Джейфферсона развивались гораздо быстрее южан. Ведь, если активное государство тормозит развитие экономики, почему тогда северные

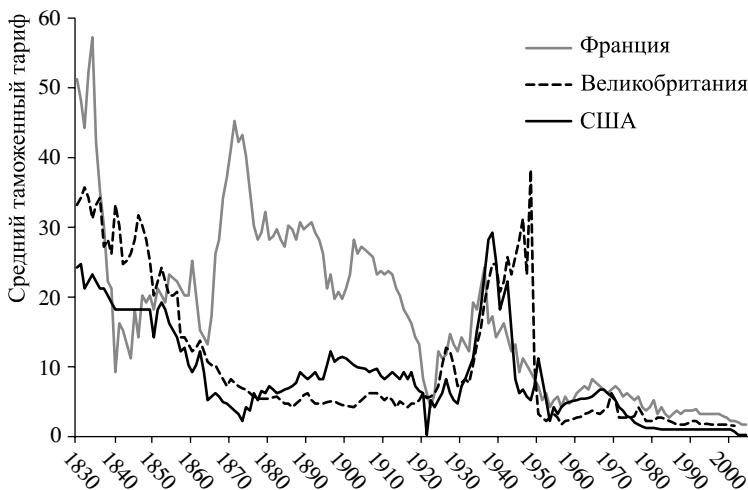

Рис. 1. Средний таможенный тариф на импорт 1830–2010 гг.

Источник: [Zhang 2020: 366].

К сожалению, американцы тогда, видимо, не знали русскую пословицу «От добра добра не ищут». Казалось, что достижения капитализма гарантированы и пришло время поэкспериментировать с чем-то еще более замечательным. Никто не догадывался о той цене, которую придется заплатить за эти эксперименты.

Люди, построившие Америку

Их называли «баронами-разбойниками», их ненавидели интеллектуалы, их боялись конкуренты, но без них не было бы той Америки, которую мы знаем.

Сам термин «бароны-разбойники» родился в Европе для описания явления, при котором некоторые землевладельцы (бароны) про-

штаты оказались более успешными? Ответ кроется в том, что южане, являясь противниками протекционизма, были сторонниками рабства. Это тормозило развитие экономики и не позволяло, в частности, строить железные дороги: владельцы плантаций тормозили процесс строительства железных дорог. Это обусловило отставание южных штатов.

тягивали канаты через Рейн и брали плату с каждого проплывающего судна [Folsom 2010: 186]. Они ничего не создавали, но при этом получали доход за счет путешественников. По аналогии «баронами-разбойниками» стали называть предпринимателей Позолоченного века: Рокфеллера, Вандербильта, Карнеги, Моргана. Общественность была убеждена, что они действуют так же, как «бароны-разбойники» в Германии, паразитируют на населении, ничего не создавая в обмен.

Конечно же, во все времена — и Позолоченный век не исключение — есть те, кто живет на политическую ренту (за счет политического предпринимательства или блата). Но наравне с ними было и есть множество предпринимателей, создающих новые продукты, технологии, внедряющие новые изобретения в массовое производство, что делает нашу жизнь гораздо комфортнее. Необходимо отделять тех, кто «пилит бюджет», от тех, кто «создает новые комбинации», порождающие шумпетерианский процесс «созидательного разрушения» [Усанов 2018: 156–159].

Когда Вандербильт создавал свою компанию, занимающуюся железнодорожными перевозками, основным средством передвижения в США была телега — много месяцев требовалось, чтобы добраться до нужного места. Но для строительства железных дорог нужна стала, которую США импортировали и которая была безумно дорогой. Шотландский предприниматель Эндрю Карнеги увидел способ производства стали, сделавший возможным покрытие всей территории США железными дорогами. США из импортера превратились в крупнейшего производителя в мире. Сталь стала очень дешевой¹⁰ [Johnson 1997: 552], что позволило направить ее излишки на строительство небоскребов и мостов. Чтобы могла существовать промышленность, необходимо иметь нефть, которую научился добывать и перерабатывать в огромных количествах Рокфеллер. Его нефтеперерабатывающие заводы производили керосин, позволивший обеспечить дешевым источником освещения всю Америку, и бензин, потребовавшийся автомобильной промышленности. Морган вкладывал свои капиталы в изобретения Эдисона, заменившего газовое освещение электрическим.

¹⁰ В 1875 г. сталь стоила 160 долл. за тонну, а в 1898 г. почти в 10 раз меньше — 17 долл. за тонну [Johnson 1997: 552].

Братья Дир изобрели множество устройств для сельского хозяйства. Их сеялки, веялки, комбайны и трактора продавались по всей Америке за счет того, что Вандербилт построил железные дороги. Качество и количество пищи, в том числе мяса, привели к тому, что значительно возрос средний вес и рост американца. Люди стали больше путешествовать, лучше одеваться, покупать себе новое жилье, пользоваться банковскими услугами. Благодаря Генри Форду автомобиль из предмета роскоши превратился в доступный для среднего американца продукт. Рост доходов позволил людям тратить деньги на обучение, заграничные поездки, посещение театра и кино. Адольфус Буш создал первый международный бренд пива, Чарльз Шваб обеспечил рост «ЮС Стил» и продолжил дело Эндрю Карнеги. Его достижения воодушевили известного американского писателя Дейла Карнеги на написание книг об успехе, где часто упоминается Шваб и его принципы ведения бизнеса.

Все эти люди сделали Америку самой богатой страной мира, а их называли «баронами-разбойниками»! Что общего между средневековыми баронами, собиравшими дань с путешественников, и людьми, организовавшими миллионы рабочих мест и создавшими на пустом месте целые отрасли, которые вывели США в мировые лидеры?!

К сожалению, общественное мнение было тогда не на стороне предпринимателей. Их обвинили в жадности, в эксплуатации рабочих, в том, что они создают монополии и подкупают конгрессменов, в том, что их безудержная алчность порождает несчастные случаи на заводах и кризисы с безработицей в экономике. Общество было убеждено: главные враги — «бароны-разбойники» и пришла пора «регулятивной революции».

Народ против Джона Рокфеллера

Пожалуй, самым показательным было дело «Народ Соединенных Штатов Америки против компании “Стандарт Ойл”» 1911 г., которое привело к разделению компании Дж. Рокфеллера в соответствии с антимонопольным законом Шермана 1890 г. на 34 более мелкие компании. Рокфеллер для большинства был подобен монарху, которому все подчинены, и борьба с ним была олицетворением борьбы с монополиями [May 1964: 17].

В 1870-е гг. получают развитие пулы и тресты, особенно «Стандарт Ойл» [Кавтарадзе 2005: 203]. Доля компании Рокфеллера постепенно увеличивается до 95 %. Появляются тресты в сахарной, табачной, водочной и бумажной отраслях. Как реакция на этот процесс принимается антимонопольный закон Шермана 2 июля 1890 г.¹¹ [там же: 204].

Принято считать, что «таможенный тариф порождает тресты» [Леви 1923: 80]. Отчасти это так. Если государство устанавливает высокие пошлины на импортные товары, оно защищает производителей от появления новых игроков на рынке и тем самым стимулирует создание трестов. Однако есть и объективные причины создания трестов. Чтобы можно было в максимальной степени использовать эффект масштаба, необходимо объединение крупных капиталов¹².

Первый иск по обвинению в нарушении закона Шермана был подан в 1893 г. против American Sugar Refining Company. Правда, суд в доказательствах не усматривал намерения ограничить торговлю или коммерческие отношения [Арментано 2011: 88]. Тем более что независимо от решения суда рыночные силы уничтожили близкое к положению монополии положение «Сахарного треста». Его доля на рынке снизилась с 95 % в 1893 г. до 25,06 % в 1927 г. Розничная цена сахара-рафинада уменьшилась с 9 центов за фунт в 1880 г. до 5,3 цента в 1895 г. [там же: 87–89].

Еще одним примером борьбы с монополиями был иск против железнодорожных компаний, которые желали объединиться в одну. Создание компании Nothen Securities, объединяющей две компании, владеющие железными дорогами, не привело к росту тарифов, — напротив, они продолжали снижаться в 1901–1903 гг., т. е. вплоть до иска [там же: 95].

Но, конечно же, самым резонансным антимонопольным разбирательством стало дело против «Стандарт Ойл».

¹¹ «Если бы меня попросили выбрать дату, которая знаменует роковой поворот на дорогу, ведущую к окончательной гибели американской промышленности, а также самый позорный законодательный акт, я выбирала бы 1890 год и Закон Шермана» [Рэнд 2003: 130].

¹² Николай Кондратьев отмечал, что тресты способствовали также быстрой реакции на кризис 1903 г. За счет вертикальной интеграции легче переместить ресурсы в проблемные области и обеспечить их капиталом [Кондратьев 1926: 253–254]. Видимо, это верно и в отношении других кризисов.

Начало современной нефтеперерабатывающей промышленности было положено в 1846 г., когда канадский геолог доктор Абрахам Геснер обнаружил, что жидкое топливо можно получать из угля, а керосиновую фракцию отделять и использовать для освещения. В тот период цены в 20 долл. за баррель сырой нефти быстро упали до 10 центов в 1862 г. К 1865 г. 80 нефтеперерабатывающих заводов производили из сырой нефти керосин и сопутствующие продукты, а небо над Питтсбургом затянуло дымом [там же: 96–99].

В возрасте 23 лет молодой предприниматель Джон Рокфеллер рискнул вложить 4000 долл. в спекулятивную сделку с нефтеперерабатывающим заводом в Кливленде. А в 31 год — стал самым крупным владельцем нефтеперерабатывающего завода в мире [Черноу 1999: 133].

Компания Рокфеллера, Эндрюса и Флегеля продемонстрировала непревзойденную эффективность. Они производили собственную серную кислоту, бочки, пиломатериалы, вагоны и клей. И вели точный учет всего — от заклепок до бочек. Рядом с заводами они создали сложную систему нефтехранилищ.

Компания Рокфеллера выпускала самый чистый керосин и сумела сделать прибыльной продажу большей части остатков нефтеперегонки в виде мазута, твердого парафина и вазелина [Арментано 2011: 100]. Рокфеллер увеличивал объем производства, когда другие вели более осторожную политику, и к 1870-м его нефтеперерабатывающий завод был одним из самых крупных в стране.

В 1870 г. доля Рокфеллера не превышала 4 %, а количество независимых нефтеперерабатывающих компаний достигало 250, к 1880 г. общая доля компаний оказалась на уровне 80–85 %, а число независимых нефтеперерабатывающих заводов снизилось до 80–100. Рокфеллер купил 21 из 26 компаний-конкурентов из Кливленда [там же: 101].

Тем не менее цены на керосин упали с 30 центов за галлон в 1869 г. до 10 центов в 1874 г. [там же: 102]. Рокфеллер активно скупал предприятия конкурентов. Во многих случаях приобретенные компании оказывались настолько неэффективными, что были в дальнейшем закрыты. Считается, что инициатива исходила от «Стандарт Ойл», но это далеко не всегда было так.

«Вполне типичной является история Джорджа Риса. В 1882 г. взятками и шантажом Рис пытался заставить “Стандарт Ойл” заплатить 250 000 долл. за нефтеперерабатывающий завод, который он предлагал

ей в 1876 г. за 24 000 долл. В 1890 г. он запросил за него 500 000 долл.» [там же: 103].

«Стандарт Ойл» активно инвестировала средства в разработку более эффективных методов производства, чем конкуренты. Компания Рокфеллера вложила 200 000 долл. в научные исследования Германа Фраша, что позволило ей эффективно использовать сырье, создало основу для технологических инноваций и экономии от масштаба [там же: 103]. Высокоэффективное производство означало цистерны, трубопроводы, источники сырья, дешевые бочки, огромные хранилища и возможности для экспорта. Во все это активно инвестировала компания Рокфеллера, а конкуренты — нет [там же: 103].

В период 1870–1885 гг. цена на керосин упала с 26 центов за галлон до 8 центов. Средние издержки за тот же период сократились с 3 центов до 0,452 цента [там же: 104].

Когда началось разбирательство, Рокфеллера обвинили в «хищническом ценообразовании», которое якобы использовалось для разорения конкурентов с последующим увеличением цены продукта и прибылей. Компанию Рокфеллера фактически обвиняли в демпинге, хотя существуют причины, по которым нельзя счесть политику ценообразования Рокфеллера хищнической, равно как и нельзя считать снижение цен преступлением:

1. Демпинг приводит к большим потерям выручки и не гарантирует их роста в будущем.
2. Неизвестно, сколько именно потребуется времени, чтобы на рынке не осталось игроков.
3. Конкуренты могут закрыться и ждать, пока цены вернутся на прибыльный уровень или же обанкротившиеся компании может купить новый собственник.
4. Это приводит «хищника» к потерям на смежных рынках, так как ценовые войны коснутся и их.
5. Такую политику может себе позволить только тот, кто уже является лидером на рынке. У новичка нет для этого достаточного капитала [там же: 109].

Компанию обвиняли в том, что она стала монополистом и ее доля все время растет. Но это не так: доля компании снизилась с 88 % в 1879 г. до 82 % в 1895 г. Стоимость галлона переработанной нефти в бочках уменьшилась с 9,33 цента в 1890 г. до 5,91 цента в 1897 г. [там же: 111–112]. Не очень похоже на политику «монополиста».

В кульминационный момент, когда якобы имел место полный контроль «Стандарт Ойл» над рынком, тем не менее издержки и цены

достигли самого низкого уровня за всю историю нефтяной промышленности [там же: 112].

С 1890 по 1897 г. компания увеличила производство керосина на 74 %, смазочного масла — на 82 %, твердых углеводородов — на 84 % [там же: 112]. Доля «Стандарт Ойл» уменьшилась с 88 % в 1890 г. до 64 % в 1911 г. Объем производства нефтепродуктов вырос с 39 млн баррелей в 1892 г. до 99 млн баррелей в 1911 г. [там же: 115].

Следовало поставить вопрос: нанесли ли действия компании вред потребителям? Действительно ли компания повышала цены, ограничивала производство, подавляла технический прогресс, выпускала низкокачественную продукцию, вытесняла с рынка конкурентов хищническими методами? В деле «Стандарт Ойл» эти вопросы даже не ставились [там же: 121].

Официально обвинение в адрес «Стандарт Ойл» звучало так: «Концентрация активов и широких возможностей для контроля... была направлена на уничтожение потенциальной конкуренции, которая в противном случае имела бы место» [там же: 122]. При такой формулировке любой производитель может быть обвинен в нарушении закона, так как любое решение об изменении цены продукта, его характеристики и рынка сбыта может быть «направлено на уничтожение потенциальной конкуренции, которая в противном случае имела бы место».

Рокфеллер долго скрывался, путешествуя по Америке, чтобы ему не могли вручить повестку в суд. Но в том году должен был родиться его первый внук, он не мог пропустить это событие и решил быть со своей семьей. Этим воспользовались, чтобы вручить ему повестку.

В заключительной речи Рокфеллер не признал своей вины, заявив, что не считает себя монополистом, благодаря его компании возникла целая отрасль, которой до этого не было, и что никто не обвинял его, когда он создавал новые рабочие места. А иначе вести дело в США, не скупая заводы конкурентов, было невозможно. В конце речи на суде Рокфеллер задал вопрос: если он столько сделал для страны, то почему находится на скамье подсудимых? Суд вынес обвинительный приговор. Решение не привело к падению цен на нефть, цены, напротив, выросли¹³.

¹³ Все ведущие экономисты той эпохи поддерживали борьбу с монополиями [Бёргин 2017: 51]. Современные экономисты Дарон Аджемоглу (Асемо-

Общественно-политические идеи в США в начале XX в.

Отличие данной эпохи от тех, которые ей непосредственно предшествовали, состоит в отсутствии либеральной интеллигенции. Поклонение жестокой власти под самыми разными обличиями стало универсальной религией.

Джордж Оруэлл [цит. по Голдберг 2012: 93]

Идеологический климат в начале XX в. в США можно изобразить в виде таблицы (табл. 2).

Все более или менее значимые школы экономической мысли, оказывавшие влияние на общественно-политический климат США, можно разделить на пять групп:

1. *Философский анархизм.* Представители этого направления были активными противниками любого вида государственного регулирования. Многие их требования по государственному невмешательству можно счесть либертарианскими. При этом их экономическая программа включала отмену денег, процента, прибылей и ренты. В основу анализа даже самый прокапиталистический из философских анархистов Такер клал трудовую теорию ценности Маркса (правда, откращиваясь от него за его «еврейство»). По существу, они были продолжателями дела Бакунина и Прудона в США. В итоге они боролись и против государства, и против капитализма¹⁴.

глу) и Джеймс Робинсон также считают, что прогрессисты позволили узнать обществу об истинных злоупотреблениях «баронов-разбойников» и обуздать тресты [Аджемоглу, Робинсон 2015: 435].

¹⁴ Анархизм был в согласии с преобладающими настроениями деловых людей по сравнению с другой радикальной группой — социалистами. Последние были более разнородной группой, некоторые из них являлись и анархистами [Dorfman 1949a: 42]. Одна из групп радикалов стояла за ненасильственное взаимодействие и называлась движением «философских анархистов». Его лидеры были в основном выходцами из благополучных семей Новой Англии и Нью-Йорка и имели хорошее образование, а часто и значительное

2. *Американский маржинализм.* Джон Бейтс Кларк по праву считается первым американским экономистом, он независимо от Менгера, Вальраса и Джевонса открыл принцип предельной полезности. Однако в своих взглядах на экономическую политику унаследовал взгляды своего учителя из Гейдельберга Карла Книсса, виднейшего представителя исторической школы. Он принимал принцип рыночного равновесия, но считал, что на рынке труда тот не работает, так как сила на стороне нанимателя, а не рабочего. Однако в Америке это не создает проблем между трудом и капиталом, как в Европе, так как существует возможность уехать на запад и начать работать не на капиталиста, а на самого себя [Шпотов 1990: 36]. Эта ситуация сохранится до тех пор, пока будет фронтир. Когда он закончится, придется перейти к европейским методам борьбы с капиталом за счет профсоюзов и государства. Таким образом, Кларк считал прогрессивную политику неизбежной и желательной, но после 1890 г. Надо лишь подождать¹⁵. Экономист Чарльз Конант в 1898 г. считал, что США следуют перенять грандиозные достижения царской России в деле централизации власти и политики [Ротбард 2016: 217]. Лидер американского маржинализма Кларк в рецензии 1901 г. одобрил планы Конанта [там же: 220].

богатство. Движение зародилось перед Гражданской войной под руководством Джосайи Уоррена. Концепция Уоррена была основана на упразднении всех принудительных полномочий государства и признании полного «сувениритета личности», полной индивидуальной ответственности во всех отношениях. Что касается экономической политики, то Уоррен утверждал, что необходимо обеспечить полную свободу для реализации благотворного принципа свободной конкуренции. Каждый отдельный производитель получит цену за свой продукт, эквивалентный времени и другим жертвам; тогда будет действовать справедливый принцип обмена, ограниченный «стоимостью». Степень удовольствия и страдания (или «чистого страдания») будет мерой и пределом цены. Поскольку требуется равновесие, компенсация за каждое занятие будет скорректирована с учетом относительного количества и неприятности занятия, в результате не будет предпочтения к тому или иному конкретному виду труда [ibid.: 35–36].

¹⁵ Работа Кларка 1879 г. называлась *The Nature and Progress of True Socialism* [Clark 1879].

Таблица 2. Идеологические направления в США в начале XX в.

Идеологическое направление	Представители	Экономические идеи
Философский анархизм	Бенджамен Такер, Эзра Хейвуд, Джосайя Уоррен, Колонел Грин	Против таможенных пошлин, против государственного регулирования. Против прибыли, процента и ренты. За применение трудовой теории ценности (стоимости) в вознаграждении труда.
Американский маржинализм	Джон Бейтс Кларк, Фрэнк Найт, Ирвинг Фишер	Рынок регулируется спросом и предложением, но на рынке труда переговорная сила у капиталистов, поэтому, когда закончится фронтири (в 1890 г. он закончился), необходимы сильные профсоюзы и государственное вмешательство в рынок труда. Капитализм не решает социальных проблем, разрушает культуру и этику.
Историческая школа	Ричард Элай, Эдвин Селигмен	На смену неэффективному рынку должен прийти подход социального инженера, который будет предсказывать будущее и руководить экономикой.
Движение за единый налог	Генри Джордж	Капитализм порождает несправедливый рентный доход, нужно его изъять и правильно распределить.
Институционализм	Торстейн Веблен, Джон Коммонс	Капитализм порождает «демонстративное потребление» и замену созидательной деятельности инженеров бесполезной деятельностью финансистов.

Источник: Таблица составлена автором на основе материалов этой главы.

3. *Историческая школа.* Ричард Элай и Эдвин Селигмен смотрели на общество как на организм вслед за исторической школой в Германии [Селигмен 1968: 414]. Биологические аналогии приводили их к выводу, что социальный организм США развился в достаточной степени, чтобы отказаться от принципов свободной конкуренции и перейти к централизованному управлению. Нужно лишь дождаться вождя, который возьмет на себя ответственность за невиданный эксперимент по централизации власти. Они также поддерживали забастовки, борьбу с капиталом, видя себя социальными инженерами, которые будут управлять обществом. Влияние этой группы было колоссальным; к примеру, Теодор Рузвельт и Вудро Вильсон были не только знакомы с этими экономистами, но и признавали их своими учителями. На этих экономистов США оказали влияние представители германской исторической школы в политэкономии, особенно ее второе поколение — Густав Шмoller, Адольф Вагнер, Луйо Брентано [Севастьянов, Языков, Попова 1985: 43]. В основном сторонниками планирования были представители социального евангелизма. В университетах Германии им вложили в головы принципы этатизма и органического социализма, научили ценить гармонию «среднего пути» [Ротбард 2016: 189]. Селигмен пророчил, что в XX в. профессиональные знания дадут экономистам возможность контролировать и формировать материальные силы прогресса. Когда экономист докажет, что в состоянии точно предвидеть будущее, его возвеличат как реального философа общественной жизни и публика будет с почтением внимать его высказываниям [там же: 220]. Американская экономическая ассоциация, которую создали экономисты-прогрессисты, «позволит показать властивующей элите, что новая наука об обществе может служить интересам тех, кто сделал империализм политикой страны, в качестве инструмента подготовки технических решений насущных фискальных проблем колоний, а также дать идеологическое обоснование приобретения колоний» [там же: 222].
4. *Движение за единый налог.* Генри Джордж, как и философские анархисты, был против тарифов. Он был убежден, что государство не должно вмешиваться в промышленность, а вот земельные ресурсы должны быть под пристальным вниманием государства. Необходимо заменить множество налогов одним — налогом на землю.

Так как производство всех товаров подразумевает использование фактора производства — земли, то такой налог также ложится бременем на промышленность и потребителя. Джордж и его книга «Прогресс и бедность» произвели сенсацию в Европе. Когда зять Карла Маркса приехал в США распространять идеи научного социализма, он был настолько очарован Джорджем, что вернулся в Европу, проповедуя его учение [Голдберг 2012: 101–102]. Действительно, идеи Джорджа пользовались огромной популярностью, поэтому джорджисты, несомненно, повлияли на общественно-политический климат США того времени. Конечно же, капитализм в том виде, в каком он был в Позолоченный век, их не устраивал. Они ждали перемен.

5. *Институционализм.* Торстейн Веблен и его сторонники видели проблему капитализма в том, что он вырождается в неограниченную власть «финансистов», вместо того чтобы предоставить власть «инженерам». Акции, биржи, процент, финансовые инструменты лишь все запутывают. Такой капитализм нужно заменить технократическим регулированием. Джон Коммонс и другие институционалисты также были не восторг от капитализма и стояли на позициях исторической школы, отрицающей «абстрактную экономическую теорию английской школы».

Как мы видим, все пять групп были едины в неприятии капитализма и в желании заменить его более «рациональной» системой. Никто не предлагал сохранить принципы *laissez-faire*.

Несомненно, политики, как и избиратели, не способны сформировать последовательную идеологию, у них нет на это времени, да и желания. И значит, этим занимаются интеллектуалы — именно они предлагают политикам инструменты для решения насущных проблем.

Можно представить себе данный процесс следующим образом. В «цилиндр» бросают свои «бумажки» (идеологические программы) интеллектуалы. Политики, когда им приходится делать выбор, как реагировать на тот или иной вызов (кризис), случайным образом выбирают идеологию из «цилиндра». Если идея работает, то они ее продолжают использовать; если нет — снова запускают руку в «цилиндр». В начале XX в. в США все основные школы экономической мысли сходились на том, что капитализм нужно чем-то заменить. Прогрессисты спорили: следует сделать акцент на социальном

планировании или на национализме и милитаризме. Других вариантов никто не предлагал. В «цилиндре» были только антикапиталистические и антилиберальные проекты.

Прогрессизм начала XIX в. разделялся на несколько течений. На одной стороне были люди, подобные Джону Дьюи и Джейн Адамс, которые придерживались в большей степени социалистического и академического подхода в политике. Другую сторону занимали националисты, более явно склонявшиеся к патриотизму и милитаризму. Одни из них сосредоточились на социальных реформах, тогда как других в большей степени занимало «величие» США [там же: 98].

Позже прогрессистов стал вдохновлять опыт СССР. Так, экономист Стюарт Чейз писал после посещения России в 1927 г.: «В отличие от Америки, где решения в области экономики принимали “голодные акционеры”, в Советском Союзе во главе было заботящееся обо всех государство, получавшее “информацию от статистических батальонов” и героическую поддержку от чиновников Коммунистической партии, которым не требовалось “иных стимулов”, кроме страстного желания, которое пылает в груди каждого настоящего коммуниста, создать новое небо и новую землю» [там же: 110].

Два ведущих экономиста Нового курса Рексфорд Гай Тагуэлл и Пол Дуглас с благоговейным трепетом высказывались о советском эксперименте [там же: 110].

Все ведущие экономисты бросали в «цилиндр» одинаковые программы и требовали расширения власти государства. Последующие 50 лет политики США наугад меняли одну неработающую модель на другую, пока не возникла либертарианская альтернатива, впервые частично опробованная в 1948 г. в Германии Людвигом Эрхардом.

Выборы, изменившие всё: 1896 г.

До 1896 г. политическая система США была совершенно иной по сравнению с той, какой она стала на выборах 1896 г. и существует до сих пор. Сейчас мы имеем фактически две центристские партии, где республиканцы — за большой бизнес, а демократы — против капитализма. В XIX в. демократическая партия была, по сути, либертарианской, а республиканская ратовала за разного рода ограничения. Поэтому очень важно рассмотреть выборы, которые всё изменили.

Хотя на выборах победил республиканец Уильям Мак-Кинли, сама альтернатива изменилась. Считается, что перемены в устройстве политической системы США связаны с притоком мигрантов, которые не разделяли религиозных ценностей первых поселенцев, мечтавших построить «Град на холме», а хотели лишь получать от государства поддержку. В действительности, новые мигранты были вовсе не сторонниками государственного регулирования и борцами с капитализмом. Электорат демократической партии, которая в то время была противницей этатизма, в основном состоял из католиков, а именно в этот период их прибывало из Германии очень много. Они хотели делать карьеру и зарабатывать деньги, понимая, что им для этого нужно не то, откуда они бежали (бисмарковская огосударствленная экономика). Они не мечтали о революции. Они мечтали о хорошо оплачиваемой работе и своем деле¹⁶.

Скорее, объяснение в том, что сами церкви претерпели изменения: протестанты вначале были против государства¹⁷, но поддерживали разного рода ограничения, связанные с индивидуальным выбором, признавая вслед за Лютером, что человек греховен и роль государства в том, чтобы исправлять нашу греховность.

Филипп Меланхтон, опираясь на учение Лютера, считал, что «властям надлежит карать алчность, праздность, щегольство и прочие проявления безнравственности» [Берман 2008: 181]. Эта идея была очень популярна среди пietистов и пуритан, которые ратовали за государственное вмешательство. Так, если для католиков выпить кружку пива в воскресенье было хорошей традицией, то для пуритан и пietистов это считалось двойным грехом: употребление алкоголя и торговля в воскресный день. Протестанты являлись сторонниками законодательного ограничения торговли и употребления алкоголя. Католики были противниками этих ограничений.

¹⁶ «В страну прибывало (в конце XIX в. — П. У.) все больше католиков и лютеран, особенно из Германии и Ирландии. Эти церкви относились к государствству и морали в стиле *laissez-faire*. Все они голосовали за демократическую партию» [Ротбард 2016: 177–178].

¹⁷ Опрос 1934 г. показал, что только 5 % пасторов были за капитализм, а за социализм в чистом виде — 28 %. Среди методистов таких насчитывалось 34 %. Остальные были за нечто среднее [Фурман 1981: 207].

Так получилось, что Уильям Дженнингс Брайн (обещавший бороться с капиталистами и монополями и отказаться от стабильных денег и золотого стандарта¹⁸) и его пietистская коалиция на партийном съезде в 1896 г. захватили власть в демократической партии. Прежняя демократическая партия исчезла навсегда [Ротбард 2016: 180]. В то же время республиканцы отказались от ненавистного лозунга введения сухого закона и поддержали золото [там же: 181]. Преобразование, случившееся в 1896 г., и смерть трехпартийной системы означали для Америки конец великой либертарианской партии, стоявшей за режим *laissez-faire* и твердые деньги [там же: 182].

Таким образом, политические перемены случились в 1896 г., так как именно к этому периоду произошли внутрипартийные изменения: демократическая партия отказалась от принципов *laissez-faire*, которые поддерживали иммигранты-католики, сделав ставку «на борьбу с богатеями» Брайна. Республиканцы же отказались от идеи сухого закона и переманили на свою сторону часть католиков, однако их экономическая программа уже означала движение в сторону прогрессизма, что и произошло в республиканской партии, когда ее члены Теодор Рузвельт и Уильям Тафт стали бороться с капитализмом и индивидуализмом.

Эти выборы стали «опрокидывающими» для той политической системы США, которая позволяла делать выбор между «партией свободы» и «партией власти». Теперь можно было делать выбор лишь между различными видами эстатизма. Идеологическая подготовка способствовала таким переменам, они произошли в 1896 г., хотя это могло произойти и чуть позже, но с теми же последствиями. «В итоге господство идеологии прогрессизма в 1900–1918 гг. сделало Америку социально-милитаристским государством всеобщего благосостояния» [там же: 182–183].

Кризис 1907 г.

Как и предыдущий кризис, кризис 1907 г. был вызван кредитной экспансией. Денежные средства выросли с 261 млн долл. в 1897 г. до

¹⁸ Американцы немецкого происхождения были преданы золотому стандарту. Коммунист-анархист Иоганн Мост, требовавший отказа от денег как таковых, на выборы 1896 г. шел с требованиями золотого стандарта [Ротбард 2016: 181].

339 млн долл. в 1906 г. [Фридман 2007: 170]. Темпы роста денежной массы в 1902–1906 гг. составили 7,3 % [там же: 150]. Кризис прежде всего ударил по банковской системе. Однако он также не был долгим, реальные доходы вернулись на докризисный уровень уже в 1909 г. Новый курс Рузвельта растянул этот процесс на 12 лет. Реальные доходы вернулись на докризисный уровень только в 1941 г.

Партии и политические элиты к 1907 г. были готовы к тому, чтобы воспринять кризис в экономике как свидетельство «окончательного провала капитализма» с требованием радикальных мер. Поэтому важно описать то, как он повлиял на экономическую политику государства.

В начале октября 1907 г. разразился жестокий банковский кризис [Ротбард 2016: 247]. Прогрессисты видели необходимость внедрять центральный банк с его эластичным предложением денег. Но общество было еще к этому не готово. В январе 1908 г. Джон Даффилд заявил: «Существует общее понимание, что, прежде чем мы получим законы (создающие центральный банк. — П. У.), нужно провести просветительскую кампанию среди банкиров, потом — среди людей бизнеса, а уж потом только — среди публики в целом» [там же: 250].

Хотя Фрэнк Тауссиг уже в 1893 г. мечтал о том, что объем денег будет «беспрепятственно расти в ответ на спонтанное увеличение потребности в дополнительных деньгах» [там же: 204], это не было общим мнением. Кризис вызвал необходимость финансовых и политических элит действовать. 22 ноября 1910 г. финансовые элиты сорвались на острове Джекил-Айленд, где присутствовали два человека от Рокфеллера, два от Моргана, один от Куна-Леба. Официально они поехали охотиться на уток [там же: 260]. На самом же деле, они обсуждали создание Федеральной резервной системы США. Был разработан детальный план реформ. Нужно было создать аналог Рейхсбанка, но так, чтобы американцы были довольны тем, что сохраняется их индивидуализм, поэтому было решено создать 12 федеральных резервных банков, все же так это выглядело не как монополия, хотя от такого формального решения ничего не меняется. Бартон Хепберн заявил в августе 1913 г.: «Все входящие в систему банки станут совместными владельцами доминирующей власти» [там же: 265]. Так и получилось.

Произошло сращивание крупного бизнеса, финансистов и власти. Это стало возможным благодаря общественному мнению, которое

к этому моменту поддерживало централизацию и видело источник всех бед в капитализме¹⁹.

Ротбард делает вывод о том, при каких условиях возможен переход к тотальному государству: «Чтобы создать Государство-Левиафан, должны работать бок о бок алчность, жаждущая особых привилегий, и интеллектуалы, способные обеспечить благородную патину учености и идеологической выдержанности» [там же: 266]. Все эти условия были выполнены в 1913 г.

Такой альянс оказался успешным для его членов, тотальное государство и тотальная война нашли в лице Вудро Вильсона своего наиболее последовательного сторонника.

Профсоюзы

Первоначальное антикапиталистическое движение в США началось с профсоюзов. В начале своего существования они не имели революционных задач и не препятствовали бизнесу, но достаточно быстро перешли к насильтственным способам действия. Их задача первоначально состояла в повышении оплаты труда [Holmes 2005: 531–532].

Ко второй половине XIX в. суды в целом держались того мнения, что само существование профсоюзов и практика коллективных переговоров не нарушают закона [Хиггс 2010: 176]. Но сами профсоюзные лидеры не хотели на этом останавливаться. Когда профсоюзы стали использовать методы террора: бросали во время забастовок бомбы в полицейских, захватывали заводы, нападали и убивали штрейкбрехеров, тогда суды стали выносить обвинительные приговоры и поставили их деятельность в нелегальное положение.

Например, на Дальнем Западе бастующие горняки схлестнулись с штрейкбрехерами на серебряных рудниках в Кёр-д'Ален, штат Айдахо. Это вызвало возмущение общественности: «Пагубной и возмутительной чертой этих забастовок, — писала Minneapolis Times, — является полное пренебрежение правами общественности, которой, как правило, достается больше всех... Даже не обсуждается вопрос об адекватном

¹⁹ В послевоенный период американские историки-прогрессисты очень высоко оценивали создание ФРС и эластичное предложение денег [Link 1954: 53].

возмещении потерь населения, страдающего от нарушения обычного хода дел и косвенных последствий беспорядков» [там же: 177].

В 1894 г. произошло около 1400 забастовок, в которых участвовало более полумиллиона рабочих. Весной более 100 000 шахтеров прекратили добычу битуминозного угля в Северном угольном бассейне. То там, то здесь случались вспышки насилия²⁰ [там же: 179].

²⁰ Так описывает забастовку трамвайщиков Теодор Драйзер в романе «Сестра Керри». Тех, кто был готов работать за меньшие деньги — штрейкбрехеров, — бастующие часто избивали и даже убивали:

«Шел четвертый день забастовки, и дело начало принимать плохой оборот. Бастующие иногда останавливали вагоны и вступали в переговоры со штрейкбрехерами, а те, случалось, сдавались наговоры и уходили. В некоторых вагонах были выбиты стекла, было несколько стычек, сопровождавшихся криками и угрозами, но только человек пять или шесть пострадали серьезно.

Страсти быстро разгорались, и бастующие начали нападать на вагоны, набрасываться на штрейкбрехеров, затевать побоища с полицией и разбирать рельсы. Наконец стали даже раздаваться выстрелы. Уличные бои участились, и город был наводнен полицией.

Группа людей, стоявших на углу, не преминула послать вслед вагону несколько сочных ругательств.

— Чтоб вы подохли голодной смертью! — крикнула какая-то старая ирландка, открывая окошко и высываясь на улицу. — И ты тоже, гад! — добавила она по адресу одного из полисменов.

— Я тебе покажу, скэб проклятый! — ответил какой-то молодой ирландец, вскакивая на площадку.

Он нацелился кулаком Герствуду в челюсть, но тот наклонился, и удар пришелся в плечо.

Как и раньше, послышались насмешливые окрики, свистки, и сразу посыпался град камней. Несколько стекол было разбито, и Герствууд еле успел наклониться, чтобы избежать удара в голову. Несколько человек, ободренных примером, вскочили на площадку и стащили оттуда Герствууда. Не успел он и слова произнести, как очутился на земле.

— Оставьте меня в покое! — только успел он крикнуть, падая на бок.

— Ах ты, паршивец! — заорал кто-то.

Удары и пинки посыпались на Герствууда. Ему казалось, что он сейчас задохнется. Потом двое мужчин его куда-то потащили, а он стал обороняться, стараясь вырваться.

В тот же миг прогремел выстрел, и что-то обожгло Герствууду правое плечо» [Драйзер 1986: 458–464].

Нельзя сказать, что профсоюзы пользовались особой популярностью среди американских рабочих. Общее число членов профсоюзов увеличилось с менее полумиллиона в 1897 г. до почти 2 млн человек в 1904 г., затем стабилизировалось на несколько лет²¹ [там же: 202]. Это меньше 3 % населения США, так что это миф, что заработка плата росла благодаря профсоюзам, — она росла из-за конкуренции капиталистов за труд и благодаря росту производительности самого труда в результате внедрения изобретений тех самых капиталистов.

Американские социалисты видели в деятельности профсоюзов потенциальный источник революционной ситуации. Они не дождались пролетарской революции, но получили то, о чем мечтали иным путем — путем прямого влияния на власть. Президентом страны стал сторонник прогрессизма и радикального подхода к регулированию экономики, потребовавший отказаться от индивидуализма в пользу неограниченной власти государства.

Левый поворот

Эпоху прогрессизма принято отсчитывать от кризиса 1894 г. либо от 1900 г., когда президентом США стал Теодор Рузвельт. Он не был радикалом по своим первоначальным взглядам, а был вполне умеренным республиканцем, но как успешный политик не хотел «отставать от паровоза».

²¹ «Большинство бастовавших в Ладлоу шахтеров были недавними иммигрантами, плохо или совсем не владевшими английским, что указывает на тесную связь между проблемой трудовых отношений и иммиграцией. В период депрессии 1890-х гг. объемы иммиграции уменьшились, но к концу столетия вновь значительно выросли. В 1901–1914 гг. в страну ежегодно прибывало около 1 млн человек. (В 1900 г. население США составляло около 76 млн человек, и 1 млн иммигрантов в год существенно увеличивал темпы роста населения. Была, конечно, и значительная эмиграция.) Среди иммигрантов преобладали молодые мужчины из Южной и Восточной Европы, быстро находившие себе место на бурно растущих заводах и шахтах индустриальной Америки» [Хиггс 2010: 203].

Именно с его президентства, по сути, начинается Прогрессивная эра²². Это давало шанс для левых движений [Chambers 2006: 65].

Рузвельт говорил о необходимых переменах в устройстве общества, сожалея, что они не начались раньше: «Новая (Прогрессивная. — П. У.) партия стала американским представителем всемирного движения за более справедливые социально-бытовые условия, движения, которое Соединенные Штаты, отстающие от крупных государств, необъяснимо медленно воплощают в политической деятельности» [Голдберг 2012: 102].

Из уст Рузвельта можно было услышать то, что в США еще за несколько лет до этого было немыслимо. «Каждый человек владеет своим имуществом, но при этом общество имеет право регулировать использование данного имущества в любой степени, как того может потребовать общественное благосостояние» [там же: 100]. Первые поселенцы бежали от всемогущего государства в Европе, чтобы через несколько веков обрести его же в Новом свете. В 1630 г. лидер общиной Джон Уинтруп говорил перед своей общиной: «...будем мы подобны Граду на Холме, взоры всех народов будут устремлены на нас; и если мы обманем ожидания нашего Господа в деле, за которое взялись, и заставим его отказать нам в помощи, которую он оказывает нам ныне, мы станем притчей во языцах всему миру» [Бурстин 1993: 11]. Пуритане перестали ценить индивидуальную свободу и вернулись к тем принципам, от которых бежали из Европы²³.

Теодор Рузвельт был сторонником замены «частных монополий» государственной: «Попытка запретить все формы монополизма, по существу, провалилась. Выход (из сложившейся ситуации. — П. У.) заключается не в том, чтобы препятствовать образованию монополий,

²² В 1960-е гг. историками был создан миф о том, что прогрессизм был восстанием рабочих и фермеров, которые под руководством интеллектуалов и экспертов преодолели ожесточенное сопротивление большого бизнеса, ставшего монополистом [Ротбард 2016: 187]. На самом деле все было ровно наоборот: до Прогрессивной эры доля «монополистов» на рынке снижалась, заработная плата росла. Дэвид Кеннеди не зря отмечает, что «большинство американских университетских историков считают себя политическими наследниками традиции прогрессизма» [Голдберг 2012: 97].

²³ В Европе «государство — это гигант, властвующий над пигмеями», — полагал Оноре де Бальзак [Кревельд 2006: 319].

но в получении полного контроля над ними в интересах общественного благосостояния» [Голдберг 2012: 100].

При Рузельте в 1903–1905 гг. в США было создано Министерство торговли и труда. В 1914 г. были легализованы профсоюзы и ужесточено антитрестовское законодательство [Кавтарадзе 2005: 212]. Именно так происходил процесс этатизации экономики.

Рузельт манипулировал прессой, распространив слух о том, что ему поступило предложение от Рокфеллера об уничтожении Бюро по корпорациям (которое должно бороться с монополиями) и предлагалась встреча для обсуждения этой сделки. Были опубликованы телеграммы, в которых Рокфеллер ему якобы это предлагал. Рузельт был очень доволен, так как общественность вознавидела Рокфеллера, и это позволило ему протолкнуть свои антимонопольные инициативы. Позже выяснилось, что Рокфеллер не писал подобных телеграмм [Черноу 1999: 239].

Хотя Вудро Вильсон был демократом, эта партия уже не имела ничего общего с той либертарианской партией, какой она была в XIX в. Несомненно, что истоки прогрессизма Вильсона следует искать в его биографии, которая была связана с академической карьерой. Надо отметить, что Вильсон стал первым американским президентом с ученой степенью доктора философии. Он также получил широкое признание как основоположник научной дисциплины «государственное управление». После защиты докторской диссертации в Университете Джона Хопкинса Вильсон написал 800-страничную книгу «Государство». Вот какие мысли в ней содержались: «Они (народ. — *П. У.*) как дети, а мы (правительство. — *П. У.*) взрослые в этих сложных вопросах государственного управления и правосудия» [Голдберг 2012: 91]. «Я не могу представить себе власть как отрицательное, а не положительное явление» [там же: 92], — писал Вильсон в противовес мнению по этому вопросу отцов-основателей США. Его главными героями были прусский канцлер Отто фон Бисмарк и Авраам Линкольн. Историк Уолтер Макдугал писал о характере Вильсона: «Он любил власть, стремился к ней и в некотором смысле прославлял ее». Вильсон утверждал, что он правая рука Бога и что несогласие с ним равносильно неприятию Божьей воли» [там же: 92–93]. Вильсон с презрением относился к идеям отцов-основателей: «Немало абсурдных идей было высказано о неотъемлемых правах личности, при этом основывались они преимущественно на смутных и умозрительных

построениях» [там же: 94]. И наконец его взгляды на роль вождя мало отличаются от идей представителей немецкого национал-социализма. В работе 1908 г. «Конституционное правительство» он писал: «Президент волен как по закону, так и по совести стать настолько значительной фигурой, насколько это будет в его силах. Ограничен он будет лишь своими способностями» [там же: 94]. «Мы должны требовать, чтобы отдельные личности были готовы отказаться от ощущения собственного успеха и согласовывать свои действия с деятельностью большинства» — таков был итог его политической философии, которую он был намерен реализовать на практике. Для этого нужно было сформировать умы подрастающего поколения.

Джейн Адамс, сторонник Прогрессивной партии, писал: «Наша задача состоит не просто в том, чтобы помочь студентам приспособиться к жизни в мире, но чтобы сделать их настолько отличными от родителей, насколько это возможно» [там же: 96]. Так, американская общественная активистка Лилиан Вальд, посетив российские экспериментальные школы, констатировала, что идеи Джона Дьюи реализуются там «не менее чем на 150 процентов» [там же: 110]. Сам Дьюи писал: «Нам придется оставить наш привычный индивидуализм и идти в ногу». Его сторонник повторял за ним: «Политика невмешательства умерла. Да здравствует социальный контроль!» [там же: 91–115].

Видя себя вождем, Вильсон в эссе «Лидеры человечества» писал в 1890 г.: «Умелого лидера мало интересуют тонкости характера других людей, для него важны — в крайней степени — конкретные возможности их применения... В то время как он является источником власти, другие только предоставляют материал для реализации этой власти... Власть предписывает; материал поддается. Люди подобны глине в руках опытного лидера» [там же: 97].

Вильсон, вторя Теодору Рузвельту, вещал, что «без бдительного вмешательства, без решительного вмешательства государства невозможна никакая честная игра между частными лицами и такими могущественными организациями, как тресты. Сегодня свобода — это нечто большее, чем возможность действовать на свой страх и риск. В наши дни реализуемая государством программа свободы должна быть позитивной, а не просто негативной» [Хиггс 2010: 205].

Неудивительно, что активнее всех в это верили те, кого считали экспертами, т. е. чрезвычайно разросшийся и все более влиятельный

класс интеллектуалов. Начало XX в. стало свидетелем бурного роста колледжей и университетов. В 1900 г. насчитывалось всего 7 тыс. президентов, профессоров и преподавателей колледжей, а спустя двадцать лет их было 33 тыс. [там же: 215].

Студенческий социализм был в моде во всех лучших колледжах и университетах и окрашивал мышление многих молодых радикалов, включая таких, как Уолтер Липпман. Для многих прогрессистских реформ социализм послужил источником если не методов, то критики, и его влияние, не всегда осознанное, чувствовалось во всех общественных науках [там же: 217].

Прогрессисты верили в евгенику. Они также были империалистами. Они были убеждены, что посредством планирования рождаемости и давления на население государство может создать чистую расу, общество новых людей. Они не скрывали своего враждебного отношения к индивидуализму и гордились этим [Голдберг 2012: 89]. Их идеи повлияли на Дж. М. Кейнса, который считал евгенику самой важной в практическом отношении частью социальных наук.

Вильсон с презрением относился к Конституции США: «Как известно, Джефферсон сказал, что лучшее правительство — это такое, которое управляет меньше всего... Но это время прошло. Америка ни сейчас, ни в будущем не может быть местом для неограниченного индивидуального предпринимательства» [там же: 101].

Уильям Аллен, сторонник прогрессизма, писал: «Мы были частями одного целого в Соединенных Штатах и Европе. Что-то сплачивало нас в одно социальное и экономическое целое. Несмотря на местные различия. Стаббс в Канзасе, Жорес в Париже, социал-демократы в Германии, социалисты в Бельгии и, пожалуй, я могу сказать, все население Голландии — все боролись за общее дело» [там же: 102]. Действительно, антикапиталистическое движение докатилось-таки и до США.

Особую роль в философии прогрессистов сыграл Фридрих Ницше. Так, New York Times писала в 1910 г.: «Ницше витает в воздухе. В любой работе теоретического плана вам рано или поздно встретится имя Ницше» [там же: 102]. По сути, тремя источниками прогрессизма были: ницшеанство, дарвинизм, гегельянство [там же: 112]. Не обходилось и без влияния марксизма. Был крайне важен для прогрессистов и Жорж Сорель, который писал: «Правда и ложь — относительные понятия. Бывают безжизненная правда и жизненная ложь.

Сила идеи заключается в способности вдохновлять. При этом почти не важно, верна ли она или нет» [там же: 119].

Вильсон был убежденным врагом крупного бизнеса, он полагал, что «все начиналось с малого бизнеса, теперь всем правят крупные корпорации» [Diner 1998: VII] и именно с ними нужно бороться.

Идеалом для Вильсона была модель Германии Бисмарка. Вильсон писал о ней: «Государство всеобщего благосостояния Бисмарка — замечательная система... наиболее изученная и в наибольшей степени завершенная из всех известных в этом мире»²⁴ [Голдберг 2012: 103].

Вера Вильсона в то, что общество можно подчинить воле тех, кто занимался социальным планированием, зародилась в Университете Джона Хопкинса, первом американском университете, который был основан на немецкой модели [там же: 103]. Самым известным и влиятельным был тогда Элай, выступавший более значимым идеологом прогрессизма, чем Фридрих фон Хайек для консерватизма Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана [там же: 104]. Элай перебрался в Висконсинский университет. Там он участвовал в создании Висконсинской системы, где преподавательский состав помогает управлять государством [там же: 104]. Книги Элая были одним из важных источников прогрессизма [Mann 1975: 40]. Элай был также наставником Теодора Рузвельта, который признавал, что Элай первым познакомил его с радикализмом в экономике, а затем научил быть разумным в своем радикализме [Голдберг 2012: 104].

²⁴ Такое убеждение было импортировано американскими прогрессистами из немецких университетов, в которых они учились: «Уильям Дюбуа, Чарльз Бирд, Уолтер Вейл, Ричард Элай, Николас Мюррей Батлер и бесчисленное множество других основоположников современного американского либерализма были в числе 9000 американцев, которые учились в немецких университетах в XIX в. Когда была создана Американская экономическая ассоциация, пять из шести первых ее сотрудников учились в Германии. 20 из 26 ее первых президентов учились в Германии. По их собственному признанию, они чувствовали себя освобожденными, обучаясь в интеллектуальной среде, где считалось, что знающие люди способны придавать форму обществу подобно глине». Германия Бисмарка была «катализатором американской прогрессивной мысли» [Голдберг 2012: 102–103].

Американский историк-прогрессист Чарльз Бирд удачно объяснил негативное отношение прогрессистов к демократии по аналогии с итальянским фашизмом: «Враждебность к дуче по отношению к демократии не является серьезной проблемой. В конце концов, отцы американской республики, в частности Гамильтон, Мэдисон и Джон Адамс, были настолько жесткими и неистовыми, как любой фашист мог только мечтать» [там же: 112]. Так далеко в следовании за Старым Светом еще в США никто не заходил: «Муссолини удалось добиться создания силами государства самой компактной и единой из когда-либо существовавших организаций капиталистов и рабочих»²⁵ [там же: 112].

Еще одним важным элементом прогрессизма был милитаризм. Элай полагал: «Есть некоторые прекрасные вещи, которые нация получает благодаря военной дисциплине» [там же: 115]; «Если взять мальчиков, болтающихся на улицах и в барах, и занять их строевой подготовкой, мы получим отличный моральный эффект, и на экономике это отразится благоприятно» [там же: 115].

Во время войны Вильсон проводил займы и кампанию за них. Один плакат «Займа свободы» гласил: «Я — общественное мнение. Все люди боятся меня! Если у Вас есть деньги, чтобы купить облигации, но Вы их не покупаете, я сделаю эту страну ничьей для Вас!» [там же: 118].

Герберт Гувер был главой Продовольственного управления США во время Первой мировой войны: «Ужин — одно из ярчайших проявлений расточительности в нашей стране». Дети во время войны должны были подписывать «Обещание маленького американца»:

За столом я не оставлю ни крошки
Еды на тарелке.
И я не буду есть между приемами пищи, но
Буду ждать ужина.
Я обещаю, что внесу
Свой честный и искренний вклад
В помощь моей Америке
От всего своего верного сердца [там же: 120].

²⁵ Вильсон прямо предупреждал своих противников: «Если Вы не прогрессист, то берегитесь!» [Голдберг 2012: 113].

Принятый Вильсоном Закон о подстрекательстве запретил распространение в устной, печатной, рукописной формах любых нелояльных, оскверняющих, непристойных или оскорбительных заявлений о правительстве Соединенных Штатов. Были запрещены 75 периодических изданий [там же: 121]. В соответствии с законом о шпионаже 1917 г. любая критика правительства, даже в собственном доме, могла повлечь тюремное заключение [там же: 122].

Один человек был привлечен к суду за то, что в собственном доме рассуждал о том, почему он не желает покупать облигации «Займа свободы» [там же: 122]. Министерство юстиции создало полуофициальную организацию «Американская защитная лига». Члены этой организации получили значки и задание следить за своими соседями, коллегами и друзьями [там же: 123].

В это время Вильсон вещал: «Серьезнейшая угроза нашему миру и национальной безопасности возникла в пределах наших собственных границ. Мне стыдно в этом признаваться, однако среди граждан Соединенных Штатов, рожденных под другими флагами, есть такие, которые впрыскивают яд неверности в артерии нашей национальной жизни; которые стремятся подорвать авторитет и добре имя нашего правительства, уничтожить нашу промышленность везде, где подобные атаки будут в наибольшей степени отвечать их мстительным целям, и навредить нашей политике в интересах иноземных интриганов» [там же: 124]. И продолжал: «Если я поймаю человека с дефицитом (флагом иностранного государства. — П. У.), то буду знать, что в моих руках враг государства» [там же: 124].

Атмосфера накалялась и в самом обществе. Человек, который не встал перед исполнением национального гимна во время бейсбольного матча, был избит фанатами на трибунах [там же: 125].

Теоретики прогрессизма поддерживали насилие как средство решения проблем. Элай писал: «Каждого, кто высказывает мнения, которые препятствуют нам в этой ужасной борьбе, необходимо уволить или даже расстрелять» [там же: 126]. Во время войны 175 тыс. американцев были арестованы за нежелание продемонстрировать свой патриотизм [там же: 126]. В итоге за несколько лет правления Вильсона было заключено в тюрьму больше диссидентов, чем за 1920-е гг. при Муссолини [там же: 88]. Вильсон создал лучшее и более эффективное Министерство пропаганды, чем то, которое было у Муссолини [там же: 89].

Таким образом, те, кто называет себя прогрессистами, так же как и большинство американских социалистов, были в авангарде движения за истинно тоталитарное государство.

Полагаю, в свете сказанного не будет шокирующей оценка Вильсона, которую дал Джон Голдберг в книге «Либеральный фашизм: история левых сил от Муссолини до Обамы»: «Первым фашистским диктатором XX века стал Вудро Вильсон» [там же: 88]. Как мы увидим ниже, он был не только теоретиком тоталитарного государства, но и смог реализовать свою модель во время войны.

Тотальное государство и тотальная война Вудро Вильсона

Никогда до Первой мировой войны подавление свободы не получало столь единодушной поддержки всевозможных органов власти — муниципалитетов, штатов и федерации.

Артур Экирч, историк [Ekirch 1969: 12]

Правительство Вильсона включилось в военную экономику по полной программе. В ноябре 1918 г. численность американских войск на Западном фронте достигла 2 млн человек. К концу войны была создана армия в 4,8 млн человек [Севастьянов, Языков, Попова 1985: 378].

«Государство взяло в свои руки океанские и железнодорожные перевозки, телефонную и телеграфную связь; оно распоряжалось сотнями заводов, да и само стало крупным предпринимателем — строило корабли и производственные здания, торговало зерном; оно ссужало — прямо или косвенно — огромные суммы разным предприятиям и регулировало частную эмиссию ценных бумаг; оно официально установило приоритетный порядок использования транспортных мощностей, продуктов питания, топлива и многих видов сырья; оно улаживало сотни трудовых конфликтов и призвало миллионы мужчин на службу в вооруженных силах. Короче говоря, оно активно искажало работу рынков или полностью вытеснило их, создав то,

что некоторые современники прозвали “военным социализмом”» [Хиггс 2010: 217].

Принимались законы, по сути полностью уничтожавшие частную собственность. Если владелец соответствующих ресурсов откажется выполнять заказы «по разумной цене, устанавливаемой министром обороны», президент будет «уполномочен немедленно принять во владение любой подобный завод и... производить там... ту продукцию или материалы, которые могут потребоваться, а собственник признается» виновным в уголовном преступлении [там же: 236]. Невиданное до этого отношение к частной собственности!

Чтобы предупредить попытки воспрепятствовать призыву, конгресс в законе о шпионаже от 15 июня 1917 г. предусмотрел, что «любой, кто... умышленно помешает набору или вербовке на службу США, пребывающим в состоянии войны, подлежит наказанию штрафом не более чем в 10 000 долл., или заключением в тюрьму на срок не более 20 лет, или тем и другим». К тому же министр почт, на которого была возложена цензура, предупредил: «Мы не потерпим кампаний против призыва» [там же: 243].

Генеральный прокурор дошел до того, что потребовал от частного союза суперпатриотов «Американская лига защиты» помочи в поиске уклоняющихся от службы в армии. Члены Лиги осуществили множество рейдов, арестовали примерно 40 тыс. граждан и провели около 3 млн расследований по обвинению в попытке уклониться от военной службы [там же: 269].

Как сказал историк Пол Кеннеди, «перегретый патриотизм... целинаправленно культивировавшийся администрацией Вильсона... был прогнозируемым следствием нежелания администрации сделать истинные материальные издержки войны видимыми, чтобы их можно было возложить на людей явным образом» [там же: 245]. В частности, это касается оплаты труда военных, которые получали меньше, чем если бы цену их услуг определял рынок.

Регулирование коснулось и потребительских товаров. Полмиллиона людей ходили из дома в дом, чтобы вручить домохозяйкам удостоверения с признанием их патриотического сотрудничества в деле экономии продовольствия [там же: 246]. Посетители ресторанов бдительно следили за соблюдением в них двенадцати правил, установленных Управлением по контролю за продовольствием. Розничные

торговцы вынуждены были от каждого покупателя пшена требовать покупки равных количеств другой крупы. Время от времени людям запрещали резать кур, есть мясо или съедать более двух фунтов мяса в неделю. Естественно, бурная деятельность тысяч мелких тиранов, которых государство щедро наделило полномочиями, доставляла людям массу неприятностей [там же: 250].

Большое государство коррумпировало крупный бизнес. Так, Бернард Барух получил множество денег, работая на государство. Он был политическим предпринимателем.

«Важнейшим инструментом контроля, — подтверждает Барух, — было право определять приоритеты: кто, что и когда получает». Установление приоритетов было «сложной и деликатной задачей»: «Следует ли отдать пароходы Першингу, чтобы везти его части на фронт, или пусть они идут в Чили за селитрой для изготовления боеприпасов для частей того же Першинга? Следует ли отдать приоритет миноносцам для борьбы с немецкими подводными лодками или торговым судам, которые гибнут под ударами этих подводных лодок?» [там же: 257]. Тем, кто знаком с принципами экономической теории, известно, что эти задачи не имеют рационального решения и всегда основаны на произволе. Во время войны таких произвольных решений становилось огромное количество.

«Вместо того чтобы позволить ценам определять, что будет произведено и куда произведенное будет направлено, — пишет Барух, — мы решали как именно будут использованы наши ресурсы» [там же: 258].

Многие действия правительства в ходе Первой мировой войны не имели precedентов и уж подавно не были конституционными, и потому судебные споры становились неизбежны. По большей части решения Верховного суда не выносились до самого конца войны, когда судьи могли, по выражению одного выдающегося правоведа, «разве что закрыть двери после того, как колокол свободы был украден» [там же: 268].

Введенная ставка подоходного налога в 1 % быстро превратилась в 77 % в 1918 г. и даже в «ревущие двадцатые» в 1925 г. оставалась на уровне 46 % [там же: 274].

«Опыт военного планирования, — полагает историк Джордж Соул, — наложил неизгладимый отпечаток на мышление участво-

вавших в нем экономистов и инженеров», сделав их готовыми и после войны рассматривать известные им методы централизованного управления как работоспособные» [там же: 279–280].

Барух признавал: «Опыт военно-промышленного управления (ВПУ) оказал глубокое влияние на мышление бизнеса и государства. ВПУ продемонстрировало эффективность промышленной кооперации и преимущества государственного планирования и руководства. Мы помогли похоронить последние догмы *laissez-faire*, которые так долго формировали экономическое и политическое мышление Америки. Опыт научил нас, что государственное руководство экономикой не всегда неэффективно и недемократично, а также что оно незаменимо в период опасности» [там же: 280].

Экономист Джон Моррис Кларк был прав, когда писал о последствиях войны: «Мы многому научились, как и подобает людям, пережившим великие события, но слишком часто, похоже, мы учились не тому, чему нужно» [там же: 282].

Таким образом, администрация Вильсона при поддержке конгресса и Верховного суда провела призыв на военную службу, установила приоритеты использования транспорта, топлива и производственных мощностей, зафиксировала цены, провела широкую реквизицию собственности и даже прямую национализацию целых отраслей [там же: 283]. Экономика была этатизирована в полной мере.

Вильсон смог реализовать на практике те философские идеи, которые были изложены в его книге «Государство». Он мечтал быть диктатором и им стал в стране, которая возникла как антитеза европейским тиранам Средних веков и Нового времени.

Все эти методы Вильсона управления экономикой были возрождены в период Нового курса Рузельята.

Последствия этатизма

Идеология прогрессизма, ставшая господствующей к 1914 г., породила усиление Государства-Левиафана. Всему миру пришлось расплачиваться за «пагубную самонадеянность» [Хайек 1992: 116–156] интеллектуалов и политиков Прогрессивной эры. Вместо сокращения монополизма и неравенства государство породило сверхмонополию и возвело в принцип борьбу за привилегии и за поиск ренты.

Хотя у этих событий были и другие причины, тем не менее Первая мировая война, Великая депрессия и Вторая мировая война стали ценой «левого поворота» эпохи прогрессизма, результатом усиления власти Государства-Левиафана. Потери были колоссальными не только в экономической сфере, погибли миллионы людей, был нанесен удар по ценностям индивидуальной свободы и правам собственности.

Только в 1945 г. на Западе начинается возврат к нормальности в экономической политике и становится очевидным разочарование в тотальном государстве, социализме и планировании.

Позолоченный век в действительности был золотым веком американской экономики²⁶, а действительное содержание Прогрессивной эры было в тотальном регрессе, особенно в интеллектуальной сфере, за которой последовал упадок и в экономике. Но это тема уже другой работы.

История США 1865–1918 гг. подтверждает верность слов Мизеса: идеи либерализма породили экономический прогресс, а идеи этатизма и социализма — разрушу.

В 1900 г. вышла в свет первая книга Теодора Драйзера «Сестра Керри», повествующая о судьбе двух персонажей: банкира Герствуда и провинциальной девушки, которая приезжает покорять американский мегаполис. Герствуд, как олицетворение капитализма, шаг за шагом теряет капитал, репутацию и средства к существованию, заканчивая свои дни в приюте для бедных.

«Герствуд заплатил пятнадцать центов и устало поплелся в отведенную ему клетушку. Это была грязная, пыльная каморка с дощатыми стенами. Маленький газовый рожок освещал убогий приют.

— Кхе! — откашлялся Герствуд и запер дверь на ключ.

²⁶ Темпы роста капитала в США (средние темпы роста в процентах в год) в 1870–1913 гг. — 5,53 % (в Великобритании — только 1,73 %); для сравнения: после войны — только 2,27–2,30 %. То есть накопление капитала никогда так быстро не происходило ни до, ни после в истории США. Темпы роста ВВП были больше, чем у любой страны, — 3,94 % (в Германии — 2,81 %); для сравнения: в 1970–2003 гг. темпы были всего 2,94 % [Мэддисон 2012: 572, 582]. Если бы экономика США продолжила развиваться теми же темпами, то многих социальных и экономических проблем в этой стране уже бы не существовало.

Он начал, не торопясь, раздеваться. Сняв рваный пиджак, он за-конопатил им большую щель под дверью. Жилет послужил для той же цели. Старый, мокрый, растрескавшийся котелок он положил на стол. Затем снял башмаки и прилег.

Потом, как будто вспомнив о чем-то, Герствуд встал, завернул газ и постоял спокойно во мраке. Он выждал минуту, ни о чем не думая, а просто колеблясь, потом снова открыл кран, но не поднес спички к рожку. Так он стоял, окутанный милосердным мраком, а газ быстро наполнял комнату. Когда отвратительный запах достиг обоняния Герствуда, он ощупью нашел койку и опустился на нее.

— Стоит ли продолжать? — чуть слышно пробормотал он и растянулся во всю длину» [Драйзер 1986: 537].

Лихие двадцатые

На относительно непродолжительный период в США произошел возврат к «нормальности». После депрессии 1921 г. начался период бурного экономического роста. 1920-е в США — это не только период джаза, сухого закона, безудержного роста фондового рынка, но и кредитной экспансии ФРС. Если со стороны эти годы кажутся периодом невиданной экономической свободы, то более детальное описание демонстрирует, что именно в этот период были заложены основы Великой депрессии: хотя индекс цен стоял на месте, в условиях чистого золотого стандарта цены должны снижаться на 2–3 % в год. Этого не происходило именно благодаря подпитке экономики влияваниями ФРС и частичным резервированием. Спусковым механизмом стал крах фондового рынка, а его продолжительность — результат государственного регулирования экономики при Гувере и Рузельте.

Глава 4

Америка на распутье: Великая депрессия и Новый курс (1929–1945)

Старые мифы не умирают; они воспроизводятся в учебниках по экономике и политологии.

Лоуренс Рид [Reed 2008: 1]

Старые «классические» теории того времени (1920–1930-х. — П. У.), которые фактически утверждали, что свободные рынки обеспечивают здоровую экономику и полную занятость, не смогли предложить решение этой проблемы (Великой депрессии). — П. У.). Новая версия анализа экономики — та, которая действительно предложила решение проблемы массовой безработицы, — была выдвинута экономистом по имени Джон Майнард Кейнс. Кейнс отстаивал активное вмешательство государства, в частности, через использование фискальной политики.

Джон Сломан, Марк Сатликофф
[Сломан, Сатликофф 2005: 478]

Политика laissez-faire... историческим своим итогом имела лишь одно — нестабильность и безработицу, достигших своего наиболее явного апогея в годы Великой депрессии.

Эндрю Хейвуд [Хейвуд 2005: 232]

В 1939 г. вышла в свет книга, считающаяся с тех пор классической. Автора звали Джон Стейнбек, а книга называлась «Гроздья гнева» [Стейнбек 1985], посвящена она была ужасам повседневной жизни фермеров США в период Великой депрессии. Над этой книгой проплакал не один читатель, в том числе супруга 32-го президента США Элеонора Рузвельт. В романе все заканчивается очень плохо, герои так и не находят работу, умирает ребенок, правительственный лагерь Уидпетч, хотя и крайне привлекателен, не дает им работу (слишком много желающих) и требует деньги, герои романа вынуждены его покинуть, но найдут лишь насилие, обман и смерть.

Мрачная картина. Однако Элеонора Рузельт отыскала решение. Нужно экранизовать роман и поменять финал! И действительно, кинолента, вышедшая в 1940 г., неожиданно заканчивается... хеппи-эндом. В фильме поменяли концовку: правительственный лагерь оказывается спасением для героев, их приютил директор Уидпетча, удивительно похожий на Рузельта.

Таким образом, решение нашлось в виде художественной мистификации. Нужно поменять местами факты, и выйдет хороший рассказ. Так поступил Рузельт и со своим экономическим наследием — Новым курсом. Историки, политологи и экономисты сделали то, что ему было нужно: создали образ спасителя нации и эффективного менеджера. С тех пор миф о Рузельте как о спасителе Америки живет собственной жизнью.

Наследие Франклина Рузельта

Образ Рузельта имеет огромное значение для экономической истории США, в том числе значение символическое. Период с 1929 по 1941 г., включающий Великую депрессию и Новый курс, несомненно, один из важнейших в американской истории. Для экономистов, историков и политологов важно не столько то, что конкретно сделал Рузельт, сколько то, что его Новый курс рассматривается в большинстве случаев как *ultimate argument* в пользу государственного регулирования экономики. Современные экономисты и историки ссылаются на Великую депрессию как на хрестоматийный пример того, к чему приводит политика *laissez-faire*. Напротив, Новый курс принято рассматривать как пример успешного регулирования экономики.

Однако такая оценка не является единственно возможной. Начиная с работы Джона Флинна «Рузельтовский миф» [Flynn 1948], образ Рузельта подвергается ревизии. Накоплено достаточно фактологического материала, чтобы опрокинуть образ Рузельта как «спасителя Америки».

В этой главе Великая депрессия рассматривается как следствие деятельности государства, а Новый курс Рузельта — как политика, продлившая Великую депрессию. Вначале будут описаны образ Рузельта и взгляды историков на «Переломный момент» (Великая

депрессия и Новый курс). Описаны путь Рузвельта к власти и основные вехи его биографии. После этого будет проанализирован период, предшествующий Великой депрессии, начиная с кризиса 1920–1921 гг., рассмотрены причины, вызвавшие Великую депрессию: кредитная экспансия 1921–1929 гг., а также изменение идеологического климата в США в период прогрессизма, которое сделало возможным расширение масштабов деятельности государства до немыслимых для США масштабов. Разобраны основные действия администраций Гувера и Рузвельта, показано, что политика Гувера содержала все элементы Нового курса, поэтому противопоставление двух президентов и их политики является некорректным. В 1929–1932 гг. Гувер проводил политику регулирования заработной платы, цен, общественных работ и легких денег, которые обычно считают новацией Рузвельта. По сути, Новый курс Рузвельта не был новым, а был итогом идеологических изменений в обществе. Далее мы опишем основные действия Рузвельта по регулированию экономики: создание NRA (Администрация национального восстановления), WPA (Управление общих общественных работ) и AAA (Администрация регулирования сельского хозяйства) и других «алфавитных агентств», а также влияние этих мер на американскую экономику. Наконец закончим главу, исследуя вопрос о том, когда завершилась Великая депрессия и что стало причиной экономического роста после нее. Критически рассмотрим распространенное убеждение, что Вторая мировая война способствовала выходу США из кризиса.

Чему же учит опыт Великой депрессии и Нового курса?

Who is Mr. Roosevelt?

32-й президент США занимает особую роль в истории страны. Единственный президент, избранный на четыре срока подряд; президент, чьи рейтинги доходили до 98 % среди выборщиков (523 в коллегии выборщиков «за» и 8 «против» в 1936 г.) [Фолсом 2012: 23]; президент, пребывавший в Белом доме 4422 дня (ближайшие конкуренты — 2922 дня); президент, продвигавший «третий путь» для Америки как путь между социализмом и либерализмом; президент, после которого США никогда в полной мере не вернутся к принципам индивидуализма, которые были основой благодеяния США в XIX в.

Большинство историков относят Ф. Рузвельта к «великим президентам», некоторые считают его «величайшим президентом» США. Их образ Рузвельта таков: до прихода к власти демократа Рузвельта страной правили олигархи и республиканцы, потворствующие безответственности бизнеса. 1920-е гг. были периодом неограниченной экономической свободы и ничем не ограниченной власти спекулянтов и монополий. Именно капитализм оказался причиной биржевого краха 1929 г. и последующего экономического спада. Великая депрессия была кризисом перепроизводства, а республиканская администрация Гувера, воспитанная на идеях *laissez-faire*, бездействовала. Народ выбрал Новый курс Рузвельта, подразумевающий активную роль государства в экономике, что позволило Америке выйти из кризиса и стать самой крупной экономикой мира [Гэлбрейт 2009; Стедмен-Джоунз 2020]. Следует отметить, что такой образ создал сам Рузвельт: влияние рузвельтовского курса и его сторонников на исторические исследования, относящиеся к Великой депрессии, — доказанный факт [Знаменский 2015: 20; Westbrook 2015: 1–13; Robinson 1955: 413; Фолесом 2012: 19–27]. Этот образ активно эксплуатируется и сегодня как в США, так и в других странах. Например, президент Б. Обама не раз рассматривал свою экономическую программу как «Новый Новый курс». В России президент В. Путин считает политику Рузвельта образцовой, жалея лишь о том, что не он ее проводил.

Вот что говорил Путин в обращении Федеральному Собранию РФ 10 мая 2006 г.: «Хорошие слова, жаль только, что не я их придумал — Франклин Делано Рузвельт, президент Соединенных Штатов Америки в 1934 г.: “Работая над великой общенациональной программой, которая призвана дать первостепенные блага широким массам, мы действительно наступим кое-кому на «больные мозоли» и будем наступать на них впредь. Но это «мозоли» тех, кто старается достичь высокого положения или богатства, а может быть, того и другого вместе, коротким путем — за счет общего блага”» [Рузвельт: pro et contra... 2015: 497].

А в прямой линии 18 октября 2007 г., отвечая на критику своей системы, Путин заявил: «Ведь там (во время Великой депрессии. — П. У.) многое делалось в ручном режиме. И там тоже Рузвельт изложил целый план развития страны на среднесрочную перспективу. И там тоже некоторые элиты были несогласные со всем, что тогда предлагалось

президентом. Но в конечном итоге оказалось, что реализация этого плана пошла на пользу всем гражданам страны... Поэтому мы здесь чего-то уникального не делаем» [там же: 498].

В современной России, если люди что-то знают о Рузвельте, то только положительное.

Иной образ создавали марксистские историки. Они полностью соглашались с тем, что Великая депрессия была вызвана неограниченной властью капитала (здесь Маркс и Кейнс протягивают друг другу руки). Однако Новый курс при этом оценивается негативно как попытка сымитировать социализм, как попытка примирить капитал и труд, которые всегда находятся в антагонизме. Рузвельт рассматривается как демагог, который лишь обещает пролетариату рост благосостояния, а на самом деле служит интересам крупного бизнеса. Рузвельта рассматривают как коррумпированного политика, который не хотел признать необходимость отказа от капитализма. Тем не менее марксисты рассматривают Рузвельта и его сторонников как попутчиков, которые также расшатывают основы капиталистического способа производства. Такой образ относительно малопопулярен в США, его отстаивают американские социалисты и прогрессисты [Beard 1948], зато он был крайне популярен с СССР во многом благодаря И. Стalinу, который симпатизировал Новому курсу Рузвельта. В известном отношении этот образ сохраняется в современной России, так как американцы в России продолжают традицию, заложенную в советский период [Баталов 2014; Согрин 2015], хотя они все больше склоняются к версии «Великого президента». В своей книге о Рузвельте С. Далин в 1936 г. приводит множество фактов, говорящих о провале Нового курса, но марксистская идеология заставляет его оценивать Новый курс как прогрессивное движение [Далин 1936].

Наконец, наименее известный образ Рузвельта, но набирающий популярность в последние годы, — это образ, сформированный историками-либертарианцами. Они чаще всего относят себя к ревизионистам: П. Джонсон, М. Ротбард, Дж. Голдберг, Б. Фолсом, Л. Рид, Р. Хиггс, М. Скоузен [Джонсон 1995; Ротбард 2012; Голдберг 2012; Фолсом 2012; Reed 2008; Хиггс 2010; Skousen 1994]. Эти историки рассматривают Великую депрессию не как результат политики *laissez-faire*, а как следствие ее противоположности — этатизма, проводившегося в 1920-е гг. Так, за этот период денежная масса благодаря ФРС была

увеличена на 62 %, что породило ошибочные инвестиции и, в частности, сформировало пузырь на фондовом рынке. Об этой опасности говорил Ф. фон Хайек еще в 1927 г. Он предложил не ждать наступления большого кризиса, а поднять процент уже в 1927 г. Это не было сделано, и, как следствие, пузырь надувался еще два года и лопнул, принеся гораздо большие потери. Если бы не политика регулирования цен и заработной платы Гувера, то восстановление началось бы очень быстро, но регулирование экономики лишь усиливалось. Особенно активно мешал восстановлению структуры капитала Новый курс Рузвельта, продливший Великую депрессию до Второй мировой войны. Безработица в 1938 г. достигла 18 %, что было больше, чем в 1929 г., и больше, чем в среднем по миру в том же году. Однако и Вторая мировая война не стала причиной выхода из депрессии. Статистика во время войны неверно отражает богатство, так как цены подвергаются регулированию. Кроме того, рост занятости, который был вызван войной, не есть источник роста экономики, поскольку безработные, как и призванные на военную службу, не создают предметы потребления и капитальные блага, а их уничтожают. Действительный рост начался после смерти Рузвельта в 1945 г. и отмены его программ, снижения налогов и дерегулирования экономики.

Этот образ Рузвельта на данный момент наименее известен, однако критическое отношение к «распорядителям чужого» [Романчук 2013] во всем мире неизбежно будет усиливать интерес к критике Ноиного курса Рузвельта и к ревизии его результатов.

Следует отметить, что среди защитников Нового курса встречаются и те, кто признает ошибки Рузвельта и «перегибы на межах», считая, что любая альтернатива была бы в тех условиях лишь хуже. Ведь мир в 1933 г. выбирал не между либерализмом и этатизмом, а между различными видами этатизма: советским, немецким, итальянским. Не было партии или движения, которые бы отстаивали принципы индивидуализма и капитализма. Это правда, но из этого не следует, что, скажем, NRA благоприятно повлияла на американскую экономику и что Новый курс вывел Америку из депрессии. Это лишь означает, что выбор в 1933 г. был предопределен теми процессами, которые происходили раньше и которые отсекли либерализм как альтернативу. По сути, эти процессы происходили благодаря интеллектуалам конца XIX — начала XX в., убедившим публику, что

капитализм себя изжил и выбирать нужно из различных видов этатизма и социализма.

У Г.-Г. Хоппе есть теория происхождения государства [Норрэ 2001], которая отличается от хорошо известной теории М. Олсона [Олсон 1995]. Хоппе убежден, что в естественном состоянии¹ власть возникает не из насилия (во всяком случае, первоначально), а из объективной потребности людей в естественных элитах, которые могли бы разрешать сложные конфликты между людьми. Людям нужны правосудие и судья, которому бы доверяли решение спорных вопросов, такой человек должен быть авторитетом для всех по причине своих личных качеств. Естественные элиты обладают монополией на применение насилия и разрешение споров. Но такое особое положение делает их заинтересованными в том, чтобы быть не только судьями, но и участниками «игры». Тогда они не только действуют в своих интересах, но и решают, что законно, а что нет. Естественно, как рациональные экономические агенты, они ставят свои интересы превыше всего. Так возникает «монархия» по Хоппе. Монарх не наделен абсолютной властью, поскольку его ресурсы ограничены элитами и обществом, которое не дает долго творить безумства (его убивают или свергают, если он чрезмерно расширяет свою власть). Переход к демократии Хоппе рассматривает как способ расширить власть государства, ведь теперь каждый может надеяться, если не стать политиком-выгодополучателем от поиска ренты, то хотя бы ее получить в большем количестве, а следовательно, люди готовы терпеть увеличение несвобод и большую власть государства. Так происходят огосударствление экономики и движение к Государству-Левиафану [Бьюкенен 1997]. По сути, демократия позволяет расширить сбыт антиблага, т. е. интервенционизм, причем отсекает возможность его сокращения.

Теория Хоппе вызывала и вызывает острую критику со стороны сторонников демократии. Его обвиняют, как мне представляется, несправедливо, в том, что он считает монархию лучше демократии.

¹ Хоппе выделяет три типа политических порядков: 1) естественное состояние; 2) монархическое государство; 3) демократическое государство. Причем в отношении общества этот процесс выглядит как инволюция.

И что его теория противоречит фактам: ведь мы видим, что в наиболее богатых странах гораздо больше размер государства.

На это Хоппе отвечает следующее. Демократия и монархия не являются идеалом, к которому нужно стремиться. Оба варианта плохие. Монархии ограничивают права индивидуального выбора, то же самое делают демократии. Правильное направление действия — всемерное сокращение вмешательства государства во все сферы. Чем меньше государства и его функций, тем мы ближе к «естественному порядку». Это не противоречит идеи большинства экономистов о том, что чем меньше государство вмешивается в экономику, тем быстрее она развивается. Из сказанного не следует, что богатые общества сразу могут стать нищими при огосударствлении экономики, для этого нужно время, чтобы разрушить накопленный капитал. Поэтому можно найти пример богатых стран, где высока доля государства. Это не опровергает выводов Хоппе. Ведь речь идет о динамике. А она подтверждает выводы Хоппе. В таких странах, как Великобритания (в 1970-е гг.) и Швеция (в 1980-е гг.), были периоды усиления государственного вмешательства. Это не превратило их в Зимбабве, но вызвало существенные проблемы в экономике — она стагнировала.

Теорию Хоппе можно увидеть в действии и в отношении истории США. Пилигримы и отцы-основатели — это естественные элиты, которые дали Америке конституцию и ценности индивидуализма и личной ответственности. Но элиты, перескочив через этап монархии (этот этап прошли европейские страны), двинулись к расширению избирательного права, а следовательно, и к расширению государственного регулирования. Рузельт оказался результатом демократизации [Момот 2013] Америки, которая, по Хоппе, стала источником этизизма. Кроме того, сработал «железный закон олигархии», приводящий к власти худших.

Путь к власти

Рузельт родился в 1882 г. в богатой и знатной американской семье, корни которой уходят к тем, кто прибыл в Америку на легендарном «Мэйфлауэр». С самого детства он проявлял амбиции лидера, выбрав в качестве примера для подражания шестиюродного брата Т. Рузельта, карьера которого была во многом повторена Ф. Рузельтом.

Он увлекался военно-морским флотом, его манила политика, но он был малообразован в экономике, и профессия юриста, которую он получил, вызывала у него отвращение. С детства он привык к тому, что его желания — закон. Мать боготворила его и спустила не одно состояние на причуды сына. Когда в 1920-е гг. все занимались бизнесом, Рузвельт также пытался достичь в нем успеха, однако проявил полное отсутствие необходимых для этого качеств. Он вложил капитал в строительство дирижаблей, был убежден, что у аэропланов нет будущего, вкладывал деньги в разработку напитка, который был чем-то средним между чаем и кофе. Все его проекты характеризовались импульсивностью, самоуверенностью, расточительностью, подкрепленной убежденностью, что его мать покроет все расходы, что всегда и происходило (сторонники Фрейда могут увидеть здесь проекцию образа матери на бюджет США — находясь у власти, Франклин реализовывал проекты за чужой счет и знал, что результат не важен, ведь деньги не его). Рузвельт жил жизнью плейбоя, однако не забывал и о политической карьере. Его женитьба на любимой племяннице Теодора Рузвельта — Элеоноре Рузвельт — была расчетливым ходом политика, она открывала для него новые карьерные возможности. Когда выяснилось, что он изменял супруге, то отказался от развода, так как это угрожало его карьере кандидата в президенты и, кроме того, мать обещала лишить его наследства, если он разведется. Это были весомые аргументы.

Не меньше, чем отношения с супругой, характер Рузвельта хорошо передает его участие в спортивных соревнованиях.

Рузвельт не мог себе позволить проиграть. Он пытался бороться с неудачами своими средствами: что-то утаить, что-то преувеличить, а что-то и присочинить. Например, когда в соревновании по бегу среди ста участников Рузвельт показывал слабый результат, то говорил родителям, что пришел четвертым; он знал, что обман не раскроется, так как в школьной газете, которая могла попасться им на глаза, упоминалась только тройка победителей [Фолсом 2012: 32].

«Мальчики, которые опережали его в беге, побеждали в боксе или превосходили в игре в футбол, неизменно оказывались, по словам Рузвельта, либо слишком профессионально подготовленными, либо слишком крупными, чтобы соревнование могло считаться честным; если же он опускался вниз в списке успеваемости, то это происходило

из-за того, что в школу поступили два новых “ужасно умных” мальчика. А если он считал, что искажение правды пройдет незамеченным, то не колеблясь шел и на это» [там же: 32–33].

Эти мелкие штрихи позволяют разглядеть в молодости Рузвельта те черты, что сложатся в завершенное целое, когда он станет политиком. Как в учебе и в спортивных соревнованиях, обман был ключевым инструментом Рузвельта и в дальнейшем. 18 августа 1920 г. в городке Дир-Лодж (штат Монтана) Рузвельт выступал перед группой фермеров, где заявил следующее: «Факты таковы, что Конституцию Гаити писал лично я, и, как мне кажется, это вполне приличная Конституция».

«Так как на фермеров в Дир-Лодж речь произвела сильное впечатление, Рузвельт рассказал о своем опыте написания конституций и в следующих выступлениях в Бьютте и Хелене (также в штате Монтана. — П. У.). На самом деле Рузвельт не имел ни малейшего, даже самое отдаленного отношения к написанию Конституции Гаити и никогда не участвовал в управлении какой-либо республикой. Республиканцы постоянно подогревали интерес к этой теме. Ответ Рузвельта на все разоблачения оказался удивительным: он отрицал, что когда-либо выступал с таким заявлением, и отрицал это спустя годы всякий раз, когда обсуждался этот вопрос. Он обвинил “Ассошиэйтед Пресс” в том, что его неверно процитировали, после чего более тридцати жителей Бьютта письменно засвидетельствовали, что слышали, как Рузвельт похвалялся тем, что написал Конституцию Гаити» [там же: 44].

Обещания перед выборами Рузвельта в 1932 г. напоминают его речи, произнесенные до этого. Вот что провозглашал Рузвельт на выборах:

«Демократы — за прекращение неэффективных бюрократических программ, общественных работ и расточительной поддержки сельского хозяйства».

«Рузвельт и Гарнер (кандидат в вице-президенты, шедший в паре с Рузвельтом, губернатор Техаса. — П. У.) — за немедленное и значительное снижение государственных расходов за счет ликвидации бесполезных государственных ведомств и вновь созданных контор».

«Девиз демократов — не допустить роста государственного долга. Кандидаты демократической партии — за бездефицитный государственный бюджет. Демократы обещают прекратить абсурдную политику заимствований федеральным правительством».

«Мы со всей определенностью обещаем не допустить выхода страны из золотого стандарта» [Сапов, Кизилов 2006: 113–114].

Стоит ли упоминать о том, что ни одно из этих обещаний не было выполнено. Не в первый раз Рузвельт использовал обман в качестве средства захвата и удержания власти. Фактически его политика была направлена на одну цель — сохранение собственной власти. В этом смысле Рузвельт — классический пример *homo politicus*, который ничем не отличается от *homo economicus*, тем самым доказывая верность одной из предпосылок теории общественного выбора.

Как Рузвельт смог победить своих конкурентов в политической борьбе? Его способы борьбы с оппозицией напоминают то, как И. Сталин в 1920-е гг. боролся с «правым» и «левым» уклоном [Грегори 2006]. Коя нечно, в США проигравших ждал не расстрел, но лишь потеря власти. Для Рузвельта очень важно было победить левых радикалов, которые конкурировали за тот же электорат, что и он. Рузвельт боролся с «левым» уклоном Коммунистической партии США, демократических социалистов и таких деятелей, как Э. Синклер и Ф. Таунсенд, беря на вооружение их лозунги и программы, за что «левые» уклонисты очень обижались на Рузвельта. Победив «левых», он перешел к борьбе с «правым» уклоном — бизнесом и Верховным судом, а также банкирами.

Про банкиров Рузвельт говорил: «Старое ошибочное мнение о банкирах и правительстве как о более или менее равноправных субъектах должно быть оставлено в прошлом» [Согрин 2015: 190]. Теперь все равны, но есть те, «кто равнее».

Если на выборах в 1932 г. Рузвельт вел себя как популист, то уже на промежуточных выборах в 1934 г. он использовал имеющуюся власть для подавления конкурентов и для обеспечения «правильных результатов голосования». Именно эти выборы изображены в фильме 1996 г. «Канзас-Сити», где показано то, как на выборах работала американская «карусель» при голосовании.

Когда в 1945 г. Рузвельта не стало, многие посчитали это важнейшим событием в преодолении тенденции к огосударствлению экономики. Если бы в 1948 г. состоялись выборы, в которых принял бы участие Рузвельт, то, возможно, они и не оказались бы последними в США, но серьезно задержали бы развитие страны.

Рузвельт не стал бы сокращать масштабы деятельности государства: «Если реакция победит, если повторится история и мы воз-

вратимся к так называемому обычному положению двадцатых годов, можно будет решительно сказать: хотя мы и победили врагов на полях битв за рубежами нашей страны, здесь, у себя дома, мы дали возможность победить духу фашизма» [Чернявский 2012: 468–469].

Скорее всего, США тогда бы повторили «лейбористскую» историю Великобритании с медленным угасанием экономики и потерей влиятельности в мире, что потребовало бы реформы, подобные реформам Тэтчер.

Почему наступают кризисы?

Прежде чем подробно описывать события 1920–1941 гг., необходимо изложить австрийскую теорию экономического цикла, которая была разработана Л. фон Мизесом и Ф. фон Хайеком [Мизес 2012а; Мизес 2012б; Хайек 2008; Хаберлер 2005].

Причина экономического цикла находится в сфере денежного обращения. А именно в сфере деятельности центрального банка. Он ответственен за экономические циклы и кризисы. Понижение центральным банком процентной ставки ниже естественного уровня (который складывается на свободном рынке) приводит к искусственно удлинению структуры капитала и росту ошибочных инвестиций: более низкий процент вызывает иллюзию доступности кредита и прибыльности инвестиций, которые не были бы реализованы при более высоком проценте. На этапе экономического бума происходит перемещение ресурсов в более окольные стадии производства, цены на них растут. Через какое-то время рост цен приводит к росту процента, после чего происходит корректировка структуры производства так, чтобы она соответствовала имеющимся ресурсам. Кризис выявляет ошибочные инвестиции, так как проблема не в недостаточности совокупного спроса и инвестиций, а в том, что инвестиции направлялись не в те отрасли. Так как капитал неоднороден, то невозможно купировать кризис увеличением государственных расходов и инвестициями. Необходимо изменение структуры инвестиций, а не их размера. Если этому процессу не мешать, то ресурсы быстро перемещаются в новые цепочки производства и начинается рост. Если же регулировать цены и объемы производства, зарплаты и прибыли, то процесс корректировки становится длительным и гораздо более болезненным [Garrison 2001].

Отсюда и рекомендация австрийской экономической школы: не вмешиваться в экономику в период экономического спада. Такое вмешательство лишь усугубит кризис.

Забытый кризис 1921 г.

В 1920 г. начался экономический кризис, который современные историки называют «забытым кризисом США». За один год падение было более значительным, чем в 1930 г., — 21 % [Woods 2009]. Однако этот период очень быстро сменился экономическим ростом. Он был рекордным в 1921–1929 гг., которые часто называют «эпохой просперити».

Кризис 1920–1921 гг. был вызван увеличением денежной массы и понижением процента во время Первой мировой войны и сразу после нее.

Безработица в США, когда государство не вмешивалось в экономику, составляла: в 1920 г. — 1,3 %, в 1921 г. — 11,2 %, в 1922 г. — 6,8 %, в 1923 г. — 1,7 %. То есть уже через два года она почти достигла докризисного уровня. Безработица в США в период Нового курса имела совсем другую динамику: 1929 г. — 1 %, 1930 г. — 6,8 %, 1931 г. — 7,8 %, 1932 г. — 25 %. В дальнейшем безработица не опускалась ниже 15 % до начала Второй мировой войны [Сапов, Кизилов 2006: 101].

Как мы видим, политика невмешательства дала быстрый положительный эффект в 1921 г., а политика регулирования экономики удерживала безработицу на беспрецедентно высоком уровне все 1930-е гг.

Пол Джонсон так описывает политику президента Уоррена Гардинга в период кризиса 1921 г.: «Гардинг ничего не сделал, кроме того, что сократил государственные расходы — последний раз, когда огромная индустрия страны преодолевала рецессию классическими методами *laissez-faire*, позволив зарплатам упасть до их естественного уровня. Бенджамин Андерсон из “Чейз Манхэттан Банк” позднее назвал это “наше последнее восстановление до полной занятости”» [Джонсон 1995: 251].

В 1923 г. пост президента занял Калвин Кулидж, продолживший политику невмешательства.

Советские историки в известном четырехтомнике «История США» [Севастьянов, Языков, Попова 1985] негативно оценивали политику «диз

кого капитализма» Гардинга и Кулиджа, потратив множество страниц на описание «ортодоксальной» политики, однако отметили, что кризис был преодолен очень быстро. В то время как гораздо более «социальная» политика Рузвельта вызвала гораздо более длительный кризис.

Советские историки писали в третьем томе, посвященном периоду 1918–1945 гг.: «Уже в конце 1922 г., достигнув предкризисного уровня промышленного производства, они (США. — П. У.) вступили в полоэ су промышленного подъема» [там же: 90]. «Экономический подъем в США продолжался почти семь лет, до середины 1929 г., и был весьма значительным: общий объем промышленного производства в США в 1929 г. превысил уровень предкризисного 1920 г. на 32 %» [там же: 90].

Итак, восстановление началось уже в 1922 г., и выход из кризиса никак не был связан с усилением государственного регулирования.

Но уже тогда медленно начался период кредитной экспансии, особенно усилившийся после 1924 г. Предложение денег на 30 июня 1921 г. — 45,3 млрд долл. В 1929 г. предложение денег составило 73,3 млрд долл. Предложение денег выросло на 28 млрд долл., или на 61,8 %. Средний темп прироста предложения денег — 7,7 % [Ротбард 2012]. В 1927 г. в экономику было вброшено более 400 млн долл., что позволило банковской системе создать «из ничего» 3 млрд долл., большая часть пошла на рынок акций, что продлило бум до 1929 г.

Таким образом, все 1920-е гг. шла накачка экономики деньгами. Это было бы невозможно без создания в 1913 г. ФРС. Хотя кризисы 1921 и 1929 гг. были вызваны мягкой денежно-кредитной политикой ФРС, кризис в 1921 г. оказался гораздо менее болезненным, так как в остальном политика была вполне в стиле *laissez-faire*, что нельзя сказать о политике Гувера и Рузвельта.

Гувер и Рузвельт

Принято считать, что Гувер был сторонником невмешательства и проводил соответствующую политику. Факты говорят об обратном.

Он рассматривал экономику как огромную машину, которой можно и нужно руководить из центра. Несомненно, на его политико-экономические взгляды повлиял опыт работы инженером и администратором, он смотрел на экономику как инженер, готовый активно вмешиваться в ее деятельность.

Еще в 1921 г. Гувер занимал пост министра торговли и организовывал трехсторонние переговоры (профсоюзы, правительство и бизнес), на которых обсуждались рекомендации по выходу из кризиса: общественные работы, масштабные программы поддержки сельского хозяйства, создание государственных агентств, наделенных значительными полномочиями.

Общественные работы были тогда крайне популярным средством, его активно продвигали известные английские социалисты С. Вебб и Б. Вебб: чтобы просветить американскую публику о прогрессивных мерах, супруги создали в Нью-Йорке в 1919 г. Новую школу социальных наук. Среди преподавателей был будущий советник Гувера Уэсли Митчел, который, как и президент, полагал, что пришло время для активных действий по реформированию капитализма.

Обсуждалось создание Федеральной корпорации занятости, которая должна была перебрасывать излишки рабочей силы из одного штата в другой. Однако все эти меры не пригодились, так как уже в 1922 г. начался оживленный рост. Все программы были положены под сукно. В 1929 г. Гувер достал их из-под сукна, чтобы наконец опробовать на практике.

Гувер не скрывал свою позицию социального инженера.

«Битва за то, чтобы привести в движение машину экономики, требует новых форм и заставляет время от времени применять новую тактику. Мы использовали чрезвычайные методы для того, чтобы выиграть войну, — мы используем их вновь, чтобы победить депрессию» (май 1932).

«Если не будет отступления, если продолжится та атака, которую мы подготовили и проводим, то битва будет выиграна» (август 1932).

«Мы могли бы ничего не делать. Это было бы совершенной катастрофой. Вместо этого мы, действуя в соответствии с ситуацией, обращаемся к частному бизнесу и конгрессу США с предложением самой гигантской программы экономической обороны и контратаки, когда либо осуществлявшейся в истории нашей страны... Впервые за эту депрессию мы сократили дивиденды, прибыли и снизили стоимость жизни, чтобы сохранить зарплаты. Наша реальная зарплата сегодня является самой большой в мире. Некоторые экономисты-реакционеры призывают нас допустить ликвидацию предприятий и банков с тем, чтобы экономика могла достичь дна. Мы клянемся в том, что не после-

дуем этому совету и не допустим, чтобы все, у кого имеется задолженность, разорились» (октябрь 1932) [Сапов, Кизилов 2006: 117–118].

Речь Гувера, произнесенная 23 ноября 1929 г., называлась: «Направить мощь государства на спасение экономики». Гувер честно признаёт, что до него политики придерживались идеи невмешательства, он же активно вмешивался в дела экономики, «так что мы были пионерами, вступившими на неизведанную землю» [Ротбард 2012: 309].

По сути, то, что сделал Гувер, следует называть Новым курсом 1, а действия Рузельята — Новым курсом 2. Как мы увидим, разницы между ними не было.

Гувер активно боролся с банкротствами банков, вливая огромные деньги из федерального бюджета. Что, правда, не помогло. Банкротства продолжались. Гувер поднял предельную ставку подоходного налога с 25 до 63 %. В 1930 г. Гувер собрал совещание (подобное созданному в 1921 г.) с целью зафиксировать цены и объемы производства на докризисном уровне. В качестве средств использовались пропаганда и запугивание большого бизнеса. Были повышены тарифы на импортные товары «для защиты собственного производителя». 175 млн долл. было выделено на строительство новых административных зданий, 48 губернаторов получили агрессивное заявление о необходимости начать общественные работы. Доля государственных расходов увеличилась с 16,4 % в 1930 г. до почти 22 % в 1931 г. 1 млрд долл. был роздан непосредственным конечным получателям: местным органам власти, энергетическим компаниям и школьным округам. Это грубо нарушило порядок финансирования государственных расходов. В 1929 г. Сельскохозяйственная закупочная ассоциация получила 500 млн долл. на поддержку цен и еще 100 млн долл. в 1930 г. Летом 1930 г. Гувер подписал тариф Смута — Хоули (значительное повышение тарифа на импорт), обрушивший внешнеторговый оборот: импорт сократился с 4,4 млрд долл. в 1929 г. до 2 млрд долл. в 1931 г. Это вызвало ответные меры, обрушившие экспорт США: 5,3 млрд долл. в 1929 г. и 2,3 млрд долл. в 1931 г.

По этому закону были повышены тарифы на целый ряд товаров, подлежащих обложению таможенными пошлинами; например, пошлины на сельскохозяйственную продукцию были повышены в среднем с 20 до 34 %; на алкогольную продукцию — с 36 до 47 %; на шерсть и изделия из шерсти — с 50 до 60 %. В общей сложности было резко повышенено

887 тарифов, а список товаров, подлежащих обложению пошлинами, был расширен до 3218 пунктов. Важнейшей особенностью тарифа Смута — Хоули было то, что пошлины рассчитывались в конкретной денежной сумме, а не в процентах от цены. Когда в ходе Великой депрессии цены упали вдвое, фактическая ставка удвоилась, тем самым усилив протекционистский характер закона [Poulson 1981: 508].

Фондовый рынок, в значительной мере восстановивший позиции, потерянные после «черного четверга», упал на 20 пунктов в тот день, когда Гувер подписал Закон Смута — Хоули, и падал почти безостановочно следующие два года.

Тариф вызвал серьезные проблемы в финансовой сфере — новую волну банкротств банков. Так, в 1930 г. разорилось 1345 банков, а в 1931 г. — уже 2298 [Далин 1936: 21].

Дело в том, что американские банки активно кредитовали европейских производителей, которые продавали свой товар на американском рынке. Закрытие американского рынка означало банкротство европейских компаний и, как следствие, кредитовавших их американских банков. В 1932 г. Гувер создал Корпорацию финансирования реконструкции (RFC) — по сути, параллельный центральный банк, наделенный правом по распоряжению Гувера выделять кредиты нужным компаниям. Только за первый год эта Корпорация выдала 2,3 млрд долл., из них в порядке безвозвратного финансирования — 1,6 млрд долл. RFC не отчитывалась перед Конгрессом о предоставленных ссудах.

Политика Гувера была последовательной политикой социального инженера, использовавшего свою власть для того, чтобы финансировать деятельность одних граждан за счет других. Рузвельт не придумал ничего нового.

Рексфорд Гай Тагвелл, один из архитекторов политики Рузвельта в 1930-е гг., объяснял несколько десятилетий спустя: «Тогда мы в этом не признавались, но практически весь Новый курс был экстраполяцией программ, начатых Гувером» [Johnson 1997: 741].

Идеологические истоки Нового курса

Особую роль в принятии идей этатизма сыграли американские интеллектуалы, которые привезли после учебы в Германии «прогрессивные идеи». Ричард Элай, учившийся в Германии у Карла Книсса,

привез идеи этатизма в США. До 1913 г. в США не было центрально-го банка, подоходного налога, прогрессивной социальной политики. Одним из учеников Элая был будущий президент США Вильсон, который в 1913 г. создал ФРС и ввел подоходный налог [Dorfman 1949b].

До Великой депрессии в Нью-Йорке насчитывалось 86 театров, по-сле нее — только 28. Кризис определяет, кто является театром, а кто нет. Но такая позиция не слишком по вкусу «инженерам человеческих душ», зависеть от рынка им нравится гораздо меньше, чем получать государственные субсидии. Рузвельт выделял миллионы долларов на поддержку театров, Голливуда, СМИ, оркестров. Однажды он получил письмо от целого духовного оркестра, который был совершенно неизвестен, но тем не менее требовал средства на гастрольную поездку по всей Америке [Чернявский 2012: 252].

Интеллигенция любила Рузвельта. В самом деле, кому не понравится президент, понимающий значение культуры и занимающийся щедрым финансированием из бюджета новых фильмов, спектаклей, книг, учебных программ и исследований.

Вслед за некоторыми героями романа «Атлант расправил плечи» интеллектуалы полагали: «Нельзя ожидать, чтобы народ понял высшие уровни философии. Культуру следует вырвать из рук охотников за деньгами. Нам нужна национальная стипендия для литераторов. Какой позор, что в художниках видят подобие торговцев-разносчиков и что произведения искусства приходится продавать, как мыло» [Рэнд 2015: 151].

Причем тут же интеллектуалы находят способ решения всех экономических проблем — запрет. Слово это не очень популярно, и его заменяют нейтральным — «перераспределение», которое, по сути, означает то же самое: разрешение одним и запрещение другим [Банстриа 2006a]. Например, можно придумать и такой запрет: «Необходимо выпустить закон, ограничивающий тираж любой книги десятью тысячами экземпляров. Эта мера откроет литературный рынок перед новыми дарованиями, свежими идеями и некоммерческой литературой. Если запретить людям раскупать миллионные тиражи какой-нибудь дряни, они волей-неволей начнут покупать более качественные книги» [Рэнд 2015: 144].

Интеллектуалы убеждены, что капитализм — враждебная для них система, и не ищут иных путей решения проблемы, кроме расширения

государственного регулирования. Усиление власти интеллектуалов сделало возможным значительное огосударствление экономики, которое стало реакцией на Великую депрессию.

Великая депрессия

24 октября 1929 г., в «черный четверг», индекс Доу — Джонса сократился на 9 %, а 29 октября, в «черный вторник», падение составило 17,3 %, снизив стоимость компаний на 14 млрд долл. Всего за четыре года стоимость всех компаний на рынке упала в десять раз. Фондовый рынок вернется на докризисный уровень только в 1951 г. Объем промышленного производства упал в два раза. ВНП сократился с 103 млрд долл. — до 56 млрд долл. Безработица выросла до 25 %, располагаемые доходы населения упали на 45,16 %. Только в 1930 г. обанкротилось 744 банка, а к 1932 г. — более 5000 из 25 000 банков [Шевляков 2016: 34; Аникин 2002]. В 1929–1932 гг. обанкротилось 115 000 компаний. Уильям Дюран, основатель General Motors, потерял на фондовом рынке 40 млн долл. и оказался фактически нищим. И таких было множество.

Восстановление экономики, которое раньше происходило через несколько месяцев или пару лет, так и не началось, хотя признаки восстановления были в середине 1933 г. и во второй половине 1935 г. [Anderson 1949; Badger 1989].

Этот кризис не смогли предсказать ведущие экономисты той эпохи: глава NBER Уэсли Митчел, Ирвинг Фишер, Джон Мейнард Кейнс. Например, Кейнс считал, что «в наше время крахов больше не будет» (1926), «ФРС сделает все, чтобы избежать деловой депрессии» (1928) [Скоузен 2012: 349]. Марк Скоузен в своем исследовании «Кто предсказал Великую депрессию?» доказывает, что, кроме представителей австрийской экономической школы и еще нескольких человек, мало кто понимал, что происходило тогда в американской экономике.

В 1924 г. Мизес сообщил Фрицу Махлупу о том, что «это будет большой крах», когда в 1929 г. ему предложили пост президента банка Credit Anstalt, от которого он отказался, удивив свою жену Маргит. Мизес тогда объяснил: «Скоро произойдет великий крах, и я не хочу, чтобы мое имя хоть как-то было с ним связано» [Скоузен 2012: 358; Хюльсманн 2013].

В 1929 г. Хайек опубликовал статью по-немецки, где предсказывал крах. Позже он вспоминал об этом: «Разумеется, ожидать этого меня

заставило мое теоретическое убеждение, что невозможно бесконечно поддерживать инфляционный бум... Кроме того, когда в 1927 г. Федеральный резерв сделал попытку отсрочить крах с помощью кредитной экспансии, я убедился, что бум стал типично инфляционным. Поэтому в начале 1929 г. налицо были все признаки того, что бум должен захлебнуться» [Скуозен 2012: 360].

Объяснение Великой депрессии

Некоторые полагают, что Великая депрессия² является примером кризиса перепроизводства. Экономическая теория давно показала, что не существует кризисов перепроизводства. Все они оказываются следствием не «врожденного порока капитализма», а вмешательства в свободный рынок.

Когда увеличивается количество всех благ в экономике, то это называют экономическим ростом и обычно считают крайне желательным явлением. Однако «кризис перепроизводства» — та же ситуация, когда «всего слишком много», но если мы не в раю, то такая ситуация просто невозможна, так как количество ресурсов всегда меньше, чем желают иметь индивиды. Если какого-то блага становится слишком много — компания получает сигнал в виде убытков и перестает производить данный продукт. Сигналы в виде прибылей и убытков направляют действия предпринимателей на то, что нужно потребителю. Таким образом, общий кризис перепроизводства невозможен. Возможен кризис неверной структуры производства, когда произведено не то, что нужно потребителю, а эту ошибку могут совершить одновременно все предприниматели, только если их ошибки порождены одной причиной. По сути, кризисы вызываются не тем, что «слишком много всего произвели», а тем, что структура производства не соответствует существующим предпочтениям потребителей и возможностям экономики. Это происходит тогда, когда предприниматели получают ложную информацию об имеющихся

² Великая депрессия по-разному протекала в США и других странах. Там, где регулирование было более агрессивным, там и кризис был более длительным. См. сравнение ситуации в США и Канаде [Siklos 2001: 522–522].

ресурсах в результате роста денежной массы. Цены отклоняются от рыночных и порождают систематические ошибочные инвестиции. Великая депрессия не была кризисом перепроизводства, так как таких кризисов не существует.

Монетаристы полагают, что причина Великой депрессии в том, что ФРС слишком резко подняла процент в 1929 г.: если бы этого не сделали, то Великой депрессии можно было бы избежать [Фридман, Шварц 2007; Эйхенгрин 2016]. Однако проблемы в американской экономике накопились не тогда, когда был поднят процент, а в течение 1921–1929 гг., когда денежная масса выросла на 62 %, вызвав искажения в структуре производства и необходимость ее корректировки. В 1929 г. ФРС стояла перед выбором: продолжить печатать деньги, что уже не работало и вызывало бы что-то вроде стагфляции 1970-х гг. или гиперинфляции Веймарской республики, либо повышать процент, но тогда вызвать экономический спад. Выбрав второе, ФРС, скорее, пошла бы по пути кризиса 1921 г., который быстро закончился. Фактически же ФРС уже в 1929 г. снова понизила процент и начала кредитную экспансию. Однако это уже не работало, эмиссия лишь увеличивала свободные резервы коммерческих банков. Кризис 1929 г. невозможно объяснить повышением процента ФРС, причина находилась глубже, в кредитной экспансии ФРС 1921–1929 гг.

Марксисты видят причину негибкости цен в монополиях, которые не давали ценам упасть в период Великой депрессии. Однако экономические историки давно доказали верность идеи экономической теории о том, что и фирмы с большой долей на рынке стремятся иметь не максимальные цены, а максимальную выручку. Следовательно, они понижают цены, когда им это выгодно, что и происходило в XIX в., когда цены на продукцию таких компаний, как «Стандарт Ойл», понижались [Арментано 2011]. После создания Антитреста цены стали расти, а не падать. Ничто не мешает ценам падать, если стороны этого захотят, так как цена — договорное явление и такого явления, как негибкость цен, не существует. Единственная причина того, что ценам не давали упасть во время Великой депрессии, состоит в том, что государство регулировало цены. Без этого цены бы подстроились под спрос и предложение.

Что сделал Рузвельт?

Деятельность является результатом определенного замысла [Мия зес 2012d: 14–32; Усанов 2014: 16–41]. В этом смысле важно понять, какие экономические взгляды были у Рузвельта.

Они оказывались во многом схожи со взглядами Кейнса [Кейнс 2007]. Рузвельт считал, что Великая депрессия была кризисом пере производства; что дефляция — источник всех бед и с ней нужно бороться; что финансисты породили кризис. Он видел причину низкой заработной платы рабочих в том, что 10 % предпринимателей платят слишком мало, а остальные вынуждены платить так же мало. Такую теорию нельзя оценить иначе, как эксцентрическую, и, похоже, она была выдумана на ходу, чтобы обосновать «наезды» на бизнес [Руз вельт 2012: 16–21].

Золото было на 3–4 млрд, а требований — на 25 млрд. Интересна аргументация Рузвельта, почему он отказал в размене долларов на золото всем: «Во имя общего блага мы решили не давать права никому!»

Рузвельт и будущий на тот момент министр финансов в его правительстве Моргентау устанавливали цену на золото каждое утро, когда Рузвельт завтракал в постели [Leuchtenburg 1963: 79–81]. 3 ноября, когда Моргентау предложил Рузвельту поднять цену на 19–22 %, тот выбрал 21 % и, смеясь, объяснил: «Это “счастливое” число, потому что это три, помноженное на семь». Позднее Моргентау записал в дневнике: «Если бы кто-нибудь узнал, что мы устанавливали цены на золото с помощью комбинаций “счастливых” чисел, он пришел бы в ужас» [Фолсом 2012: 133].

Как только Рузвельт вступил в должность президента США, он получил чрезвычайные полномочия для преодоления кризиса. Одним из его первых действий в рамках «100 дней» было закрытие банков (так называемые банковские каникулы).

5 марта президент объявил банковские каникулы, были закрыты банки на четыре дня, напечатаны 2 млрд долл. [Рузвельт 2012: 8].

Существовали опасения, что люди побегут обменивать доллары на золото. Опасения на оправдались. Паники и ажиотажа не наблюдалось [там же: 9]. В процессе проверки были закрыты банки, не соответствующие требованиям властей. Особенно пострадали мелкие и средние банки, не имеющие необходимого лоббистского потенциала.

Оставшиеся получили ликвидность за счет ФРС и были вскоре открыты. Несомненно, открытие банков способствовало оживлению экономики в марте–июне 1933 г. Однако сама реформа означала существенные перемены в устройстве банковской системы, которые, правда, были подготовлены предыдущими событиями. Завершился долгий процесс, связывающий банковскую систему в единый картель с государством. Кто является банком, а кто не является, теперь решает не рынок, а политики. Банковская система с тех пор — это «социализм в отдельно взятой отрасли» [Уэрта де Сото 2008: 491–514; Ротбард 2016].

Несмотря на то что Новый курс Рузвельта продлил Великую депрессию, существовали меры, которые благотворно повлияли на экономику США. В частности, это отмена Сухого закона 22 марта 1933 г., неэффективность которого была очевидна для всех. Вместо повышения здоровья нации Сухой закон породил преступность, коррупцию, черный рынок, переключил американцев на потребление более крепких напитков (переход с пива на самогон — так называемый эффект Алчиана — Аллена). Кроме того, Рузвельт сократил тариф Смута — Хоули в 1934 г., что также способствовало оживлению 1935 г. Непреднамеренным последствием стало и массовое распространение женских купальников-бикини. Дело в том, что Управление по военному производству запретило изготовление сплошных купальников в целях экономии материала [Henderson 2010: 8].

Рузвельт создал множество «алфавитных агентств», именуемых так по причине схожих названий: FWA, AAA, CCC (было два агентства с таким названием, что вызывало путаницу), FSA, FCC, AOA, ODT и под сотню подобных, — самые известные, несомненно, NRA, WPA и AAA. Регулятивный суд Рузвельта и его команды не знал предела, агентств было так много, что глава комитета по контролю за правительственными расходами не слышал даже названия некоторых [Шевъяков 2016: 60]. Джон Флинн в своей книге приводит впечатляющий трехстраничный список из 101 такого агентства [Flynn 1948: 290–292].

Во время Первой мировой войны в США была опробована Питтсбургская система ценообразования — система «базисных пунктов» (ее отменили на основе антитрестовых законов в 1924 г.), но ее возродил генерал Джонсон в 1933 г. как NRA. По этой системе разрешалось устанавливать цены, как в Питтсбурге, плюс расходы на транспортировку. Например, производитель стали в Чикаго должен был

ставить цену на сталь, как в Питтсбурге, прибавляя к этому расходы на транспортировку стали из Питтсбурга. Естественно, это увеличивало заказы на продукцию из «базисных пунктов» и ставило в неконкурентное положение иные заводы. Кроме того, такой подход давал возможность получать Американской стальной корпорации огромные прибыли в тех регионах, где она имела заводы. Все это позволило монополизировать рынок пittsburghским заводам и повысить цены на 60–400 % на свой продукт [Далин 1936: 84, 95–96].

В июне 1933 г. Рузвельт подписал Закон о восстановлении национальной промышленности (NIRA), ей выделялось 3,3 млрд долл. Крупные компании поддержали NIRA, так как это отсекало от рынка малый и средний бизнес. В рамках NIRA были написаны кодексы честной конкуренции, всего более 500. В них регулировались: максимальная продолжительность рабочей недели, максимальная продолжительность рабочего дня, минимальная ставка заработной платы, кодексы регулировали объемы производства и цены по отраслям и заработную плату [Чернявский 2012: 240–241]. В кодексе нефтяной промышленности было написано, что цены на нефть устанавливает лично президент США.

Наметившееся оживление первой половины 1933 г. было прервано. В первом полугодии 1933 г. промышленное производство выросло на 69 %, во второй половине 1933 г. оно сократилось на 25 % [Шевляков 2016: 90], это произошло после создания NRA.

Существовало 60 кодексов, регулирующих текстильную отрасль; 29 кодексов, регулирующих бумажную отрасль; 56 кодексов, регулирующих производство чугуна и стали; 6 кодексов отдельно регулировали полиграфические услуги. Никто не мог разобраться во всех этих кодексах, что порождало хаос и неразбериху. Увеличение издержек на ведение бизнеса составило 40 % [Далин 1936: 83].

Вся экономика разделялась на 17 отраслей, в первые годы было написано 453 (через год их было уже 750) кодекса честной конкуренции, под деятельность NRA подпадало 2,5 млн фирм и 22 млн рабочих, 91 % промышленности регулировался NRA. Кодексы регулировали производство кормов для собак, мягких подплечников для пиджаков, деятельность собственников театральных бурлесков (регулировалось даже количество девушек, которые могли выступать полуоголыми) [Чернявский 2012: 242].

Не все были согласны с такими полномочиями государства, на что глава NRA отставной бригадный генерал Хью «Железные штаны» Джонсон говорил, что противникам нового кодекса «заткнут рот» [Фолсом 2012: 71].

Для проведения в жизнь закона была создана NRA, соединяющая в себе исполнительную, законодательную и судебную власти, что позволяло NRA блокировать банковские счета и осуществлять принудительную внесудебную ликвидацию компаний. Для реализации кодексов NRA завела себе собственную военизированную службу. Малый и средний бизнес подверглись настоящему террору.

Аппарат NRA увеличивался на 100 человек в день. Зарплаты также быстро росли: 125 долл. получал выпускник университета, а уже через полгода он получал 375 долл. (средняя зарплата в США была 117 долл.).

В 1938 г. в конфиденциальной беседе Рузвельт признавался, что главной проблемой для него является необходимость придумать достаточно большое количество проектов, на выполнение которых можно было бы списать выделяемые деньги [Сапов, Кизилов 2006: 141–142].

Джонсон, любящий выпивку и сквернословие, действовал на посту директора NRA с той же лихостью, с которой в 1913–1914 гг. участвовал в интервенции в Мексику. Благо военная риторика (борьба с кризисом подобна войне с неприятелем) Рузвельта соответствовала такому подходу.

Естественно, военная риторика в мирное время порождает свои жертвы. Такой жертвой стал бизнес. Для выявления нарушений NRA устраивала облавы, арестовывала бухгалтерские книги путем внезапных налетов и вышибания дверей, проверяя, не сидит ли кто-то за швейной машинкой в запретное ночное время.

Обычный портной Яacob Магид вошел в историю, угодив за решетку за то, что нарушал один из кодексов NRA. Магид брал 35 центов вместо 40 за свою услугу. То, что обычно рассматривается как благо — конкуренция, — в глазах Рузвельта было преступлением, достойным заключения в тюрьму.

Магид был не единственной жертвой. Фред Перкинс из Пенсильвании производил и продавал аккумуляторные батареи для фабрик и осветительные приборы для ферм. Зарплаты, которые он платил своим работникам, были ниже установленных в кодексе, хотя рабочих они устраивали. Он должен был либо закрыть бизнес, либо по-

высить зарплаты. Он отказался это делать, получив поддержку своих сотрудников, за что попал в тюрьму, продолжая, правда, из тюрьмы руководить бизнесом [Фолсом 2012: 71].

Джон Флинн описывает, как сторонники NRA вели свои дела: «NRA обнаружила, что не может провести в жизнь свои правила. Укрепляясь черный рынок. Добиться выполнения норм можно было только самыми жестокими полицейскими методами. В швейной промышленности — вотчине (видного деятеля американского профсоюзного движения. — П. У.) Сидни Хиллмана — кодексы внедряли при помощи спецподразделений. Они рыскали по швейному району, как штурмовики. Могли ворваться на фабрику, выгнать хозяина, выстроить сотрудников в шеренгу, быстро их допросить и забрать бухгалтерские книги. Ночная работа была запрещена. Летучие отряды этих “швейных полицейских” проходили по району ночью, стучали в двери топорами, ища тех, кто осмелился сшить пару брюк в ночной час. Но чиновники, ответственные за проведение кодексов в жизнь, говорили, что без этих жестких методов не удалось бы добиться их соблюдения, потому что общественность их не поддерживала» [Flynn 1948: 45].

Сэм и Роза Марковиц из Кливленда, владельцы химчистки, делали скидку клиентам на 5 центов, за что были оштрафованы на 15 долл., а потом отправлены в тюрьму [Фолсом 2012: 72].

Все эти случаи вызвали волну обращений предпринимателей в суды, которые выносили оправдательные решения. Пресса также сделала свое дело: общественность воспринимала NRA как структуру, попирающую Конституцию США.

В 1935 г. Верховный суд единогласно признал NRA неконституционной. На заседании заслушивались вопросы, настолько странные и комичные, что зал с трудом сдерживал смех.

Так, в соответствии с кодексом, действующим в рамках NRA, «покупатель не может выбирать цыплят, которых он хочет купить. Он должен просунуть руку в клетку и взять первого цыпленка, который попадется. Он обязан взять эту птицу». Как явствует из распечатанного текста разбирательства, объяснение адвоката вызвало редкую для этого учреждения реакцию — хохот в зале Верховного суда. Обсуждение продолжилось, однако вскоре вопрос судьи Джорджа Сазерленда «А если предположить, что все цыплята оказались в одном углу клетки?» был встречен новым взрывом хохота. Когда смех утих,

все девять судей единогласно проголосовали в пользу признания NRA неконституционной [там же: 76].

Член Верховного суда Луис Брэндейс прочел эпитетику Новому курсу: «Это конец политики централизации, отправляйтесь к президенту и скажите ему, что мы не собираемся позволить этому правительству централизовать все» [Шевляков 2016: 88].

Однако Рузвельт на этом не остановился. Он стал проталкивать закон Гаффи — Снайдера, обращаясь к комиссии: «Надеюсь, Ваша комиссия не допустит, чтобы сомнения в конституционности, сколь резонными они ни были, помешали принятию предлагаемого закона» [там же: 77]. Кстати, этот закон подразумевал законодательно установить 350 000 цен.

В 1933 г. было создано еще одно крайне влиятельное «алфавитное агентство» — AAA. 12 мая Конгресс одобрил AAA. Это связано с тем, что 13 мая планировалась общенациональная фермерская забастовка. Рузвельт признался, что «усилиями правительства она была сорвана» [Мальков 1973: 265].

Для поддержания сельского хозяйства только в 1934 г. было уничтожено 23 млн голов рогатого скота [Далин 1936: 139]. Фермерам платили миллионы долларов, чтобы они ничего не выращивали, в то время как президент говорил о трети недоедающих американцев [Фолсом 2012: 86].

Предельная ставка подоходного налога была увеличена Рузвельтом с 63 до 77 %, был девальвирован доллар на 41 %, что позволило перераспределить 2,8 млрд долл. от общества к государству. Госдолг вырос с 20 млрд долл. в 1933 г. до 43 млрд долл. в 1940-м.

Глава WPA Гарри Гопкинс [Шервуд 1958] говорил, когда спрашивали о деятельности его агентства: «У меня занято четыре миллиона человек, но, ради бога, не спрашивайте меня, чем они занимаются» [Шевляков 2016: 76]. WPA предоставляла такие услуги обществу: оттеснение воздушными шарами птиц от общественных зданий, каталогизация рецептов приготовления шпината, ловля перекати-поля, написание истории английской булавки. 41 % расходов WPA уходил на содержание бюрократического аппарата. Сами работники получали 30 долл. в месяц.

Еще одна история Нового курса, о которой стоит упомянуть, связана с запретом выращивания конопли.

Конопля в 1920–1930-е гг. использовалась как средство изготовления тканей, канатов и бумаги. Конгресс в 1937 г. законодательно закрепил выращивание конопли, приравняв к тягчайшим преступлениям ранее прибыльное производство сырья для технических отраслей промышленности. Дюпоны лоббировали этот закон, так как он отсекал конкурента в виде более дешевого сырья. Пострадали же от этого фермеры Среднего Запада, лишившиеся заработка и бизнеса [там же: 171].

Еще в период борьбы с Эндрю Мэллоном, которого люто ненавидел Рузвельт, президент опробовал инструмент натравливания налоговой полиции на бизнес для решения личных политических задач. То же самое Рузвельт делал перед выборами 1936 г. Видимо, он одним из первых стал активно использовать вопросы финансирования штатов в качестве инструмента подавления оппозиции. Хотя это делали и до него, но масштаб деятельности государства был явно недостаточным для этого. Теперь же огромные финансовые ресурсы позволяли Рузвельту следующее: давать деньги тем штатам, где поддерживали демократов, и не давать тем, где были за республиканцев. Быть против президента означало быть без денег. Это, конечно, далеко от принципа, который сформулировал Лев Троцкий: «В стране, где единственным работодателем является государство, оппозиция означает медленную голодную смерть. Старый принцип — кто не работает, тот не ест — заменяется новым: кто не повинуется, тот не ест» [цит. по Хайек 2005: 129], но все же и честными выборами это нельзя назвать.

Такая политика оказалась крайне эффективной и была вновь за действована в 1940 г. на выборах. На тот момент президент не был ограничен Конституцией в сроках пребывания у власти, после смерти Рузвельта такая поправка была внесена в Конституцию.

Конфликт с Верховным судом

После того как Верховный суд признал NRA неконституционной, Рузвельт задумался о реформе Верховного суда. По сути, Рузвельт стремился подчинить судебную власть себе. СМИ это называли «утрамбовыванием» Верховного суда. Так как судьи были довольно пожилыми людьми (и именно они являлись противниками новаций Рузвельта), то он начал давление на Верховный суд с тем, чтобы старые судьи были дополнены новыми и прогрессивными. Ему это

было действительно очень нужно, так как одиннадцать его законов аннулировал Верховный суд. В итоге в 1937–1938 гг. после реформы ушли два консерватора, их заменили либералы — сторонники Нового курса [Мальков 2011: 86].

После 1937 г. Верховный суд был сломлен: опасаясь потерять работу и деньги, судьи один за другим стали одобрять мероприятия Рузвельта, восстанавливая в новых формах проекты регулирования в стиле NRA. Именно тогда произошла «депрессия внутри депрессии» с новым обрушением промышленного производства и скачком безработицы до 19 %.

9 мая 1939 г. Генри Моргентау-мл., министр финансов, один из самых близких друзей и единомышленников Рузвельта, говорил перед соратниками по партии: «Мы попытались тратить деньги. Мы расходуем больше, чем когда-либо, но это не работает. Меня волнует только одно, и если я ошибаюсь... пусть кто-нибудь другой займет мое место. Я хочу, чтобы наша страна процветала. Я хочу, чтобы у людей была работа. Я хочу, чтобы у людей было достаточно еды. Мы так и не выполнили своих обещаний... После восьми лет работы этой администрации я говорю, что в стране сейчас тот же уровень безработицы, с которого мы начинали... И огромный государственный долг в придачу!» [Фолсом 2012: 14].

Таким образом, в 1939 г. все показатели состояния экономики были хуже, чем в 1929 г., что означает полный провал интервенционистских программ Нового курса Рузвельта. Он не вывел Америку из Великой депрессии, а продлил ее.

Многие сторонники Рузвельта признают неэффективность его программ, продолжая считать, что программы Нового курса способствовали созданию социальной политики. Если цели этих программ — рост благосостояния бедных и общий рост благосостояния, то Рузвельт также не смог их достичь. Одна из ключевых идей экономической теории: рост благосостояния бедных и общий рост благосостояния достигаются лучше за счет конкуренции, а не этатизма. Этот тезис был подтвержден опытом Нового курса.

Выход из кризиса

Кейнсианец Пол Кругман считает, что Вторая мировая война стала благом для экономики: «Великая депрессия в США прекратилась

в результате массовой “программы” общественных работ, профинансированной государством, и имя этой “программы” — Вторая мировая война» [Krugman 2009: 74]. Кристина Ромер объясняет выход из Великой депрессии притоком золота из Европы до и во время Второй мировой войны, что привело к значительному увеличению совокупного спроса [Romer 1992: 757–784].

Дмитрий Травин и Отар Маргания в своей книге «Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара», считая политику Рузвельта в 1930-е неэффективной, тем не менее пишут: «Именно в 40-е, а не в 30-е, под воздействием возросшего спроса на вооружение, обмундирование, продовольствие и медикаменты... экономика США действительно рванула вперед» [Травин, Маргания 2011: 441].

Если историки иногда ставят под вопрос эффективность Нового курса, то практически никто не сомневается в том, что Вторая мировая война вывела экономику из Великой депрессии. Однако это не так. Например, безработица за это время хоть и сократилась за счет роста числа военнослужащих, тем не менее их общее количество оставалось на том же уровне. Роберт Хиггс в своей книге «Кризис и Левиафан» приводит таблицу, из которой следует, что численность безработных и военнослужащих была: в 1940 г. — 8,6 млн человек, в 1941 г. — 7,4 млн человек, в 1942 г. — 6,6 млн человек, в 1943 г. — 10,1 млн человек, в 1944 г. — 12,2 млн человек, в 1945 г. — 13,1 млн человек. Снижение произошло только после войны: в 1946 г. — 5,3 млн человек, в 1947 г. — 3,9 млн человек, в 1948 г. — 3,7 млн человек [Хиггс 2010: 398].

Одновременно было введено распределение по талонам бензина, шин, кофе, молока, сыра, консервов, обуви, мяса, сахара, пишущих машинок. Такую ситуацию вряд ли можно назвать благосостоянием.

Не следует забывать, что цены в условиях войны не являются рыночными, их устанавливает государство, так что и ВВП в условиях войны ничего нам не говорит. Хиггс пересчитал ВВП с учетом рыночных цен и получил снижение с 1941 по 1943 г. на 14 % [Хиггс 2010].

Послевоенный рост был вызван отменой программ Рузвельта, существенным понижением налоговой нагрузки, восстановлением международной торговли и стабилизацией денежного обращения. Значительные перемены начались и в идеологической сфере [Бёргин 2017]

Так, Конгресс резко сократил государственные расходы: с 44 % от ВВП в 1944 г. до 8,9 % в 1947 г., что стало источником роста инвестиций,

потребления и предпринимательской активности. Не оправдались кейнсианские страхи о том, что американская экономика в мирное время столкнется с массовой безработицей и эпидемией насилия, как полагал Мюрдал [Myrdal 1944: 51], по иронии судьбы получивший Нобелевскую премию по экономике в тот же год, что и Хайек.

Уроки для современности

Какие уроки можно извлечь из Великой депрессии и Нового курса?

1. Великая депрессия началась как обычная фаза экономического цикла, вызванная кредитной экспансиеи ФРС, увеличившей денежную массу с 1921 по 1929 г. на 62 %. Она бы закончилась, как и кризис 1921 г., за год, если бы не интервенционистская политика Гувера и Рузвельта.
2. Политика Гувера — Рузвельта не вывела экономику из кризиса, а продлила его. В 1939 г. все показатели состояния экономики были хуже, чем в 1929 г. (безработица, промышленное производство, государственный долг). ВНП, по самым оптимистичным оценкам, вырос на 10 % (по пессимистичным — снизился на 3 %) [Согрин 2015: 139, 205], в то время как в «ревущие двадцатые» ВНП вырос на 60 %. То есть политика *laissez-faire* дала как минимум в шесть раз лучший эффект, чем интервенционизм 1930-х гг. Рузвельт не смог решить проблему безработицы: в 1929 г. она достигла 7,8 %, а в 1939 г. — 16,7 % [Anderson 1949: 488]. Государственный долг вырос с 17 до 48 млрд долл. Действие программ Рузвельта было крайне разрушительным для экономики, особенно NRA, WPA и AAA. Выход из кризиса произошел благодаря не Второй мировой войне, а сокращению доли государства после ее завершения.
3. Общество согласилось на политику централизации в период Великой депрессии, так как общественное мнение было подготовлено к этому интеллектуалами Прогрессивной эры. Они смогли убедить публику в том, что в США пришла эпоха активной роли государства. Интеллектуалы подпитывали своим авторитетом разрушительные программы Нового курса. Глорификация образа Рузвельта — во многом результат альянса Большого государства и интеллектуалов.

4. Для избежания новой Великой депрессии необходимо не только бороться с политикой этатизма, но и с общественным мнением, поддерживающим эту политику.
5. Современный итальянский экономист Энрико Коломбатто [Ков ломбатто 2016: 147–164] выделяет три периода в истории Запада: Григорианские века (1075–1648), Секулярный период (1648–1914) и Эпоха социальной ответственности (1914 — по наст. вр.). В современную эпоху «общественный договор» выглядит как обмен свободы на право поиска привилегий у государства. Хотя явно Коломбатто не упоминает гипотетического четвертого этапа, вся его схема намекает на то, что возможна «эпоха индивидуальной ответственности», когда решать экономические, социальные и этические проблемы можно будет без государства, но на основе индивидуальной ответственности; что такая эпоха является не только более прогрессивной, но и более эффективной и справедливой. Истинная задача интеллектуалов состоит в том, чтобы объяснить людям, что «государство не является средством решения наших проблем, оно само является проблемой».

В 1946 г. известный американский режиссер Фрэнк Капра выпустил в свет кинокартину «Эта замечательная жизнь». С тех пор ее принято смотреть в США в рождественский сочельник. Фильм повествует о предпринимателе, доведенном до отчаяния и самоубийства местным «пауком», который всем заправляет и строит интриги, стремясь разорить предпринимателя за счет своей власти. Этот «паук» выглядит крайне характерно и напоминает одного очень известного персонажа: передвигается он на коляске, а на коленях у него всегда плед...

Однако у «паука» ничего не получается. Ангел показывает главному герою, чем бы был мир без него. Предприниматель делает вывод о том, что может решить проблему, обратившись за помощью к жителям своего городка, а не искать спасения у «паука». Получив поддержку у людей, он понимает, кто в городе действительно важный человек.

Так завершилась эпоха Рузвельта и началась другая эпоха.

Глава 5

Эпоха «социального государства» в США: от завершения Второй мировой войны до Рейгана (1945–1980)

Те, кто в основном отказываются от свободы ради покупки временной безопасности, не заслуживают ни свободы, ни безопасности.

Бенджамин Франклин
[Votes and Proceedings... 1756: 20]

Период с 1945 по 1980 г. в США принято считать периодом *welfare state*¹, так как за это время принципиально изменилась экономическая политика. Если до начала Первой мировой войны в США в основном проводилась политика *laissez-faire*, не было федерального подоходного налога и центрального банка, то период Нового курса считают примером беспрецедентного расширения масштабов государственного вмешательства в экономику. Но поскольку такой эксперимент проводился в период Великой депрессии и Второй мировой войны, предполагалось, что интервенционизм обусловлен экстраординарными обстоятельствами кризиса и войны, а когда наступят мирные времена, Америка вернется к принципам экономической свободы и индивидуализма. Однако идеологический сдвиг в сторону этатизма, произошедший в 1930-е гг., привел к появлению убеждения, что модель активного государственного вмешательства должна быть перенесена и на мирное время². В Великобритании это произошло сразу же

¹ В англоязычной литературе устоялся термин *welfare state*, в русском языке нет общепринятого перевода. В советские годы его переводили как «государство всеобщего благосостояния». В этой работе мы используем перевод «социальное государство» либо термин на английском языке.

² После завершения Второй мировой войны Мизес в 1947 г. писал: «К несчастью, с плодами плановой экономики можно также ознакомиться и здесь, в США. Несбалансированные бюджеты, дефицитное финансирование, низ-

после завершения Второй мировой войны³ благодаря правительству Клемента Эттли, национализировавшего ключевые отрасли британской экономики. В США ситуация была иной. Америка вступила в холодную войну на стороне защитницы капитализма. Политика Дуайта Эйзенхауэра дала импульс к бурному росту экономики. Однако на его смену пришли политики, убежденные в необходимости расширения «нового фронтира» (Джон Кеннеди) и строительства «Великого общества» (Линдон Джонсон).

В глазах таких современных политиков-демократов, как Берни Сандерс и Джозеф Байден, период «социального государства» был примером того, как свобода и благосостояние совмещаются с активной ролью государства в экономике. Если немецкие исследователи обнаружили такое явление, как «остальгия» [Абэ 2017], на территории бывшего ГДР, то в США это ностальгия по явно идеализированному периоду *welfare state*. Американцы полагают, что данный период был периодом социальной гармонии, солидарности, защищенности и процветания. Все это, на их взгляд, обеспечивалось активной ролью

кие процентные ставки и всевозможные регламентации вызывают здесь не-поддельный энтузиазм. От тех, кто осмеливается возражать, просто отмахиваются как от «консерваторов и реакционеров» [Хюльсманн 2013: 601].

³ В Великобритании у многих были социалистические взгляды, популярные во время войны. В марте 1941 г., прежде чем отправиться с бомбардировкой в Германию, пилот Уитни Стрейт, служивший в британских королевских военно-воздушных силах, написал письмо своему брату-коммунисту, одновременно работающему шпионом в советской разведке. Как и многие информированные люди в то время, Стрейт знал, что поражение Германии было лишь вопросом времени. В своем письме Стрейт поделился волнением по поводу «социалистического потенциала» кампании бомбардировок против Германии и, как это ни странно звучит, по поводу возможностей, созданных немецкой бомбардировкой Лондона: «Мы уничтожали немцев в воздухе днем и в ближайшее время будем делать то же самое ночью. Последняя бомбейка была не очень удачной, но продолжение будет, я убежден, забавным. Лондон будет самым лучшим, самым эффективным, самым красивым городом в мире, запомни мои слова. Мы также увидим очень хорошую социальную систему. Война — отличный уравнитель, и люди захотят, чтобы мир оставался таким же и после войны. У нас будет действительно социалистическое государство» [Straight 1983: 146].

профсоюзов, высокими прогрессивными ставками налогообложения, социальными программами и государственным регулированием медицины и образования. Если капитализм *laissez-faire* — это жестокая атомизированная система эгоизма и вражды, то *welfare state* — общество, где государство заботится о людях и нуждах «от колыбели до могилы». Не зря в глазах современных сторонников *welfare state* желательная политика — это возрождение практик Франклина Рузельта и проведение «Нового Нового курса». Ностальгия по американскому «социализму» 1960–1970-х гг. передалась и молодому поколению политиков, таких как Окасио-Кортес (р. 1989).

Когда в 1948 г. Гарри Трумэн предложил конгрессу новые программы в стиле Нового курса Рузельта, он получил отказ в выделении новых средств [Ротунда 2016]. Напротив, американцы поддер-живали политику сворачивания рузельтовских программ, которые порядком всем поднадоели. Именно опыт существования в условиях «алфавитных агентств» Рузельта породил переход в лагерь свободного рынка таких его лидеров во второй половине XX в., как Милтон Фридман и Рональд Рейган. Последнему суждено было стать символом торжества «неолиберализма» и заката «социального государства». Факты говорят о том, что, хотя риторика Рейгана была направлена на сокращение размеров государства, фактически его политика привела к увеличению доли государственных расходов в ВВП. Тем не менее факты также говорят о том, что модель *welfare state* была создана задолго до Рейгана. С 1949 по 1979 г. расходы на оборону увеличились в десять раз (с 11,5 млрд долл. до 114,5 млрд долл.), но остались на уровне 4–5 % ВВП. Социальные же расходы выросли в 25 раз (с 10 млрд долл. до 259 млрд долл.). Их часть в бюджете составила более 50 % [Джонсон 1995: 243].

Модель *welfare state* подразумевает, что одна часть общества обеспечивает за счет государственного принуждения «достойную жизнь» другой части общества. Проблема в том, что если вначале 10 % должны обеспечить 90 % достойную жизнь, то все захотят этим воспользоваться. Это приведет к тому, что через какое-то время 50 % будут обеспечивать 50 %. В итоге это может привести к тому, что 100 % населения живет за счет 100 % населения. Тем самым произойдет выполнение формулы Фредерик Бастия [Бастия 2006а: 88–106], где государство — это фикция, посредством которой все люди пытаются

жить за счет всех. Эта ситуация в теории общественного выбора называется «полным рассеиванием ренты». Именно такой сценарий был реализован в период 1945–1980 гг., когда пытались осуществить модель «холодного» социализма, об опасностях которого предупреждал Хайек [Wapshot 2011]. Если в 1930–1940-е гг. мир был увлечен идеями централизованного планирования и национализации средств производства, то после Второй мировой войны Запад переключился на другую — «холодную» — версию социализма, где государство активно регулирует экономику и перераспределяет больше 50 % ВВП. Однако Хайек предупреждал о том, что хотя иными, более окольными путями, но этот «холодный» социализм также ведет в тупик, на что, правда, требуется больше времени. В США на осознание этого потребовалось 35 лет.

Как пишет Р. Капелюшников: «Привычка к зависимости от государства, утрата предпринимательского духа, ослабление личной инициативы и ответственности в какой-то момент могут подтолкнуть к настолько кардинальным изменениям политической системы, что “холодный” социализм станет мало отличим от горячего» [Капелюшников 2016: 33].

К 1979 г. эту идею поняли и простые граждане США. Обычные прохожие в Нью-Йорке на вопрос о том, какова проблема американской экономики, отвечали: «Слишком много бюрократии»⁴.

Два периода в истории послевоенной экономики США

Ошибочно полагать, что период с 1945 по 1980 г. был гомогенным с точки зрения экономической политики и может быть назван одним термином «социальное государство». По существу, можно выделить два периода в рамках этого отрезка времени: 1) 1945–1960 гг. — период рыночных реформ и 2) 1960–1980 гг. — период собственно «социального государства».

Источником феноменального экономического роста было беспрецедентное снижение государственных расходов. Конгресс резко

⁴ См. видеозапись серии интервью в Нью-Йорке в 1979 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UiMus1FJb9w> (дата обращения: 01.12.2022).

сократил государственные расходы: с 44 % от ВВП в 1944 г. до 8,9 % в 1947 г., что стало источником роста инвестиций, потребления и предпринимательской активности [Усанов 2017].

Были проведены важнейшие для экономического роста рыночные реформы: снижение налогов и государственных расходов, сокращение государственного долга, свертывание программ Нового курса, снижение таможенных пошлин, стабилизация денежного обращения за счет возвращения, пускай и в значительно усеченнем масштабе, к золотому стандарту на Бреттон-Вудской конференции 1944 г.

Все эти меры вызвали волну инноваций, изменивших повседневную жизнь простых американцев и потребителей их продукции во всем мире. «В среднем с 1946 по 1973 г. экономика США росла на 3,8 % ежегодно, а реальный доход домохозяйств — на 2,1 %, сельское хозяйство испытывало резкий подъем: с 1945 по 1960 г. производительность росла ежегодно в среднем на 4 %, в то время как с 1835 по 1935 г. — всего на 1 %. То есть производительность росла в четыре раза быстрее, чем в предшествующий период. Таковы следствия проведения политики рыночных реформ в США» [Гринспен, Булдридж 2020: 314].

Кроме того, «США снизили тарифы на облагаемый пошлинами импорт в среднем с 33 % в 1944 г. до 13 % всего шесть лет спустя. Доля США в мировой торговле промышленными товарами выросла с 10 % в 1933 г. до 29 % в 1953 г.» [там же: 318].

За этот период стали внедрены инновации, которые сделали жизнь миллиардов человек гораздо комфортнее: в 1947 г. была изобретена микроволновая печь, в 1949 г. изобретены пеленки одноразового использования, в 1956 г. — пульт дистанционного управления, в 1959 г. была создана знаменитая кукла «Барби», в 1958 г. внедрена кредитная карточка, а банкомат — в 1967 г. Следует отметить, что эти вещи были созданы и получили массовое распространение в капиталистической экономике США, все эти «блага цивилизации» были недоступны гражданину СССР и об их существовании он узнал через 30–40 лет после их изобретения, т. е. только в 1990-е гг. [Корнаи 2012a; Корнаи 2012b].

Кроме вышеперечисленных факторов, огромную роль сыграло то, что американское общество предпочло остаться в стороне от социализма. Это выгодно отличало общественно-политические настроения послевоенной Америки по сравнению с европейскими державами, где левые идеологии были сразу же опробованы после Второй мировой

войны. Так, «Великобритания, товарищ США по оружию, отметила окончание войны, проголосовав за построение Нового Иерусалима. Правительство лейбористов, победивших с огромным отрывом, национализировало ключевые предприятия, ввело систему социального обеспечения “от колыбели до могилы” и пообещало широкую программу социалистических преобразований. Национализированные отрасли задыхались от раздутых штатов и падения производительности» [Гринспен, Вулдридж 2020: 316–317]. Вместе с ростом социальных программ росли налоги и количество регулятивных мер. В результате высоких налогов дошло до того, что в 1971 г. группа «Роллинг Стоунз» решила уехать из Англии из-за высоких налогов [Адамс 2018: 515], а прославленный шведский режиссер Ингмар Бергман подвергся налоговому террору и вынужден был покинуть родину в период «социального государства» [там же: 487–488].

Хайек предсказывал эти неизбежные следствия «холодного» социализма. Однако в момент завершения Второй мировой войны господствовали в США скорее прорыночные настроения. Не в последнюю очередь благодаря самому Хайеку.

«Дорога к рабству» Хайека стала в 1944 г. в США бестселлером⁵. Работы Дж. Стиглера, М. Фридмана, Ф. фон Хайека и Айн Рэнд заложили фундамент антиэтатизма в США [Бернс 2020].

На момент завершения войны «к коммунизму у американцев было крайне прохладное отношение. В Европе коммунисты получили 26 % голосов во Франции, 23,5 % — в Финляндии, 19,5 % — в Исландии и 19 % — в Италии. У американцев же опрос 1946 г. показал, что 67 % американцев против того, чтобы коммунисты занимали государственные должности, а опрос 1947 г. — что 61 % респондентов высказались за объявление коммунистической партии вне закона» [Гринспен, Вулдридж 2020: 317–318].

Еще одним важным фактором стабилизации международной торговли и финансов стало то, что США установили размен долларов на

⁵ В этом же 1944 г. вышла книга Карла Поппера «Открытое общество и его враги» об истоках тоталитарной идеологии от Платона до Маркса, сыгравшая важную роль в критике социализма после Второй мировой войны [Поппер 2005]. Не менее важную роль в популяризации идей Хайека сыграла книга Джорджа Оруэлла «1984», а также его критика тоталитаризма с левых позиций [Steele 2017].

золото по курсу 35 долл. за 1 тройскую унцию. В конце войны золотые резервы США были самыми большими в мире [Усанов 2019а: 68–69], что делало доллар наиболее привлекательным средством обмена в мировой экономике. Рост международной торговли в мирное время увеличил спрос на доллары США. Однако при формировании Бреттон-Вудской системы была заложена бомба замедленного действия: если США будут увеличивать количество долларов под влиянием роста спроса, то золота будет не хватать для размена фиатных денег на благородный металл. Как следствие, это приведет к оттоку золота из Форт-Нокса и краху системы. Что и произошло, как предсказывали экономисты австрийской школы, в 1971 г. [Ротбард 2008: 128–138].

Следует признать, что США в 1950-е гг. повезло с президентом Эйзенхауэром, который был убежденным сторонником рыночной экономики и свободы предпринимательства. При нем доля государственных расходов не увеличилась, социальные расходы стали расти только после него. По существу, основа американского процветания была заложена Эйзенхауэром в 1950-е гг. Как писал о нем английский историк Пол Джонсон: «Ему была противна идея превращения Америки в “социальное государство”. В сущности, он был глубоко консервативен» [Джонсон 1995: 43]. Он был не только противником роста военных расходов, но и утверждал, что «нет защиты для страны, которая уничтожает свою экономику» [там же]. Несмотря на то что Эйзенхаэр был генералом, он являлся противником милитаризации экономики и выполнил обещание не вступать в войны [Чернявский, Дубова 2015]⁶.

В 1950-е гг. росли практически все отрасли американской экономики⁷. По словам Алана Гринспена: «Свидетельства успеха тех лет по-

⁶ К сожалению, были и исключения из правила. Так, «Федеральный закон 1956 г. об автомагистралях предусматривал строительство к 1969 г. 66 000 км шоссейных дорог на общую сумму 25 млрд долл. Поставленных целей достичь не удалось: первое трансконтинентальное шоссе I-80 было закончено только в 1986 г., а южная федеральная трасса I-10 была достроена только в 1990 г. Между 1958 и 1991 гг. на строительство этих систем федеральное правительство и власти штатов затратили почти 429 млрд долл.» [Гринспен, Вулдридж 2020: 326].

⁷ Росла численность населения, причем активнее всего за пределами крупных городов. «Более 80 % роста населения в 1950-е и 1960-е гг. пришлось

трясают. К 1960 г. средняя американская семья была на 30 % богаче, чем в 1950 г. Более 60 % людей владели собственными домами. Четверть домов в США были построены за предыдущие 10 лет. Было ощущение, что 1960-е превзойдут даже эти показатели. Между 1960 и 1965 гг. реальный ВВП вырос на 28 %» [Гринспен, Вулдридж 2020: 339]. Испытала бурный рост и отрасль авиаперевозок: «Количество пассажиров воздушных путей также выросло. Стоимость перелета по отношению к остальным товарам с 1940 по 1950 г. упала на 8 %, с 1950 по 1960 г. — на 4,5 %, с 1960 по 1980 г. — на 2,8 %, а затем стабилизировалась, хотя качество этих перевозок в 1980–2014 гг. падало. Количество пассажиромиль в авиатранспорте с 1940 по 1950 г.росло на 24,4 % ежегодно, с 1950 по 1960 г. — на 14,3 % ежегодно, с 1960 по 1980 г. — на 9,9 % ежегодно» [там же: 327].

Не все были восхищены небывалыми успехами экономического роста. Появились моралисты, осуждающие американцев за склонность к шопингу: «Экономика показывала настолько блестящие результаты, что издатели выпустили целую серию бестселлеров, оплакивающих проблему изобилия. Они обвиняли американцев в конформизме, консьюмеризме, в том, что они стали винтиками в корпоративной машине. «Общество изобилия» Джона Гэлбрейта [Гэлбрейт 2018] обвиняло их в удовлетворении своих желаний «с безрассудной легкостью» [Гринспен, Вулдридж 2020: 336].

Самым ярким свидетельством консьюмеризма, который делал американцев независимыми от политических баталий, является эпизод, связанный с инаугурацией президента Эйзенхауэра. «19 января 1953 г. транслировали эпизод комедийного сериала “Я люблю Люси”, в котором главная героиня должна была родить (одновременно с актрисой Люсиль Болл); 68,8 % телезрителей страны сидели у телевизоров — это было гораздо больше, чем на следующий день, когда показывали церемонию инаугурации Дуайта Эйзенхауэра» [там же: 337].

Американцы не только активно передвигались по миру, они значительно увеличили спрос на современные гостиницы: «Рекламный

на пригородах» [Гринспен, Вулдридж 2020: 327]. Кроме того, об успехах экономики косвенно свидетельствует то, что «доля американцев, родившихся за рубежом, упала с 6,9 % в 1950 г. до 4,7 % в 1970 г. — наименьшего значения в истории Америки» [там же: 338].

слоган Holiday Inn гласил: “Лучший сюрприз — отсутствие сюрпризов”. Золотая эра американского роста стала и эпохой стирания этнических различий (по крайней мере в отношении иммиграции) и бурного развития американства» [там же: 337].

Американцы всегда были одержимы созданием системы образования. Они активно открывали университеты уже после Войны за независимость. И были при этом мировые рекорды. Филантропы по-всеместно стремились создать университет, который был бы центром мировой науки и образования.

Но по-настоящему массовым образование в США стало только после Второй мировой войны. Это привело к формированию слоя людей, которые были высокообразованными и амбициозными, но при этом слабо представляли себе то, как устроена жизнь. Естественная для интеллектуалов вера в разум приводила их к рационалистическому убеждению, что общество нуждается в реформировании на социалистических началах [Хайек 2003].

«Послевоенная Америка возглавила создание экономики знаний. Американское высшее образование было и доступным, и качественным — это стало его уникальной чертой. Доля людей в возрасте от 18 до 24 лет, получавших высшее образование, выросла с 9,1 % в 1939 г. до 15,2 % в 1949 г., 23,8 % в 1959 г. и 35 % в 1969 г [Гринспен, Вулдридж 2020: 321]. Среди них были и те, что получили в стенах антикапиталистическую закваску. «Вдохновляющий доклад Комиссии по политике в области образования, опубликованный в 1951 г., призывал американцев “направлять больше экономических ресурсов в обучение талантливых людей”» [там же: 322].

Массовое высшее образование, особенно в социальных и гуманитарных науках, привело к тому, что университеты стали рассадниками антикапиталистической ментальности — не случайно волнения в 1968 г. произошли именно в университетах. Однако задолго до этого интеллектуальный климат в США изменился. Интеллектуалы и политики были убеждены в том, что «великий спор между социализмом и капитализмом завершен», теперь речь должна идти о том, как именно государство должно регулировать экономику. Гэлбрейт [Травин, Маргания 2011: 517–530] провозгласил «Всеобщее изобилие» за счет конвергенции двух систем: социализма и капитализма [Гэлбрейт 2004]. Кейнсианцы стали основными проводниками политики

тики интервенционизма. Сциентистская гордыня породила убеждение в том, что с помощью манипуляций с совокупным спросом и кривой Филлипса можно технократическим путем обеспечить непрерывный рост благосостояния.

История повторяется дважды: на этот раз рационалистический конструктивизм и сциентистская гордыня привели не к тоталитарному обществу, а к «холодному» социализму. «Головокружение от успехов» породило то, что политики сыпали обещаниями («пушки и масло»), которые были попросту невыполнимы, в то же время рабочие требовали повышения зарплат независимо от роста производительности, а кейнсианцы обещали постоянный рост экономики за счет инструментов монетарной и фискальной политики [Хансен 2006].

Джон Кеннеди был тем президентом, который призвал двигаться в сторону «нового фронтира». Он смог лишь сделать первые шаги, его последователи пошли дальше. Кеннеди ввел так много республиканцев в свой кабинет, что Уолтер Липпман (1889–1974) не удержался от язвительного замечания о том, что «это была администрация Эйзенхауэра, только на 30 лет моложе» [Гринспен, Вуле дридж 2020: 343]. «Тем не менее Кеннеди подготовил почву для резкого роста расходов, заполнив Совет экономических консультантов при президенте учеными-кейнсианцами» [там же: 343]. «Советники предупредили, что главная проблема страны состоит в том, что Министерство финансов собирает слишком много денег. Большой профицит федерального бюджета может вызвать дефляцию и задержку экономического роста — явление, известное как “фискальный тормоз”. И правительству требовалось найти способы, как потратить деньги» [там же: 343–344].

Когда главная проблема состоит в том, чтобы придумать, как потратить деньги, которых «слишком много», — жди беды. Скоро этой проблемы не будет, так как нечего будет тратить.

Welfare state: свойства и причины возникновения

Если для капитализма свободного рынка характерны верховенство права, свобода договора и предпринимательства, то модель *welfare state* отличается от нее радикально, она подразумевает четыре основных свойства:

1. *Сильные профсоюзы.* Именно в 1960–1970-е гг. профсоюзы растут не только по численности, но и по политическому влиянию. Они оказывают решающее воздействие на выборы, влияют на ставки заработной платы и условия договора. Усиление их роли привело к тому, что происходило увеличение заработных плат членов профсоюзов без роста производительности труда. Такая ситуация не может долго продолжаться, так как это приводит к росту цен. Однако профсоюзы на это реагировали требованиями еще большей заработной платы и осуществляли настоящий террор по отношению к не членам профсоюза. Постоянные забастовки приводили к падению выпуска продукции и росту издержек производства. Профсоюзы превратились в институт защиты не интересов рабочего класса, а в инструмент пробивания привилегий членам профсоюзов. Вплоть до того, что профсоюз обеспечивал своим членам наем их детей на работу, не давая другим членам общества занять их место⁸.
2. *Высокие налоги.* Прежде всего речь идет о высоких корпоративных налогах и высоких ставках прогрессивного налогообложения. Так как государство активно перераспределяло доходы от одних групп к другим, это привело к тому, что наиболее эффективные производители должны были платить более чем пропорциональный налог. Следствием этого стало то, что производительность экономики падала. Вплоть до того, что всем стало очевидно: «цена» прогрессивного налогообложения — благосостояние всех граждан.
3. *«Бесплатное» здравоохранение и образование.* В Европе эта модель была использована гораздо последовательнее. Особенно в Швеции⁹ (см. ниже «эффект Помпериссы»). Однако и в США го-

⁸ «Профсоюзы использовали свой контроль над системой массового производства не только для того, чтобы вытеснять относительно высокую зарплату и все новые привилегии, но и для того, чтобы противостоять внедрению любых свежих идей — таких, например, как комплексное управление качеством» [Гринспен, Вулдридж 2020: 312].

⁹ В Швеции «доля государственных расходов в ВВП почти удвоилась с 1960 по 1980 г. и достигла 67 % в 1993 г. В 1950–1990-е гг. в государственном секторе появилось более миллиона новых работников, в то время как в частном секторе за тот же период — ни одного» [Гринспен, Вулдридж 2020: 493].

сударство стало гораздо активнее вмешиваться в процесс создания «общественных благ». Естественно, никакого бесплатного образования и медицины быть не может. Рост бюрократизации этих отраслей привел к тому, что они стали гораздо дороже, чем до этого. Такова цена «бесплатности» в исполнении государства. Скупой, как известно, платит дважды¹⁰.

4. *Кейнсианская настройка экономики.* Если рост налоговой нагрузки приводит к замедлению экономики, то кейнсианский рецепт состоит в том, чтобы влить в экономику побольше денег. За счет таких манипуляций экономисты-кейнсианцы обещали обеспечить стабильный рост экономики, низкую инфляцию, высокие налоги и государственные расходы при полной занятости. Фактически же их политика привела к росту безработицы, инфляции и экономическому спаду.

После президентства Эйзенхауэра¹¹ [Johnson 1997: 852–858] к власти пришло новое поколение политиков, не прошедшее через опыт работы

¹⁰ В 1965 г. Конгресс принял программы Medicare и Medicaid. В период с 1966 по 1980 г. Medicare предоставила медицинскую страховку примерно 20 млн пожилых людей. К 1980 г. Medicaid охватывала около 12 млн бедных людей. За последние 55 лет США потратили почти 2 трлн долл. в год (в долларах 2012 г.). Эти расходы банкротят страну, они составляют основную долю в 16-триллионном государственном долге (за счет расходов на Medicare, Medicaid и Social security). Здравоохранение также является барьером номер один для глобальной конкурентоспособности США (согласно Эдварду Демингу) и становится крупнейшим источником финансовых неприятностей и личных банкротств. «Кризис дороговизны здравоохранения» в США начался в 1965 г. Правительство увеличило спрос на врачей, введя в действие программы Medicare и Medicaid, одновременно ограничив предложение врачей и больниц. Цены на здравоохранение росли в два раза быстрее, чем инфляция. (URL: <https://mises.org/wire/how-government-regulations-made-healthcare-so-expensive>; дата обращения: 01.12.2022.)

¹¹ Эйзенхауэр выполнил обещание завершить войну. Следует отметить, что Корейская война 1950–1953 гг. способствовала росту государственных расходов и инфляции [Фридман 2007]. Однако самым пагубным следствием стало то, что во время ее проведения ФРС опробовала механизм перекладывания инфляции на Европу, где страны использовали доллар США в качестве резервной валюты [Усанов 2019b].

в рузвельтовских агентствах. Молодой президент Джон Кеннеди (первый президент США, родившийся в XX в.), победивший на выборах в 1961 г., был настроен решительно на расширение власти государства. Главное, что он сделал для этого, состояло в том, что он наполнил Совет экономических консультантов экономистами-кейнсианцами. Роберт Солоу (р. 1924) признавался, что вместе с коллегами-интервенционистами праздновал победу: «Мы завоевали сердце президента США!»¹² Хотя Кеннеди сменил не самый молодой президент Линдон Джонсон, он был также членом Демократической партии и убежденным последователем Кеннеди в экономической политике. Джонсон стал еще более решительно совершать наступление на рыночную экономику.

В 1960-е гг. произошел поворот в экономической политике, на место убеждения в необходимости ограниченного государства пришла идея «нового фронтира» — завоевания новых «командных высот» [Yergin, Stanislaw 2002] государством.

Почему произошел поворот во внутренней американской политике? Можно выделить шесть факторов, которые способствовали этим изменениям:

1. *Естественное расширение власти государства.* Не следует забывать, что государство, являясь монополией на насилие [Wooldridge 1970], всегда стремится расширить свою власть. Так как чиновники и бюрократы являются такими же людьми, как и все остальные, они стремятся к достижению собственных целей. Поэтому нет ничего удивительного в том, что при отсутствии внешнего давления бюрократы и чиновники стремятся увеличить выделяемые им бюджеты, дискреционные полномочия и увеличить численность бюрократии. Бдительность — плата за сохранение свободы. В этот период американской истории население, увлеченное новинками рынка и ростом личного благосостояния, не замечало проблемы, которая дала о себе знать в полный рост чуть позже. Процессы, происходившие в США в 1960–1970 гг., в известном отношении противоречат теории храповика Хиггса [Хиггс 2010]. Как отмечалось в одной из предыдущих глав, Хиггс объяснял рост

¹² См. документальный фильм «Командные высоты». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8NA4cMuJLBw> (дата обращения: 01.12.2022).

государства кризисами, которыми пользуется Левиафан. В данном же случае это был период, лишенный мировых войн и великих депрессий. Однако государство постоянно увеличивало свое вмешательство, не встречая активного сопротивления. Вопросы стали появляться лишь во время Вьетнамской войны и то не сразу обрели четкую форму.

2. *Смена поколений и партии у власти.* Поколение тех, кто родился в XIX в., полностью ушло в прошлое¹³. Им на смену пришли политики-технократы, убежденные в том, что они могут попробовать вновь реализовать идеи Ф. Рузвельта, но уже с учетом развития макроэкономики после Кейнса [Де Фрей 2019]. Молодое поколение всегда считает себя умнее старшего и на первых этапах не замечает того, что ему явно не хватает опыта. Поколение Кеннеди сыграло свою роль в расширении бюрократии в США в период 1960–1970-х гг. Однако за это время выросло новое поколение, которое видело, что у них нет перспектив в экономике без экономического роста, где все места поделены между политическими лидерами и профсоюзами. В конце 1970-х гг. новое поколение жаждало перемен и видело их в свободном рынке. Хайек отмечал, что только в этот период он увидел, как возрождается вера в свободный рынок у молодого поколения.
3. *Радикализация американских университетов.* Интеллектуалы склонны не доверять процессам, которые не контролируются со знательно. Кроме того, они часто убеждены, что им нет места на свободном рынке. Интеллектуал, не получивший хорошего экономического образования, почти гарантированно будет носителем антикапиталистической ментальности. В 1960–1970-е гг. в США не только увеличивается количество студентов в университетах, на факультетах появляются свои «рок-звезды» — философы, историки, социологи, антропологи, которые взращивали в молодом поколении бунт против капиталистической системы. Здесь особую

¹³ Поколенческий подход, который используют Владимир Гельман и Дмитрий Травин в статье «“Загогулины” российской модернизации: смена поколений и траектории реформ» [Гельман, Травин 2013: 14–38], может быть применен для описания смены поколений и элит в истории США в период «социального государства».

роль сыграла Франкфуртская школа и постмодернизм [Готфрид 2009]. Социалисты на кафедрах нашли новый способ мобилизации своих сторонников — «культурный марксизм», когда место пролетариата заняли различного рода «меньшинства»: сексуальные, расовые. Они боролись с государством, требуя еще большего государства и социализма. Итогом стал глубокий моральный и экономический кризис, который предсказывала Айн Рэнд [Рэнд 2015].

4. *Снижение конкурентоспособности.* Свою роль сыграли и представители крупного бизнеса. Успехи американских товаров на мировом рынке взрастили убеждение у крупного бизнеса в своей непобедимости. Американский крупный бизнес пропустил момент, когда у него появились мощные конкуренты из других регионов: Япония, Южная Корея, Китай. Однако, начиная проигрывать, крупный бизнес вовсе не хотел терять свое положение на рынке. Поэтому многие компании, становясь неконкурентоспособными, прибегали к политическому лоббизму и защите своей отрасли от иностранных конкурентов. Они стали искать финансовую поддержку у государства. В очередной раз альянс крупного бизнеса и государства породил экономическую стагнацию¹⁴. На графике в книге Гринспена и Вулдриджа с динамикой производительности отчетливо видно, как падала производительность труда в этот период [Гринспен, Вулдридж 2020: 342].

¹⁴ В этот период были крайне популярны конгломераты: «...между 1950 и 1959 гг. 4789 промышленных и добывающих компаний, общей стоимостью активов 15,4 млрд долл., объединились в различные конгломераты. Прекрасный пример этого — история компании RCA: даже уступая конкурентам в борьбе за формирующийся рынок цветных телевизоров, она продолжала активно диверсифицироваться. Решение приобрести книгоиздателя Random House можно попытаться оправдать хотя бы тем, что это было предприятие, также занимавшееся “коммуникационным” бизнесом, чего никак нельзя сказать о поглощениях прокатной компании Hertz Rent a Car, производителя ковров Coronet Carpets, поставщика замороженных обедов Banquet Foods или компании, которая шила одежду для гольфа» [Гринспен, Вулдридж 2020: 362]. Когда снижается эффективность ведения бизнеса, монополизация за счет государства — работающая стратегия для отдельного бизнесмена. Но для всей экономики это путь к стагнации.

5. *Импорт идей из Великобритании.* Несмотря на то что США после Второй мировой войны были лидерами в науке и технике, экономические и политические концепции продолжали импортироваться из Великобритании. Факультеты и кафедры переносили на американскую почву идеи англичанина Джона Мейнарда Кейнса [Скидельски 2005] и его последователей-англичан Джона Хикса и Лайонела Роббинса, которые были убеждены в благотворности его методов и в мирное время. Особую роль в этом процессе сыграл Джон Кеннет Гэлбрейт [Гэлбрейт 2004]. Он сам считал, что смог экспорттировать идеи Кейнса в США. Самые известные книги Гэлбрейта, вышедшие в 1960-х гг., становились бестселлерами и принимались на ура такими экономистами-технократами США, как Пол Самуэльсон.
6. *Сциентистская гордыня кейнсианцев.* Некритическое перенесение методов естественных наук в науки о человеческой деятельности Хайек называл сциентизмом [Хайек 2003]. За образец бралась физика, и все, кто не принимал методов физики в социальных науках, клеймились как идеологи и псевдоученые. Экономические факультеты университетов были заражены подражанием факультетам физики. Экономику видели как огромную машину, где эксперты играют роль регулировщиков цен, объемов производства, потребления и инвестиций. Так кейнсианцы очень просто объясняли, что нужно делать в период рецессии. Отрицательный наклон кривой Филлипса показывает, что для обеспечения полной занятости нужно увеличить денежную массу. Это вызовет рост экономики и купирует проблему безработицы. 1970-е гг. полностью опровергли убеждение, что есть отрицательная связь между инфляцией и безработицей. Сциентистская гордыня экономистов-кейнсианцев породила, пожалуй, больше бед для американской экономики, чем остальные причины.

Американский MONIAC

В период наибольшей популярности идей сциентизма, кривой Филлипса и кейнсианского дирижизма была разработана машина MONIAC (Monetary National Income Analogue Computer), моделирующая поведение экономики.

Ее технико-экономические характеристики можно найти в «Википедии»: «Размер MONIAC составлял примерно 2 м в высоту, 1,2 м в ширину и почти 1 м в глубину. Сам MONIAC состоял из ряда прозрачных пластиковых емкостей и труб, которые крепились к деревянной доске. Каждый бак представлял какой-либо аспект национальной экономики. Денежный поток демонстрировался цветной водой. В верхней части доски был большой резервуар, который назывался *казнью*. Вода (представляющая деньги) протекала из *казны* в другие резервуары, представляющие различные способы расхода денег. Например, были баки, которые «отвечали» за здравоохранение и образование. Для увеличения расходов на здравоохранение следовало открыть кран для слива воды из казны в бак, который «олицетворял» расходы на здравоохранение¹⁵. Далее вода текла в другие баки, представляющие другие взаимодействия в экономике. Вода могла закачиваться обратно в казну из некоторых баков, представлявших налоги. Изменения налоговых ставок были смоделированы путем увеличения или уменьшения мощности насоса. С помощью тех же принципов моделировались сбережения и доход от инвестиций. Расход воды автоматически контролировался через серию поплавков, противовесов, электродов и проводов. Когда уровень воды в баке достигал определенного уровня, включались соответствующие насосы. Экономические показатели (например, налоговые ставки и инвестиционный курс) вводились установкой клапанов, которые контролировали поток воды в компьютере. MONIAC предназначался для использования в качестве учебного пособия. Наблюдая за работой MONIAC, студенты могли гораздо проще понять взаимосвязанные процессы в экономике. Для создания прототипа компьютера Филлипс собирал различные материалы, в том числе обломки, оставшиеся после войны, и части от старых бомбардировщиков. Так бомбардировщики позволили создать MONIAC.

Терри Пратчетт (1948–2015) в романе «Делай деньги» описывает аналогичное устройство в качестве основного пункта сюжета. Однако устройство может не только использоваться для имитации экономики, но и магическим образом влиять на нее»¹⁶.

¹⁵ Возможно, это хорошо иллюстрирует, куда в действительно уходили средства налогоплательщиков.

¹⁶ URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/MONIAC> (дата обращения: 01.12.2022).

Экономическое образование после Второй мировой войны взращивало экономистов-технократов, смотрящих на экономику как MONIAC. Доверие к экспертам, которые правильно настроят экономику, породило запрос на имплементацию этих идей в политику. Следствия были катастрофическими. «Машина» сломалась и породила стагфляцию. Пришлось выбросить ее на помойку и вспомнить о том, что экономика устроена гораздо сложнее, чем те объекты, что исследуют математика и физика. Вера в магию науки ничем не лучше веры в обычную магию.

Последствия пагубной самонадеянности¹⁷

Главный закон экономики — редкость ресурсов, на всех всего не хватит. Главный урок политики — игнорирование главного закона экономики.

Томас Соуэлл [Соуэлл 2022: 12]

Все мы теперь кейнсианцы.

Ричард Никсон [Соуэлл 2022: 610]¹⁸

Попытка реализовать принципы *welfare state* — это попытка создать экономику, игнорируя законы экономики. Поэтому последствия таких попыток были неизбежны.

Президент Линдон Джонсон, провозгласивший создание в США «Великого общества», не скучился на рост государственных расходов и программ. В частности, он «ввел в действие Закон об общественном вещании, Закон о добросовестной упаковке и маркировке, Закон о безопасности на дорогах» [Гринспен, Вулдридж 2020: 344]. Про него говорили его подчиненные, что «он принимает программы так, как ребенок ест шоколадное печенье» [там же: 344]. Сам же Джонсон был полон решимости не меньше, чем Ф. Рузвельт: «Я сыт по горло теми,

¹⁷ См. классическую работу Хайека «Пагубная самонадеянность» [Хайек 1992].

¹⁸ Фразу также приписывают американскому экономисту Милтону Фридману.

кто говорит о том, что мы что-то не можем сделать. Черт, да мы — богатейшая страна в мире, самая сильная страна. Мы можем всё!» [там же: 344]. Он это и делал: «...когда низкая процентная ставка разогнала инфляцию, Линдон Джонсон “наказал” поднявшие цены алюминиевые компании, выбросив на рынок часть государственных запасов, наказал производителей меди, ограничив ее экспорт, наказал даже производителей яиц, заставив главного санитарного врача выпустить предостережение об опасном для здоровья холестерине, содержащемся в яйцах» [там же: 345]. Дирижистский суд было нечем унять. Дошло дело и до медицины: «...в начале 1966 г. чиновники, отвечающие за федеральный бюджет, предсказывали, что Medicaid обойдется мэры нее чем в 400 млн долл. в рамках федерального фискального 1967 г. На деле он стоил почти миллиард. Стоимость дня в больнице, поднимавшаяся на 6,4 % в год с 1961 по 1965 г., в 1967 г. выросла на 16,6 %, в 1968 г. — на 15,4 %, в 1969 г. — на 14,5 %. Государственные затраты на помочь семьям с детьми-иждивенцами взлетели с почти нулевой отметки в 1962 г. до 392 млн долл. в 1967 г.» [там же: 346].

Благодаря политике *welfare state* «в 1971 г. США впервые с 1893 г. получили отрицательный торговый баланс. В 1974 г. инфляция составила рекордные 11 %. Рынок акций закончил десятилетие на том же уровне, с которого начинал. За 13 лет (с 1960 по 1973 г.) почасовая производительность в американском частном секторе выросла на 51 %. За 13 лет (с 1973 по 1986 г.) ее рост замедлился более чем вдвое» [там же: 341].

Политика интервенционизма периода «социального государства» породила немало проблем:

1. *Рост бюрократии.* В период «социального государства» создавались либо получили значительный рост множество комитетов, которые регулировали авиаперевозки, торговлю между штатами, стандарты продукции. Как следствие, количество бюрократических ведомств и их сотрудников становилось гигантским и неподъемным даже для самой мощной экономики мира. Это не только увеличивало нагрузку на бизнес, но и давало стимулы вместо создания благ для потребителей заниматься «поиском ренты» [Таллок 2011]. Бюрократизация экономики стала совершенно очевидной для всех проблемой в конце 1970-х гг.
2. *Рост цен.* Увеличение издержек производства, а также бюрократизация экономики неизбежно приводят к сокращению реальных

доходов за счет роста инфляции. В 1970-е гг. на это наложилось значительное увеличение цен на нефть странами экспортерами нефти. Однако этот внешний шок лишь усилил те тенденции, которые стали характерными с 1971 г., когда Никсон отказался от размена долларов на золото. С этого момента начался значительный рост денежной массы, который продолжается и сейчас [Усанов 2019b].

3. *Безработица.* Предполагалось, что государство за счет кейнсианских инструментов не допустит роста безработицы. Однако в 1970-е гг. одновременно росли и инфляция, и безработица. Хайек в 1974 г. [Хайек 2011: 363–377] объяснял, что, скорее, кривая Филлипса имеет положительный наклон. Инфляция разрушает цено-вые сигналы, которые устанавливает рынок, что приводит к ошибочному распределению ресурсов в экономике. В частности, это ведет к тому, что благодаря инфляции люди не могут найти работу на рынке, так как аллокация ресурсов нарушена благодаря разрушению рынка как информационной системы.
4. *Дефицит как следствие регулирования цен.* Никсон отреагировал на рост цен введением предельных цен. Это не решило проблему доступности благ, но породило гигантские очереди, в том числе в бензозаправки. Люди часами вынуждены были ждать свою очередь. То же самое было и на рынке недвижимости, где регулирование цен порождало дефицит жилья.
5. *Крах Бреттон-Вудской системы.* «Социальное государство» требовало роста государственных расходов и денежной массы. Это приводило к тому, что доллар все меньше обеспечивался золотом, которое хранилось в Форт-Ноксе. В 1968 г. Франция решила обменять доллары на золото и послала для этого военный крейсер в США. Если бы не решение Никсона приостановить размен долларов на золото, США лишились бы всех золотых резервов. Крах Бреттон-Вудской системы окончательно разрушил сдерживающие механизмы, не позволявшие центральному банку бесконтрольно эмитировать новые доллары.

Все эти факторы наложились друг на друга в конце 1970-х гг. и вызвали «идеальный шторм». Произошло «полное рассеивание ренты», которое предсказывала Айн Рэнд в романе «Атлант расправил плечи» [Рэнд 2015] и которое описал в статье Брайан Каплан [Каплан 2008: 197–206].

Хорошой иллюстрацией этого является тот факт, что в 1975 г. город Нью-Йорк фактически признал себя банкротом. Лишь помощь федерального правительства спасла его, президент Джеральд Форд все же выделил необходимую для этого сумму. Однако кто же спасет само федеральное правительство?

Таковы были последствия политики государственного регулирования.

Рождение «неолиберализма»

Хотя термин «неолиберализм» возник в 1930-е гг. в кругу Хайека и имел вполне определенный смысл — возрождение принципов классического либерализма, тем не менее сегодня он носит в основном ругательный характер [Стедмен-Джоунз 2020].

Попытка разработать новую версию классического либерализма в рамках этого движения не удалась. Однако поиски, перенесенные на территорию США, породили мощное интеллектуальное движение — либертиарянство. В табл. 3 перечислены лишь наиболее важные и известные представители данного направления, внесшие существенный вклад в либертарную теорию.

В период «социального государства» и интервенционизма сторонникам классического либерализма пришлось вырабатывать новую стратегию. Было понятно, что решить проблему в краткосрочном периоде совершенно невозможно. Нужно менять общественное мнение, что происходит не так быстро и требует иных инструментов по сравнению с политической борьбой. Когда «30-летний предприниматель и боевой летчик-истребитель Энтони Фишер¹⁹, служивший в конце войны в центре по подготовке пилотов, прочитал сокращенный вариант “Дороги к рабству” по пути в Лондон, он сразу же разыскал Хайека в Лондонской школе экономики, чтобы встретиться и поговорить. По воспоминаниям самого Фишера, между ними состоялся такой обмен репликами:

¹⁹ Фишер был успешным предпринимателем: выращивая куриц, он «сделал больше для того, чтобы курица оказалась в кастрюле каждой семьи, чем любой король или политик» [Стедмен-Джоунз 2020: 205].

Фишер: Я разделяю выраженные Вами в “Дороге к рабству” беспокойство и озабоченность, поэтому иду в политику, чтобы все исправить.

Хайек: Нет! Направление развития общества можно изменить только путем изменения идей. Прежде всего с помощью разумных аргументов необходимо завоевать умы интеллектуалов, учителей и писателей. А уже их влияние на общество обеспечит торжество этих идей, и политики последуют» [там же: 205].

Послушав Хайека, Фишер стал филантропом и учредил Институт экономических дел, сыгравший огромную роль в распространении идей свободного рынка. В последующие годы были созданы другие фонды, ставившие схожие задачи.

Таблица 3. Оппоненты «социального государства»

Вклад	Представители	Содержание
Объективизм	Айн Рэнд (1905–1982), Натаниэль Брэнден (1930–2014), Леонард Пейкофф (р. 1933)	Обоснование индивидуализма и радикального капитализма
Теория общественного выбора и конституционная политическая экономия	Джеймс Бьюкенен (1919–2013), Гордон Таллок (1922–2014)	Исследование «провалов государства» и необходимости конституционных ограничений на размер государственных расходов
Австрийская школа	Людвиг фон Мизес (1881–1973), Фридрих фон Хайек (1899–1992)	Теория интервенционизма и капитализма
Анархо-капитализм	Мюррей Ротбард (1926–1995)	Модель безгосударственной экономики
Экономика и право	Бруно Леони (1913–1967)	Право как пример «спонтанного порядка», не нуждающегося в государстве
Институциональная теория государства	Мансур Олсон (1932–1998)	Рассмотрение деятельности государства как «стационарного бандита»

Источник: Таблица составлена автором на основе материалов этой главы.

Верность данной стратегии подтвердил Рональд Рейган. Он признавался в 1983 г.: «Историки, которые хотят понять события второй

половины XX века, должны будут обратить внимание на такие собрания, как это (в фонде “Наследие” в 1983 г. — П. У.)» [там же: 177].

Нужны были новые идеи, которые позволили бы преодолеть кризис и возродить идеи свободного рынка и индивидуализма. Как писал Хайек: «Чтобы старые истины сохраняли свое влияние на людские умы, их нужно формулировать заново, используя язык и понятия очередного поколения. Некогда яркие выражения постепенно изнашиваются и утрачивают конкретное значение. Стоящие за ними идеи могут оставаться такими же актуальными, как и прежде, но слова — даже если они описывают все еще существующие проблемы — утрачивают былую убедительность» [Хайек 2018: 15]. Новые разделы экономической теории были призваны это сделать. Так, появление конституционной политической экономии неразрывно связано с созданием Бьюкененом и Таллоком нового раздела экономической теории — теории общественного выбора, который подразумевал исследование политических процессов с помощью инструментария экономической теории. Само появление теории общественного выбора связано с доминированием интервенционистской экономики благосостояния, которую разработал Артур Пигу [Пигу 1985]. Основная идея экономики благосостояния сон стояла в том, что только рынки с совершенной конкуренцией обеспечивают оптимальное распределение ресурсов. Реальные рынки характеризуются тем, что они не обладают свойствами модели совершенной конкуренции. Это стали называть «провалами рынка» [Ледьярд 2004: 501]. Каждый такой «провал рынка» должен рассматриваться как повод к государственному вмешательству либо за счет «налога Пигу», либо за счет «субсидии Пигу». При этом упускается из внимания тот факт, что существуют «провалы государства», которые, если мы их будем учитывать, могут привести нас к выводу, что «провалы рынка» порождают гораздо менее болезненные последствия, чем «провалы государства»²⁰ [Усанов 2017].

В 1957 г. вышла в свет книга Энтони Даунса «Экономическая теория демократии» [Downes 1957], от даты публикации которой при-

²⁰ Уэрта де Сото разработал теорию динамической эффективности, позволяющую преодолеть статический характер неоклассической теории [Уэрта де Сото 2011].

нято отсчитывать рождение теории общественного выбора. Следует отметить, что в этом же году вышла в свет и книга Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» [Рэнд 2015], которая была яростной атакой на дока трину колlettivизма, вызвав колоссальные изменения в общественном сознании в отношении оценки капитализма и социализма, и способствовала возрождению популярности идей свободного рынка.

Позже выходят классические работы Бьюкенена «Расчет согласия» и «Границы свободы: между анархией и Левиафаном» [Бьюкенен 1997], в которых автор закладывает основы теории «провалов государства»²¹. Тем самым теория общественного выбора возвращает экономическую теорию к периоду, когда недоверие к государственной экономической политике было повсеместным²², а взгляд на политиков как на максимизаторов собственной выгоды — как естественный и очевидный²³. В 1986 г. Бьюкенен получает Нобелевскую премию по экономике. Пожалуй, это период наибольшего расцвета теории общественного выбора.

²¹ «Концепция общественного выбора предлагает “теорию провалов государства”, вполне сравнимую с “теорией провалов рынка”, возникшей на основе экономической теории благосостояния 1930-х и 1940-х гг.» [Бьюкенен 2004: 418].

²² Однако в условиях всеобщего избирательного права недоверие к государству очень сложно конвертировать в соответствующие политические перемены. Сама демократия может быть авторитарной: «Демократия вполне может быть тоталитарной, и легко себе представить авторитарное правительство, придерживающееся либеральных принципов» [Хайек 2018: 134]. Поэтому вопрос о способах реформирования общества становится гораздо сложнее, чем в XIX в.

²³ Отсюда следует необходимость ограничить естественную склонность у бюрократии к саморасширению, что можно попытаться осуществить за счет конституционной реформы. Бьюкенен писал: «Мне кажется очевидным, что перспективы любой реформы или улучшения должны находиться в замысле и устройстве эффективных конституционных ограничений на государственное управление» [Buchanan, Musgrave 2000: 110]. Бьюкенен полностью согласен в этом вопросе с Хайеком: «Убеждение, что демократическая процедура позволит отказаться от всех других ограничений, сдерживающих правительенную власть, оказалось трагической иллюзией» [Хайек 2006: 327]. И приходит к выводу: «...возможность выбирать своих правителей не гарантирует свободы» [Хайек 2018: 33]. Этот вывод крайне был актуален в период «социального государства». Таким он остается и сейчас.

Сова Минервы начинает свой полет в сумерках

Хотя эпоха «социального государства» была мрачным периодом для политики свободного рынка, тем не менее это был «золотой век» либертарианской теории. Именно тогда появились самые значимые элементы того, что Владимир Золоторев назвал «либертарианским борщом»²⁴. В 1949 г. вышел в свет главный труд Мизеса «Человеческая деятельность» [Мизес 2012d], его переиздания в 1960-х гг. и новые книги сформировали либертарианскоекомьюнити в США [Хюльсманн 2013]. В 1950–1970-х гг. были написаны главные работы представителей теории общественного выбора и конституционной политической экономии — Бьюкенена и Таллока [Бьюкенен 1997; Таллок 2011]. В этот же период были написаны наиболее важные работы Ротбарда [Rothbard 2009; Ротбард 2010], закладывающие ось новы для теории анархо-капитализма. Тогда же Хайек получил Нобелевскую премию по экономике и опубликовал революционную для своего времени книгу о том, что свободный рынок может лучше государства решить проблему денежного обращения [Хайек 1996]. Уолтер Блок [Блок 2011] написал свой наиболее известный труд «Овцы в волчьих шкурах» также в этот период. Самый известный учебник Пола Хейне «Экономический образ мышления» вышел в свет в 1973 г. [Heyne 1973].

Отдельно необходимо рассмотреть движение объективизма. Айн Рэнд в 1957 г. опубликовала свой знаменитый роман «Атлант расправил плечи» также в период «золотого века либертарианской теории» и тогда же выпустила ряд философских книг и сборников эссе в защиту капитализма.

Рэнд становилась все более популярной, благодаря ее книгам миллионы американцев вновь поверили в возможности индивидуализма.

²⁴ См. выступление Владимира Золоторева на конференции «Капитализм и свобода» «Как от Хайека перейти к Ротбарду: как спонтанные порядки приводят к анархо-капитализму» в Европейском университете в Санкт-Петербурге в 2019 г. ([URL: https://www.youtube.com/watch?v=7FSpwFWbLLk](https://www.youtube.com/watch?v=7FSpwFWbLLk); дата обращения: 01.12.2022). См. также его книгу «Либертарианская перспектива» [Золоторев 2019].

Набирало силу либертарианское движение в Америке (правда, сама Айн Рэнд не считала себя либертарианцем)²⁵.

В 1963 г. Айн Рэнд отправилась в свою первую поездку с лекциями в Сан-Франциско. Зал был арендован на 250 человек, а пришли 500. В Лос-Анджелесе решили подстраховаться и арендовали зал на 600 человек, а пришли 1100. Подобный ажиотаж ждал ее, куда бы она ни отправилась.

В университетах стали возникать кружки Айн Рэнд. «Уолл-Стрит Джорнэл» писала: «Заседая в кабинках закусочных в студенческих кампусах, юные рэндисты говорят о своем интеллектуальном лидере так, как их отцы и матери поколение тому назад говорили о Карле Марксе» [Никифорова, Кизилов 2020: 267]. К осени 1963 г. циклы лекций ученика Айн Рэнд Натаниэля Брэндена читались в 54 городах США и Канады. В следующем году их посетили 3500 слушателей и еще несколько тысяч прослушали отдельные лекции [там же: 267].

Кроме Рэнд и других сторонников свободного рынка, был еще и Милтон Фридман, прославившийся серией своих передач «Свобода выбора», где он защищал капитализм и подвергал жесткой критике «социальное государство» [Фридман 2006]. Видимо, именно ему пришлось сыграть наиболее важную роль в «проталкивании» реформ.

Как бы там ни было, к 1979 г. образованный гражданин США был во всеоружии против Государства-Левиафана. Политики почувствовали изменение политического климата и вышли на «политический рынок» с идеями ограничения власти государства.

Именно это привело к тому, что президентом США в 1980 г. стал Рональд Рейган.

«Эффект Помперипоссы»

Как писал Алексис де Токвиль, предвосхищая появление «социального государства»: «Эта власть абсолютна, дотошна, постоянна, предусмотрительна и милосердна. Она была бы подобна власти

²⁵ О зарождении либертарианского движения в Америке после Второй мировой войны см. классический труд Й. Г. Хюльсманна «Последний рыцарь либерализма: биография Людвига фон Мизеса» [Хюльсманн 2013: 601–632] и книгу Д. Боуза [Боуз 2014].

родителей, если бы, подобно им, ее целью была подготовка людей к зрелости; но она стремится, напротив, держать их в вечном детстве; ей довольно того, чтобы люди веселились при условии, что они не будут думать ни о чем, кроме веселья. Правительство охотно трудится для их счастья, но предпочитает быть единственным источником и единственным арбитром их счастья; оно заботится об их безопасности, предвидит и удовлетворяет их потребности, содействует их удовольствиям, справляется с их главными заботами, направляет их прилежание, регулирует передачу собственности и делит их наследство. Что же остается, кроме как избавить их от беспокойств, создаваемых мышлением, и от всех тревог жизни?» [Токвиль 1994: 496].

Одни предпочитали существовать за счет социальных программ государства. Другие же лишались экономических стимулов к честному труду. Хайек описывал это так: «Всемогущая демократия фактически неизбежно ведет к своего рода социализму, но к социализму, которого никто не хочет... не оценка заслуг отдельных лиц или групп большинством (потребителей на рынке), но мощь этих лиц или групп, направленная на выбивание из правительства особых преимуществ, — вот что определяет теперь распределение доходов» [Hayek 1978: 307].

Медленно, но верно начал работать «эффект Помперипоссы»: «В 1976 г. Астрид Линдгрен, создательница повести “Пеппи Длинный-чулок”, получила налоговый счет на 102 % от своего годового дохода и написала сказочную историю о колдунье-писательнице Помперипоссе, забросившей писательское ремесло ради беззаботной жизни безработного, тем самым подарив экономистам новый термин — “эффект Помперипоссы”, описывающий налоговое бремя, превышающее сумму полученного дохода.

В конце концов система зашла в тупик. В 1991 г. Швеция погрузилась в так называемый ночной кризис: шведская банковская система приостановила работу, иностранные инвесторы потеряли доверие к правительству, а ипотечные ставки ненадолго выросли до 500 %. Консервативное правительство Карла Бильдта приняло ряд радикальных мер, чтобы вернуть страну на правильный путь. Швеция сократила долю государственных расходов в ВВП с 67 % в 1993 г. до 49 % в настоящее время.

Она снизила максимальную ставку налога и расчистила авгиевы конюшни запутанной системы налогов на имущество, подарки, бо-

гатство и наследство. Правительство связало себя фискальной сми-рительной рубашкой, обязывающей заканчивать каждый экономический цикл с профицитом. Государственный долг сократился с 70 % ВВП в 1993 г. до 37 % в 2010 г.» [Гринспен, Вулдридж 2020: 493].

Схожие процессы, но раньше, стали происходить и в США.

Питер Беттке, работавший на заправке бензина во время стагфляции, увидел воочию то, как государство создает дефицит. Он еще не знал, как именно. Когда он накопил достаточно денег, чтобы продолжить учебу, ему попался профессор Ханс Сенхольц (1922–2007), ученик Мизеса, который объяснил молодому человеку, как регулирование цен порождает дефицит. Так события 1970-х гг. породили соавтора знаменитой книги Пола Хейне «Экономический образ мышления». Теперь этот популярный учебник по экономике выходит под авторством трех профессоров экономики. Один из них — Питер Беттке [Хейне, Беттке, Причитко 2019], он хорошо понял главный урок экономики и научил ему множество студентов Университета Джорджа Майсона и других университетов.

Однако вера в то, что можно построить правильное «социальное государство», не порождая тех же последствий, продолжает существовать. Даже когда наступает очередной провал, сторонники этатизма полагают, что это было не настоящее «социальное государство», примерно так же, как социалисты считают, что в СССР не было настоящего социализма и нужно попробовать снова²⁶.

²⁶ Р. Капелюшников делает неутешительный прогноз: «В майнстриме современной экономической теории — точнее, в его нормативной составляющей — доминирует “классическое” представление о человеке политическом, ставящем превыше всего благо общества. В государстве представители экономического майнстрима продолжают по умолчанию видеть благожелательного диктатора (своего рода *deus ex machina*), вмешательство которого необходимо везде, где рынок терпит провалы, не справляясь с задачей оптимального размещения ресурсов. Исправляя их, оно, как предполагается, всегда будет действовать в интересах общества. Нельзя, однако, не заметить, что в тех случаях, когда “провалы” терпит само государство, современная нормативная теория не склонна приывать к ослаблению государственного вмешательства и предоставлению большей свободы рынку. Вместо этого она, как правило, поступает наоборот, призываая к замене менее жесткой

Александр Долинин так описывает явление, при котором никакие факты не могут подорвать веру прозелитов: «Отношение к несбывшимся пророчествам хорошо известно социологам, изучавшим его на примере поведения членов эсхатологических сект. Классическое исследование такого рода провел в 1950-е гг. Леон Фестингер, автор теории когнитивного диссонанса. Его заинтересовала немногочисленная, но весьма активная секта, харизматический лидер которой, домохозяйка из Чикаго, убедила своих последователей в том, что находится в контакте с обитателями некоей планеты Кларион. Инопланетяне сообщили ей, что 21 декабря 1954 г. должен произойти конец света, от которого спасутся (на специально присланной за ними летающей тарелке) лишь истинные верующие.

Члены секты, поверив своему лидеру, стали готовиться к гибели мира и эвакуации на Кларион: распродали имущество, ушли с работы и учебы, попрощались с родными и близкими и собрались в назначеннем месте. Внедренные в секту под видом неофитов социологи подробно описали реакцию сектантов на неосуществление пророчества и возникший вследствие этого когнитивный диссонанс. Вместо того чтобы отказаться от своей веры, члены секты после некоторых размышлений пришли к выводу, что ранее они неправильно интерпретировали полученные сообщения, которые носили не столько конкретный, сколько символический характер, что пророчество так или иначе сбудется в недалеком будущем и что их главная задача — заняться прозелитизмом, дабы увеличить число верующих (и тем самым подтвердить истинность самого вероучения).

Описанный Фестингером и его коллегами механизм “переподтверждения” неосуществившихся пророчеств, как заметил известный английский литературовед Фрэнк Кермуд, характерен для всех разновидностей наивного апокалиптического сознания, которому рано или поздно приходится решать проблему напрасных ожиданий.

формы регулирования, продемонстрировавшей свою несостоятельность, более жесткой, которая и решит все проблемы. При такой интеллектуальной игре в одни ворота не нужно удивляться, если в ближайшие десятилетия мы станем свидетелями нарастающей эскалации государственного интервенционизма» [Капелошников 2020b: 35].

Большинство интерпретаций Апокалипсиса предполагают, что Конец наступит очень скоро. Соответственно, историческую аллегорию постоянно приходится ревизовать, ибо время ее дискредитирует. И это очень важно. Сам же Апокалипсис может не подтверждаться, но при этом не быть дискредитированным. В этом разгадка его необычайной живучести» [Долинин 2020: 61–62].

То же самое явление имеет место и среди сторонников «Нового Нового курса».

Итоги «социального государства» были неутешительными. Темпы экономического роста сократились с 6,5 % в 1965 г. до 0,5 % в 1974 г. Инфляция была 1,3 % в 1964 г., а в 1974 г. она составила 11 %. Доля безработных была 3,5 % в 1966 г. и 8,5 % в 1975 г. Профицит торгового баланса в 1964 г. был 6 %, в 1978 г. — 29,8 %. Темпы роста производительности были 4,1 %, в 1974 г. — 1,6 %. Как мы видим, в период экономической свободы положение дел было гораздо лучше, чем в период «социального государства»²⁷.

Как говорил Бенджамин Франклайн: «Те, кто в главном отказываятся от свободы ради покупки временной безопасности, не заслуживают ни свободы, ни безопасности». В итоге «социальное государство» привело к тому, что его сторонники потеряли не только свободу, но и безопасность. Урок из эпохи «социального государства» состоит в том, что не стоит снова пытаться обменивать свободу на безопасность, так как в результате вы потеряете и то и другое.

Самый счастливый день в жизни Хайека

В 1944 г. вышла книга Хайека «Дорога к рабству». Идеи классического либерализма были тогда не в моде. Маргарет Тэтчер, будучи студенткой Оксфорда, читала знаменитую книгу Хайека. Однако долгие годы идеи ученого находились в забвении. Казалось, его идеи о рынке и индивидуальной ответственности ушли в прошлое. В 1950–1970-х гг. господствовали идеи его интеллектуального противника Кейнса. Лишь в ФРГ Эрхард опирался в своих реформах на идеи

²⁷ Источник: Bureau of Economic Analyses; Bureau of Labor Statistics, Economic Report of President, 2005.

Хайека. Книги Хайека не пользовались популярностью, экономисты вычеркнули его из своих рядов, попытки возродить в Вене австрийскую школу не увенчались успехом.

В 1970-х гг. ситуация кардинально изменилась. Хайек не только получил Нобелевскую премию по экономике в 1974 г., но и стал своего рода академической «рок-звездой», его приглашали с лекциями, брали интервью, его идеи снова оказались в центре внимания. 8 мая 1979 г. Хайек в день своего 80-летия написал письмо Тэтчер о том, что лучшим подарком для него стала победа Тэтчер на выборах. В ответном письме она признавалась, что книги Хайека внесли решающий вклад в ее победу на выборах.

В 1980 г. президентом США стал Рональд Рейган, который также считал себя поклонником идей Хайека. Он вручил Хайеку Медаль Свободы.

Так, на склоне лет к Хайеку пришли признание и известность. Через некоторое время после этих событий исчезла плановая экономика СССР, что Хайек предсказывал задолго до этого. Последующие 40 лет прошли под прямым или косвенным влиянием его идей. В 1980-х гг. корпорация Apple запустила свои новые компьютеры. В век интернета и глобальных рынков была создана «Википедия». Ее основатель признался, что на это его подвигли идеи Хайека о децентрализованном экспериментировании и спонтанном порядке.

Алан Эбенстайн в наиболее фундаментальной биографии Хайека описал тот период, когда к Хайеку пришел успех:

«В 1984 г. королева Елизавета II вручила Хайеку Орден Кавалеров Почета (Order of the Companions of Honour) по рекомендации Тэтчер за “заслуги в исследовании экономики”, были даже надежды на то, что Хайек получит титул баронета. Тогда бы у него был титул, как и у его противника Кейнса.

Из всех наград Хайек особенно гордился тем, что получил Орден Кавалеров Почета, включавшего в себя двадцатиминутную аудиенцию с королевой. Члены его семьи вспоминали, что Хайек первоначально не придавал этому мероприятию большого значения. Однако после аудиенции Хайек признавался, что он был “абсолютно очарован” королевой. Хайеку она показалась одним из самых доброжелательных, образованных и понимающих людей, которых он когда-либо встречал. Позже Хайек заметил: “Я был поражен королевой.

Эта непринужденность и мастерство общения, как будто она знала меня всю жизнь”.

После аудиенции состоялся обед с семьей и друзьями в Институте экономических дел. Поздно вечером невестка Хайека привезла его в клуб экономических реформ. Она вспомнила, как Хайек, стоя в цилиндре и опираясь на зонтик, с широкой улыбкой на лице сказал: “Это был самый счастливый день в моей жизни”» [Ebenstein 2001: 304–305].

Глава 6

Модернизация после модернизации: либеральные реформы в США и Великобритании (1980–1988)

Если пустить дело на самотек, то свобода будет сокращаться, а государство расширяться.

Томас Джейферсон [Боуз 2014: 195]

Свобода, в чем бы она ни заключалась, теряется, как правило, постепенно.

Дэвид Юм [Хайек 2005: 27]

Лозунг «догоним и перегоним» обычно звучит из уст лидеров развивающихся стран. Именно им приходится искать пути для модернизации экономики и общества, чтобы обеспечить своим гражданам более высокий уровень жизни и больший социальный комфорт. Многие страны смогли достичь определенного уровня ВВП на душу населения, но не все смогли преодолеть «ловушку среднего дохода»¹, не все смогли стать развитыми. Отсюда особое внимание исследователей к проблемам догоняющего развития и попытки осмыслить причины успеха или же провала модернизационных проектов в развивающихся странах². Считается, что страна, однажды вошедшая в группу разви-

¹ Всемирный банк устанавливает этот уровень в 12 000 долл. в ценах 2000 г. «Ловушка» возникает, когда происходит переход на модель использования интеллектуального капитала вместо ресурсов нефти и газа. Согласно Барри Эйхенгрину, этот уровень в России достигнут в 2014 г. (URL: http://www.vedomosti.ru/finance/analytics/24521/rossii_grozit_lovushka_srednego_dohoda_kotoraya_zamedlit; дата обращения: 01.02.2022).

² В своей лекции «Человек и правила игры» профессор А. А. Аузан говорит о странах, которые пытались модернизироваться в XX в., он их насчитал 70, и лишь 5 из них достигли успеха (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=zMJzUWL7CnU>; дата обращения: 01.02.2022).

тых, уже никогда не сможет лишиться своего статуса. Сами же развитые страны берутся за образец, а свойства, которые характерны для них, пытаются перенести на развивающуюся страну³.

Однако и сам лидер может «споткнуться» и значительно откатиться назад в своем развитии. Успехи в прошлом не гарантируют успехов в будущем. Уроки, которые страна выучила давно, могут быть забыты, а источники достижений растеряны. И тогда возникает необходимость *модернизации после модернизации*⁴, т. е. проведение той политики, которая сделала страну великой в прошлом. Повторение рецептов либерализма, которые доказали свою эффективность в прошлом: возврат к ценностям индивидуализма, частной собственности, минимального государства и свободы. Все это и есть новая волна модернизации.

Модернизация часто видится как линейный процесс: за развитыми странами следуют те, что не оказались первыми, но через какое-то время (и значит, с большим отставанием) такие страны достигнут качества жизни стран-лидеров. Сама же траектория движения стран-лидеров остается вне проблемы модернизации, поскольку они ее уже прошли и сталкиваются с принципиально иными проблемами⁵. Тогда развитые страны — просто в силу того, что они однажды стали таковыми, — не могут потерять свое лидерство. Однако в истории есть примеры того, как развитые страны теряли накопленные достижения. Самыми яркими примерами либеральных реформ в развитых странах являются реформы Тэтчер в Англии и Рейгана в США. Этим реформам

³ Экономический детерминизм и марксизм полагают эту схему исторически корректной. Производительные силы и производственные отношения, являясь реальным базисом общества, полностью детерминируют надстройку: идеологию, политику, культуру, религию.

⁴ Мы не считаем возможным использовать термин «постмодернизация», так как он является излишним по принципу «бритвы Оккама» (все можно объяснить без этого термина). Кроме того, термин можно считать расплывчатым, и разные исследователи используют его чуть ли не в противоположных смыслах.

⁵ Кейнс полагал, что к началу XXI в. будет решена экономическая проблема и главной проблемой станет, как не умереть со скуки [Кейнс 2009].

предшествовали серьезные проблемы в экономике, вызванные «государством всеобщего благосостояния»⁶.

Исследователи Кембриджской экономической истории Европы разделяют всю историю Нового и новейшего времени на три этапа. Этап глобализации (до Первой мировой войны), деглобализации (1914–1945) и реглобализации (1945 — наст. вр.) [Кембриджская экономическая история... 2013: 14]. Для первого этапа характерно значительное увеличение уровня жизни, сокращение смертности, рост международной торговли⁷. В период 1914–1945 гг. наблюдается упадок ценностей либерализма и свободного рынка — на смену им приходят этатизм и социализм. Причем эти тенденции возникают не только в развивающихся странах, но и в развитых. После Второй мировой войны начался процесс возврата к миру и международной торговле. Однако развитые страны по мере роста послевоенного благосостояния стали восстанавливать те методы дирижизма, которые были распространены во время войны и во время Нового курса Ф. Рузвельта [Фолсом 2012]. И в США, и в Европе набирали силу профсоюзы, «государство всеобщего благосостояния», политика кейнсианства, милитаризм, бюрократия. Все это привело к тому, что к концу 1970-х гг. развитые страны имели такой уровень инфляции, которого сейчас не встретишь в развивающихся странах; конкурентоспособность ведущих экономик мира падала, а безработица росла⁸. Если до этого периода социальное государство рассматривалось как несомненное за-

⁶ Родоначальником «государства всеобщего благосостояния» принято считать Бисмарка. Ф. Рузвельт был наиболее известным его сторонником в США, а лейбористы — в Англии.

⁷ «В 1500 г. Запад выглядел, как “темный угол” мировой экономики. В Лондоне проживало всего 50 тыс. человек, в то время как в Пекине — 600–700 тыс. Запад выглядел крайне убого рядом с Китаем. Все изменилось после XVIII в. Для сравнения: в 1990 г. разрыв между средним доходом американца и китайца составлял 73 раза. Доля промышленного производства Запада достигала 79 %» [Фергюсон 2014: 36–37].

⁸ Появилось новое понятие, которое не вписывалось в доктрину кейнсианства, — стагфляция (одновременный рост цен и безработицы). В своей нобелевской лекции Хайек объяснял это явление «положительным наклоном кривой Филлипса»: рост денежной массы приводит к искажению информационных сигналов, и ресурсы направляются не в те отрасли, где они необходимы.

воевание демократических стран⁹, то к 1980 г. уверенность в том, что были выбраны правильные средства, уже отсутствовала.

Все высказанное является описанием исторического контекста, формирования того явления, которое мы будем называть модернизацией после модернизации.

*Под модернизацией мы понимаем процесс перехода от общества докапиталистического к обществу капиталистическому*¹⁰, т. е. к такому обществу, в котором господствуют частная собственность и верховенство права¹¹. Из этого определения следует, что модернизация — это то, что бывает для страны не один раз, как не один раз могут проводиться «прорыночные реформы». История знает как минимум один пример успешного перехода к капиталистическому обществу.

Этот переход был совершен вначале Великобританией¹², а потом и всеми остальными странами.

Как писал Мизес: «Философы, социологи и экономисты XVIII — начала XIX в. сформулировали политическую программу, служившую руководством для социально-экономической политики сначала в Англии и Соединенных Штатах, затем на европейском континенте и наконец в остальных частях населенного мира. В полной мере эта программа

⁹ «В отличие от оценки системы централизованного планирования, предостережения Хайека по поводу “государства благосостояния” долгое время не принимались всерьез. Развитие социальной инфраструктуры рассматривалось как очевидное и безусловное благо. Лишь в 1980-е годы последствия ее непомерного разрастания были осознаны» [Капелюшников 2005: 258].

¹⁰ Из нашего определения следует, что мы не считаем модернизацией то, что совершили Сталин и Гитлер. См. лекцию автора «Экономика Третьего рейха» ([URL: http://www.youtube.com/watch?v=F1VgyvAcPss](http://www.youtube.com/watch?v=F1VgyvAcPss) и http://www.youtube.com/watch?v=_tu1Ts-8tFY; дата обращения: 01.12.2022).

¹¹ Основание данной доктрины положили представители классического либерализма Дж. Локк и А. Смит. В XX в. перехват термина «либерализм» сторонниками интервенционизма породил новый термин — либертианство.

¹² Шарль Луи Монтескье в книге «О Духе законов» писал: «Другие нации жертвуют торговыми интересами ради политических интересов. Англия же всегда жертвовала политическими интересами ради интересов своей торговли. Этот народ лучше всех народов сумел воспользоваться тремя элементами, имеющими великое значение: религией, торговлей и свободой» [Монтескье 1999: 285].

не была реализована нигде. Даже в Англии, которую называли родиной либерализма и образцом либеральной страны, сторонникам либеральной политики никогда не удавалось воплотить все свои требования. В остальном мире на вооружение брались только отдельные части либеральной программы, в то время как другие, не менее важные, либо отвергались с самого начала, либо от них отказывались через короткий промежуток времени. Лишь с некоторой натяжкой можно сказать, что мир когда-либо пережил либеральную эпоху. Либерализму так и не позволили воплотиться полностью. Тем не менее, каким бы кратковременным и ограниченным ни было господство либеральных идей, этого оказалось достаточно, чтобы изменить облик мира. Произошел взрыв экономического развития. Освобождение производительной силы человека многократно приумножило средства существования. Накануне мировой войны (которая сама явилась результатом длительной и ожесточенной борьбы против либерального духа и которая протекала в период еще более ожесточенных нападок на либеральные принципы) мир был населен несравненно более плотно, чем когда бы то ни было, и каждый житель Земли мог жить несравненно лучше, чем это было возможно в прежние века. Процветание, созданное либерализмом, значительно снизило детскую смертность, безжалостный бич более ранних эпох, и в результате улучшения условий жизни увеличило ее среднюю продолжительность» [Мизес 2014: 12–13].

XIX в. стал эпохой либерализма, хотя в полной мере его принципы не были реализованы нигде. Этот век был веком мира (за редкими исключениями)¹³, свободного рынка, стабильных денег и низких на-

¹³ Пол Джонсон писал о Наполеоне: «Венский конгресс нужно рассматривать как один из самых успешных примеров мирного урегулирования в истории. За некоторыми исключениями, он на целое столетие определил границы Европы и, хотя не мог предотвратить всех войн на континенте, значительно уменьшил опасность возникновения крупного военного конфликта. Девятнадцатое столетие в целом стало временем мира, прогресса и процветания в Европе до того момента, когда в 1914–1918 годах старая система наконец рухнула».

«Любопытно, что Бонапарт при жизни не смог разрушить легитимную Европу. В конце жизни он спровоцировал созыв Венского конгресса, который настолько укрепил историческое право династий на решение основных принципов государственного устройства, что установившееся положение

логов¹⁴. Эпоха принесла колоссальные перемены в жизнь простых людей, она запустила процесс, который не смогли остановить ни протекционизм, ни инфляционизм, ни «государство всеобщего благосостояния» XX в. Плоды этих перемен мы ощущаем на себе ежедневно.

Численность населения выросла в несколько раз, продолжительность жизни увеличилась с 25 до 75 лет в развитых странах, детская смертность упала в разы, уровень ВВП на душу населения вырос с 600 долл. до 50 000 долл., сократилось число бедных, появились новые технологии, которые стали доступны для обычных граждан. То, что было недоступно африканскому царьку, обладающему неограниченной властью¹⁵, теперь доступно простому рабочему. Канализация, антибиотики, транспорт, компьютерные технологии, медицина дали современному человечеству несомненные преимущества в сравнении со всеми другими периодами истории. Капитализм постоянно генерирует то, что Йозеф Шумпетер называл созидающим разрушением [Шумпетер 2007: 459–463], — постоянный поток новых изобретений, которые проникают во все сферы социальной жизни¹⁶.

продлилось целое столетие — до Первой мировой войны. А самые страшные черты бонапартизма: обожествление власти и войны, централизация государственной власти, использование культурной пропаганды для возвеличивания самодержца, мобилизация всей нации в погоне за личной и идеологической властью — махровым цветом расцвели только в двадцатом веке, который войдет в историю человечества как эра позора. Именно поэтому стоит помнить правду о человеке, который стал причиной возникновения подобных явлений, развеять все мифы, сорвать все маски и показать реального человека. Нам придется усвоить основной урок истории: все формы величия, военного и административного, возникновение наций и империй, ничего не стоят — а по сути, опасны и даже гибельны в своих крайних проявлениях — без способности к состраданию и раскаянию» [Джонсон 2014: 304].

¹⁴ Формула А. Смита была следующей: «Чтобы поднять государство с самой низкой ступени варварства до высшей степени благосостояния, нужны лишь мир, легкие налоги и терпимость в управлении» [Smith 1755].

¹⁵ «В поражающем воображение Версальском дворце не было водопровода и канализации; чтобы перебить зловоние, вокруг дворца высаживали апельсиновые деревья» [Боуз 2014: 153].

¹⁶ Янош Корнаи показал на исторических примерах, как в XX в. капитализм генерировал инновации [Корнаи 2012а: 4–31]. Вот изобретения, которые

На графике (*рис. 2*) мы видим, насколько выросло благосостояние после промышленной революции. По сути, до XIX в. отсутствовал устойчивый рост благосостояния, так как не было капитализма. График отчетливо показывает, как вырос уровень жизни после промышленной революции — с 600 долл. на душу населения до более 30 000 долл. Вначале это были Англия и другие страны Западной Европы, затем США, а потом и остальные регионы.

Даже идеологи борьбы с капитализмом вынуждены были признать его заслуги.

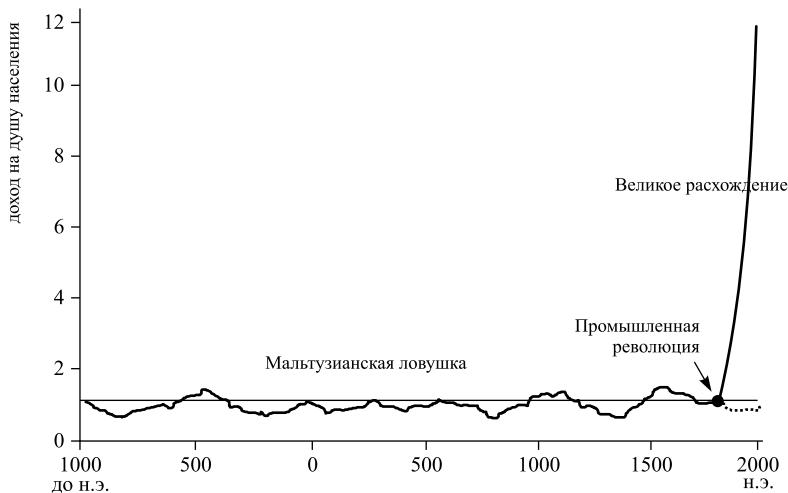

Рис. 2. Рост доходов населения и рождение капитализма

Источник: [Кларк 2012: 15].

Карл Маркс писал: «Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиоз-

были осуществлены в капиталистических странах (в скобках год изобретения): мобильный телефон (1983), поисковая система в интернете (1994), лазерный принтер (1976), пакетик для чая (1920), холодильник (1927), кондиционер (1928), микроволновая печь (1947), лейкопластырь (1921), пеленки одноразового использования (1949), эскалатор (1921), пульт дистанционного управления (1956), «Барби» (1959), компакт-диск (1982), супермаркет (1930), кредитная карточка (1958), банкомат (1967).

ные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, — какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!» [Маркс, Энгельс 1974: 27–28].

К 1914 г. эти достижения были сметены милитаризмом, этатизмом, инфляционизмом и протекционизмом. Самый печальный период мировой истории с 1914 до 1945 г. характеризуется экономическим упадком и колоссальным числом жертв. Отход от политики либерализма сделал это возможным, так как идеология либерализма была подвергнута забвению, а интеллектуалы хорошо потрудились для того, чтобы дискредитировать его в глазах простых граждан и политиков.

Во многом это связано с тем, что Бенда называл предательством интеллектуалов¹⁷, которые вместо того, чтобы служить принципам разума, пошли за толпой, убедив ее саму, что «творчество масс» способно породить Новое общество и Нового человека (проекты социализма и фашизма). Интеллектуалы стали дискредитировать разум, заменяя его иррациональным. Они, как и Сорель [Сорель 2013]¹⁸, стремились переделать мир, а не понять его¹⁹.

Интеллектуалы сделали возможной институционализацию зависимости — явления, которое часто просто не замечается социологами. Редкое исключение — работа Шёка [Шёк 2008], в которой продемонстрировано то, что общества по-разному могут решать эту проблему.

¹⁷ В книге 1927 г. Бенда поставил проблему ответственности интеллектуалов перед обществом. Должны ли они служить универсальным ценностям или групповым интересам, разжигая в массах «политические страсти»? [Бенда 2010].

¹⁸ См. также замечательную книгу Голдберга «Либеральный фашизм», где он показал роль Сореля в распространении фашизма (под которым автор понимает религию абсолютного государства: «фашизм — это религия государства») в разных странах [Голдберг 2012: 31].

¹⁹ «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его», — гласит знаменитый одиннадцатый тезис о Фейербахе [Маркс, Энгельс 1955: 4].

Либо зависть толкает людей на стремление за счет своих усилий достичь не меньшего результата, либо это институционализация зависти, когда энергия направляется на перераспределение «успеха» к тем, кто не обладает способностями. Это не только сокращает количество «успешных», но и не уничтожает зависть, так как создает привычку для «морального каннибализма»²⁰ — всегда можно найти основания для нового перераспределения, вплоть до того момента, когда все будут равны в нищете²¹.

Интеллектуалы внесли большой вклад в то, что Мизес называл антикапиталистической ментальностью [Мизес 2012с: 259–377]. Писатели, философы, социологи открыли, что прибыль, торговля, богатство, капитализм — это зло, с которым нужно бороться всеми способами. Они подготовили дорогу для победоносного шествия социализма²².

Если экономическая наука открыла социальные «регулярности»²³ и показала, что свободная экономика в интересах всех, и это привело

²⁰ Моральными каннибалами Айн Рэнд называла тех, кто стремится создать у творцов чувство моральной неполноты (обвиняя их в эгоизме, индивидуализме, материализме), с тем чтобы эта вина сделала их уязвимыми для грабежа. Данный процесс особенно хорошо показан в знаменитом романе «Атлант расправил плечи» [Рэнд 2015].

²¹ Хайек показал, что неравенство выгодно не только богатым, но и бедным. Рост благосостояния возможен лишь тогда, когда инновация достается вначале лишь части общества, а потом становится массовым производством. Тем самым неравенство делает общество богаче, поднимая со временем уровень жизни всего населения. Если же общество является эгалитарным, то благосостояние не будет расти, так как невозможно в мире с ограниченными ресурсами, чтобы от инноваций выиграли сразу все. Неравенство — неизбежное свойство динамичной экономики. Чай, кофе, сахар, телевизоры, планшеты были элитарными предметами, прежде чем стать массовыми. Первый этап неизбежен.

²² Во многом это стало результатом импорта идей этатизма из Германии, куда ездили учиться молодые американцы. Возвращались они оттуда убежденными сторонниками Прогрессивной эры. Особенно высока роль Американской экономической ассоциации и Ричарда Элая в данном процессе [Dorfman 1966].

²³ «Экономическая теория является самой молодой наукой <...> экономическая теория открыла для человеческой науки предмет, прежде недоступный и неосмыслиенный. Открытие регулярности в последовательности и взаимозависимость рыночных явлений вышли за рамки традиционной системы

к проведению политики *laissez-faire*, то интеллектуалы Прогрессивной эры сделали обратное. Их идеи были с временным лагом опровергнуты в наиболее развитых странах (хотя не только в них), что привело к катастрофическим последствиям.

В 1920-е гг. в США ФРС увеличили денежную массу на 61 %, запустив механизм кредитной экспансии, что вызвало Великую депрессию²⁴, а Рузвельт ее продлил своим Новым курсом. Несмотря на завершение Второй мировой войны, политика эратизма никуда не исчезла, она лишь поменяла свою форму: вместо органов планирования, существовавших во время войны, возникли новые органы регулирования цен, объемов производства, постоянно росли государственные расходы. В Англии в 1945 г. Эттли стал проводить политику, которая в дальнейшем осуществлялась лейбористами вплоть до 1979 г.

В США набирало обороты «государство всеобщего благосостояния», государственный аппарат был значительно увеличен, как и расходы: несмотря на отсутствие военных действий, доля госрасходов в ВВП неуклонно росла с 20 % до 30 % (в 1913 г. эта доля была меньше 5 %, отсутствовал подоходный налог и ФРС) (рис. 3).

После войны предельная ставка подоходного налога оставалась очень высокой — 85 %. Да и самая низкая была на историческом максимуме (более 20 %) (рис. 4).

Хотя переход к миру высвободил колоссальные ресурсы на созидательную деятельность (миллионы людей вместо муштры и разрушения стали заниматься созданием продукции и услуг)²⁵, что и сделало

учений. Появилось знание, которое нельзя было считать ни логикой, ни математикой, ни психологией, ни физикой, ни биологией» [Мизес 2012d: 5].

²⁴ Ротбард объяснил причину Великой депрессии в США на основе теории экономического цикла австрийской школы [Ротбард 2012].

²⁵ Бастия в своей знаменитой книге «Что видно и чего не видно» показал, как рост численности армии приводит к сокращению общественного богатства. «Ведь если все компенсируется, все интересы учитываются и образуется национальная прибыль от увеличения численности армии, то почему бы не призвать под знамена все дееспособное мужское население страны?» Несложно догадаться, что это приведет к тому, что вместо создания потребительских благ население будет заниматься маршами, пением гимнов, муштрай и военными действиями. Если все будут целыми днями петь гимны, то скоро

возможными высокие темпы экономического роста в период с 1945 по 1971 г., но прошлое не научило людей тому, что интервенционизм приводит к войне и разрушению. Постепенно стали восстанавливаться культы бывшим божествам.

В Англии правительство Эттли в 1945–1951 гг. национализировало Банк Англии, угольные шахты, гражданские авиалинии, телефонную связь, железные дороги, электросети, черную металлургию, коммунальное хозяйство, систему здравоохранения.

Истоки этой программы национализации следует искать в работах Уильяма Бевериджа и особенно в его программе 1942 г. Он предлагал и после войны сохранить те институты государственного регулирования, что были созданы во время войны. Его лозунгами были: обеспечение полной занятости за счет социализации инвестиций и социальное страхование. Он выразил свои идеи в популярной тогда книге «Полная занятость в свободном обществе» (1946). Несомненно влияние на эту программу идей Кейнса.

Каковы же были последствия политики лейбористов, в программе которой пятым пунктом значилась цель «обобществление средств производства»?

До Первой мировой Англия занимала первое место по степени развития экономики. По ВВП Англия была в 1961 г. на 9-м месте (после Германии), но уже в 1976 г. — на 18-м месте (после Новой Зеландии). Рост цен, составлявший в 1969 г. 15 %, к 1975 г. составлял 27 %. Из-за ухудшения финансового положения в 1976 г. Англия была вынуждена обратиться к МВФ за помощью в 3,5 млрд фунтов. В 1975 г. государственные расходы составляли 60 % ВВП (во Франции 35 %). Потерянные годы вследствие забастовок составили: в 1969 г. — 6 млн, в 1972 г. — 25 млн, в 1977 г. — 10 млн. В 1972 г. была произведена девальвация фунта к немецкой марке на 35 %. В 1969 г. потери от забастовок были больше, чем потери всей «шестерки». 3 ноября 1972 г. правительство заморозило цены и зарплаты. В 1973 г. правительство разрабатывало четырехлетний план регулирования цен и зарплат. Так выглядит то, что Хайек называл «Дорогой к рабству».

умрут от голода. Сейчас экономисты говорят об альтернативных издержках, когда растут расходы на вооружение [Бастия 2006b].

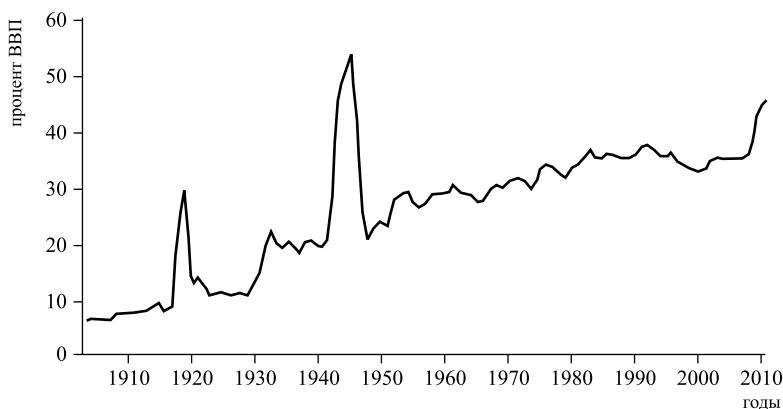

Рис. 3. Доля государственных расходов в ВВП США (1903–2010)
Источник: [DeCanio, Fremstad 2011: 1145].

Рис. 4. Предельные ставки налогообложения в США
(для самых богатых и самых бедных)
Источник: U. S. Department of the Treasury.
URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/IITTRHB> (дата обращения:
02.02.2023).

В 1973–1979 гг. прирост производительности труда составил всего 6,3 %, в то время как в ЕЭС — 30 %. В это же время разрабатывались планы введения трех рабочих дней в неделю.

Тонна стали на «Бритиш Стил» стоила в два раза дороже континентальной, а 75 % шахт были убыточны. Водитель такси должен был платить 83 % от выручки в виде налогов. Телепередачи прекращались в 22:30. Правительство рассматривало вопрос о введении талонов на снабжение топливом и горючим.

Бастовали все: водители, шахтеры, строители, уборщики, даже гробовщики. На Пикадилли можно было увидеть крыс, а на центральных улицах Лондона — кучи мусора и разбитые машины рядом с Вестминстерским дворцом.

Все это заставило многих наблюдателей высказывать не самые приятные оценки о перспективах Англии. Госсекретарь США Дин Ачесон в 1962 г. говорил, что «Великобритания потеряла империю и пока не нашла своей роли в мире». Питер Дженингс из The Guardian писал: «Ни одна страна не прошла еще путь от развитости до отсталости. Вероятно, Англия первой вступила на этот путь». А канцлер ФРГ Гельмут Шмидт подвел итог: «Англия более не принадлежит к числу развитых стран». Тем не менее англичане и американцы во время опомнились и изменили вектор движения. И те и другие — демократическим путем.

Что же помешало Англии и США скатиться к уровню страны, о которой говорят, что она больше не принадлежит к числу развитых стран? Многие развивающиеся страны, столкнувшись с кризисом, реагируют на него с помощью еще больших мер регулирования, двигаясь от либеральной демократии к диктатуре и государственному регулированию экономики.

Почему у Англии и США получилось остановить эти тенденции? И действительно ли это получилось?

Реформы

Англия была родиной не только классического либерализма (манчестеризма), но и внесла вклад в экономическую теорию, которая, по словам Бастия, была «замком, под которым хранится народное

богатство»²⁶. Распространение идей А. Смита и Д. Рикардо сделало возможным движение Р. Кобдена не только за отмену хлебных законов, но и за свободную торговлю в целом. Распространение идей экономистов в континентальной Европе (благодаря Сэю и Бастии), а также в США (благодаря Амасе Уолкеру²⁷) сделало возможным сохранение мира и свободной экономики вплоть до 1914 г.

И Англия, и США обладали тем, что можно назвать здравым смыслом политической экономии²⁸ или же *имплицитной конституцией свободного общества*. Это не позволяло силам колlettивизма и этатизма набрать обороты в этих странах. Напротив, страны, лишенные такой «прививки», оказались способны легко потерять завоевания свободной экономики. Поэтому, когда исторически чуждая развитым странам модель «социального государства» начала давать сбои, то в обществе возникло движение, которое было принято называть консервативным. Хотя данное понятие вводит в заблуждение, так как это движение было, по сути, либеральным²⁹, но поскольку социалисты захватили термин «либерализм» во времена Нового курса [Rotunda 1986], то американское движение стало называть себя либертарианским (или же классическим либерализмом).

И Тэтчер, и Рейган опирались на идеи сторонников классического либерализма, которые подготовили интеллектуальные основы для изменений. Тэтчер прочитала «Дорогу к рабству» Хайека в Кембридже

²⁶ «Политическая экономия приносит практическую пользу. Ее можно назвать светилом, которое, обнаруживая обман и уничтожая заблуждения, пресекает общественный беспорядок, называемый грабежом. Не знаю, кто именно, но, кажется, женщина — и она была права — назвала политическую экономию замком, под которым хранится народное богатство» [Бастия 2006б].

²⁷ Книга Уолкера «Наука о богатстве» была крайне популярной, выдержала много переизданий и содержала идеи, близкие Бастии [Walker 1866].

²⁸ «Здравый смысл политической экономии» — именно так назывался один из наиболее известных трактатов по экономической теории, принадлежащий перу Филиппа Уикстеда [Wicksteed 1957].

²⁹ Хайеку принадлежит знаменитая работа «Почему я не консерватор?», которая вошла в качестве заключения в его книгу 1960 г. «Конституция свободы». Там он объясняет, что нельзя либеральную программу называть консервативной, так как она направлена на перемены, а не на сохранение существующего порядка.

в 20 лет. Придя к власти, она положила на стол книгу Хайека «Конституция свободы» и заявила, что «вот то, во что мы верим».

Американское либератарийское движение отстаивало традиционные для Америки ценности индивидуализма и капитализма в эпоху «победившего социализма». Такие мыслители, как Л. фон Мизес, Ф. фон Хайек, М. Фридман, Айн Рэнд, Р. Нозик, и многие другие заложили основу для альтернативного пути развития. Они бросили вызов существующей политике консенсуса.

В 1947 г. Хайек учредил Общество Мон Пелерин, которое включало в себя как сторонников свободного рынка, так и интервенционистов³⁰. В последующие годы участники Общества многое сделали для продвижения своих идей. Так, один из лидеров консервативной партии Англии Кит Джозеф находился под сильным влиянием идей Хайека. Фактически он был правой рукой Тэтчер и снабжал ее определенными идеями, которые в дальнейшем воплощались в жизнь.

В 1974 г. Джозефом был создан Центр политических исследований, его миссия, как отмечала Тэтчер, была следующей: «Цель его существования состояла в том, чтобы изменить общественное мнение и заставить раздвинуть то, что многие считали «границами возможного». Ввиду этой цели надо было думать о немыслимом» [Тьерио 2010: 171].

Джозеф и его сторонники выступали с открытыми лекциями по всей стране, публиковали книги, привлекая внимание общественности к необходимым изменениям. Они обращались к истории своей страны и говорили о том, что нужно вспомнить те идеи, что позволи-

³⁰ На одном из заседаний Общества Мон Пелерин, по словам Фридмана, Мизес назвал всех собравшихся «кушкой социалистов». Фридман писал: «Мне особенно запомнилась одна дискуссия... посреди которой Людвиг фон Мизес встал, заявил собравшимся “Вы все здесь кучка социалистов” — и удалился из комнаты, в которой не было ни одного человека, которого даже по самым низким стандартам можно было бы назвать социалистом» [Friedman M., Friedman R. 1998: 161]. Во время встречи Общества обсуждались следующие вопросы: распределение доходов, борьба с бедностью с помощью «негативного подоходного налога» (Фридман), рост социальных программ (Лайонел Роббинс), минимальные ставки заработной платы, общественные работы, регулирование рынка труда. Мог ли Мизес иначе отреагировать на такую программу «либеральных» реформ?

ли Англии стать великой страной. Эта работа сделала возможной *модернизацию после модернизации*, которая так нужна была Англии для восстановления своей экономики. Вначале были заложены интеллектуальные основы для перемен, а потом осуществлены сами перемены.

Таким образом, именно идеи, с определенным лагом, оказываются решающими для политики в развитых странах³¹. Посмотрите, что у людей в головах, и вы поймете, какая политика будет проводиться в будущем.

То же самое происходило в США, где после 1945 г. начинает возрождаться вначале крайне незначительная, но вскоре крайне влиятельная группа сторонников свободного рынка. Дискуссии о минимальном государстве и продвижение идей свободы через СМИ (в Америке это «Свобода выбора» Фридмана³²) подготовили общественность к повороту вправо.

И в Англии, и в США экономистам и философам удалось изменить идеологию (представление о том, какие средства приводят к благосостоянию)³³.

Оценка результатов реформ

Что же удалось сделать? Действительно ли у США и Англии получилось осуществить либеральные реформы?

Следует сразу отметить, что 1980-е гг. изменили дискурс: на смену воспеванию планирования и государственного регулирования пришла

³¹ В развивающихся странах все сложнее. Как правило, идеи в них не порождают перемен, а профессиональные интеллектуалы, если они есть, либо являются маргиналами, либо обосновывают существующую политику. Развивающиеся страны вынуждены следовать за развитыми, так как на определенном этапе становится понятным, что если ничего не менять, то отставание будет нарастать вместе с недовольством масс, что может вызвать как мирный переход власти, так и революцию.

³² В одной из передач принял участие даже А. Шварценеггер, называя книги М. Фридмана очень ценными, а своего бывшего профессора — другом. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=KKbHA76-Hi0> (дата обращения: 01.12.2022).

³³ Хайек говорил: «Выиграйте битву культур, выиграйте битву идей, прежде чем выиграть битву политическую» [цит. по Тьерио 2010: 117].

риторика свободного рынка, предпринимательства, компактного законодательства, урезания неэффективных производств.

Если до реформ лейбористская партия была, по сути, социалистической и программа включала национализацию, контроль над ценами и зарплатами, то с тех пор такая риторика стала гораздо менее популярной, да и лейбористы выбросили пятый пункт программы — «обобществление средств производства».

Сдвиг в риторике очевиден. Но вот реальные действия были часто далеки от провозглашенных идеалов.

Отдельно рассмотрим то, что удалось сделать Тэтчер, а что Рейгану.

Две главные проблемы английской экономики на 1979 г.: огромная инфляция и неэффективная промышленность. Первая проблема решалась путем значительного повышения официальной ставки и ограничения темпов роста денежной массы Банком Англии, а вторая — путем приватизации и дерегулирования.

Инфляция была значительно сокращена, в том числе благодаря борьбе с профсоюзами с 15,2 % в 1980 г. до 4,5 % в 1987 г. Однако в 1990 г. она уже снова выросла до 7,8 %. Для развитой страны это все равно очень много; кроме того, денежная масса росла в 1980-е гг. темпами 15–20 % в год. Поэтому не правы те, кто утверждает, что политика дерегулирования финансовых рынков Тэтчер привела к финансовому кризису 2008–2009 гг.³⁴ Де-факто государство продолжало накачивать экономику деньгами и понижать процент (Банк Англии провел снижение с 17 до 7 %).

Однако успехи в приватизации были гораздо больше. По сути, все отрасли, национализированные Эттли, постепенно передавались в частные руки.

³⁴ Газета «Ведомости» писала: «Оборотной стороной глубоких преобразований эпохи тэтчеризма стали рост неравенства, дисбалансы в экономике, практически переставшей производить что-либо, кроме финансовых услуг, и выход финансового бизнеса из-под контроля регуляторов — причем в глобальном масштабе. Экономическая политика тэтчеризма сделала глобальным мейнстримом то, что позже называли “вашингтонским консенсусом”. Можно сказать, что именно в 1980-е в Британии и США были заложены мины, разорвавшиеся в 2008 году» ([URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/430421/konservativnyj_modernizator#ixzz3BbJ24f9R](http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/430421/konservativnyj_modernizator#ixzz3BbJ24f9R); дата обращения: 01.02.2022).

Неполный список компаний, которые были приватизированы, представлен в табл. 4 [Черноморова 2006: 254–256].

Приватизация позволила увеличить эффективность деятельности этих предприятий, а также вызвала бурный рост экономики.

Таблица 4. Список приватизированных компаний в Великобритании в 1980-е гг.

Год	Компания	Доля, проданная частному сектору
1982	«Амершам Интернейшнл»	100 %
1983	«Ассошиэйтед Бритиш Портс»	100 %
1981 и 1985	«Бритиш Аэроспейс»	100 %
1986	«Бритиш ГЭС»	100 %
1979 и 1981	«Бритиш Петролиум»	68,3 %
1984	«Бритиш Телеком»	50,2 %
1982	«Бритойл»	100 %
1981 и 1983	«Кейбл и Уайлресс»	100 %
1984	«Энтерпрайз Ойл»	100 %
1982	«Нейшил фрейт Ко»	100 %
1983	«Бритиш Эйрвэйз»	100 %
1983	«Интернейшнл Эйрадио»	100 %
1986	«Бритиш Хэликоптерс»	100 %
1981	«Бритиш Рейл»	100 %
1984	«Силинк»	100 %
1985–1986	«Бритиш Шипбилдерс»	100 %
1988	«Бритиш Стил»	100 %
1986	«Нейшил Бас»	100 %
1984	«Ровер, Ягуар, Роллс-Ройс»	100 %
1987–1988	«Бритиш Аэропортс»	100 %
1987–1988	«Роял Орденс»	100 %

Значительно увеличилась доля собственников жилья (*табл. 5*) [Зарецкая 2006: 341].

Таблица 5. Доля собственников жилья в Великобритании в 1979 и 1993 гг.

Группа населения	1979 г.	1993 г.
Специалисты	86	90
Наниматели и управляющие	78	89
Служащие среднего уровня	70	83
Квалифицированные рабочие	47	72
Неквалифицированные рабочие	19	42
Экономически неактивное население	–	55
Все группы	52	67

Заметим, что выросла доля не только среди специалистов, но и среди неквалифицированных рабочих. Причем в большей степени — с 19 до 42 %.

Также произошло значительное изменение в структуре собственности домов.

Доля домов, построенных частным сектором и государством, существенно изменилась (*табл. 6*).

Таблица 6. Соотношение домов, построенных частным сектором и государством в Великобритании с 1971 по 1993 г.

Год	Дома, построенные частным сектором	Дома, построенные государством
1971	52 166	113 658
1979	143 949	89 691
1980	131 974	88 590
1985	163 395	30 422
1990	166 655	17 879
1993	144 604	3248

Также произошли значительные изменения в структуре рынка труда. Люди переходили в частный сектор из государственного (*табл. 7*). Это означает, что сокращение государственных расходов

не приводит к исчезновению ресурсов — они начинают создаваться на конкурентной основе.

Таблица 7. Изменения на рынке труда в Великобритании в 1961–1995 гг.

Показатель	Изменение за 1961–1981 гг.	Изменение за 1981–1995 гг.
Всего занятых	41 000	1 245 000
Частный сектор	-1 285 000	1 965 000
Госсектор	1 326 000	-1 718 000

В целом достижения реформ Тэтчер были следующими.

Доля государственного сектора уменьшилась на 60 %. Акционеров стало больше: в 1980 г. — 3 млн, в 1990 г. — 11 млн. В 1983–1990 гг. было создано 3 млн рабочих мест, уничтожено 1,7 млн (чистый прирост — 1,3 млн). Появился новый предпринимательский тип: Ричард Брэнсон, Рупер Мердок и многие другие.

Владельцев домов стало больше: в 1980 г. — 55 %, в 1987 г. — 64 %, в 1990 г. — 67 %. Рост ВВП — в среднем 3 %, инфляция снижалась до 5 %, доля расходов уменьшилась на 41 %, а профицит вырос до 1 %. Производительность труда росла в 1973–1979 гг. всего на 1,16 % в год, в 1980-е гг. — на 4,4 %. Безработица упала до 6 %. Сократилось количество чиновников на 46 %.

Доходы населения выросли на 37 %. Выиграло 90 % населения (10 % самых богатых на 62 % увеличили свои доходы, самые бедные потеряли 17 %³⁵). В 1987 г. подоходный налог был снижен до 25 % [Тьерио 2010].

Таким образом, главные достижения Тэтчер связаны с приватизацией и дерегулированием рынков. Что же касается денежной политики, то ее вряд ли можно считать последовательно либеральной. Особенно после 1987 г.³⁶

³⁵ Это явно не соответствует роулсианскому критерию справедливости, по которому от него должны выигрывать самые бедные. Дальнейший рост экономики поднял доходы и самых бедных. Без реформ упали бы доходы и тех и других.

³⁶ Так называемое чудо Найджела Лоусона, одного из лидеров команды Тэтчер, обеспечило лучшие результаты к 1987 г. Дальнейшие действия Лоусона привели к росту денежной массы и инфляции.

Реформы Рейгана

Основными пунктами программы, по словам Уильяма Нисканена, советник по экономике Рейгана, были:

1. Замедление роста правительственные расходов.
2. Сокращение налогов.
3. Сокращение вмешательства государства в экономику.
4. Снижение инфляции путем сокращения денежной массы.

Нисканен полагал³⁷, что заявленные пункты в целом были достигнуты, хотя и частично, так как этому помешал конгресс.

Однако посмотрим на факты, показывающие, чего удалось достичь.

До 1980 г. активно росла денежная масса, при этом осуществлялся контроль за ценами и зарплатами. Аллан Гринспен вспоминал: «В результате политического давления значительно увеличилась денежная масса в виде наличных долларов. Установленный президентом Никсоном контроль за ценами и уровнем заработной платы был отменен» [Greenspan 2007]. Это было, несомненно, прогрессивной мерой.

Ежегодный дефицит государственного бюджета при Рейгане составлял в среднем 4,2 % валового внутреннего продукта, в то время как в 1980 г. он был 2,7 %³⁸.

Расходная часть бюджета за годы правления Рейгана в среднем составляла 22,4 % валового внутреннего продукта, в то время как за весь период с 1971 по 2009 г. эта цифра составляла лишь 20,6 %. Одновременно вырос государственный долг США — от 26,1 % валового внутреннего продукта в 1980 г. до 41 % к 1988 г., в абсолютных цифрах — примерно в три раза.

Инфляция в 1980 г. составляла 13,5 %, а к 1988 г. она упала до 4,1 %. Этот результат связывают с повышением процентной ставки ФРС (в максимуме — до 20 % к 1981 г.)³⁹.

³⁷ URL: <http://www.econlib.org/library/Enc1/Reaganomics.html> (дата обращения: 01.12.2022).

³⁸ URL: http://www.cbo.gov/sites/default/files/cbofiles/ftpdocs/120xx/doc12039/01-26_fy2011outlook.pdf (дата обращения: 01.12.2022).

³⁹ Consumer Price Index, 1913 to date, United States Bureau of Labor Statistics.

Безработица в 1980 г. составляла 7,1 %, а в 1988 г. — 5,5 %, хотя в 1983 г., в начале президентства Рейгана, она увеличилась до 10,8 %⁴⁰.

Налоги при Рейгане были существенно уменьшены, в особенности на высокие доходы. Максимальный уровень налогов с 70 % был уменьшен в 1981 г. до 50 %, а в 1986 г. — до 28 %.⁴¹

Чтобы покрыть дефицит бюджета, администрация Рейгана увеличила государственный долг с 997 млрд долл. до 2,85 трлн долл.⁴²

Ф. Фукуяма полагает, что вина за последний финансовый кризис лежит на нерегулируемых финансовых рынках: «Это не конец капитализма. Я думаю, это конец “рейганизма”. У Рейгана было несколько идей, одна из которых состояла в том, чтобы сократить налоги, но траты оставить на прежнем уровне: считалось, что это приведет к экономическому росту. И привело, но это же породило и множество проблем. Другая идея состояла в дерегуляции, в том числе и в *дерегуляции финансовых рынков* (курсив мой. — П. У.)»⁴³.

Что касается того, что государство никак не вмешивалось в экономику до кризиса, то это откровенная неправда [Пеннингтон 2014]. Доля государственных расходов в ВВП США достигла до кризиса 50 %, а количество регуляторов может уместиться на десяти страницах формата А4.

Только финансовых регуляторов в США до кризиса было 100, а в Вашингтоне 1200 человек отвечало за его регулирование. ФРС США активно накачивала экономику деньгами все нулевые годы, что способствовало образованию пузыря на рынке деривативов. Ипотечные агентства Fannie Mae и Freddy Mac, созданные государством, обеспечили бум на ипотечном рынке. А рейтинговые агентства, ставившие высокие рейтинги банкам, получили олигополию благодаря действиям регуляторов [Фридмен, Краус 2012].

⁴⁰ URL: <http://research.stlouisfed.org/fred2/data/UNRATE.txt> (дата обращения: 01.02.2022).

⁴¹ Effective Federal Tax Rates: 1979–2001. Bureau of Economic Analysis (July 10, 2007).

⁴² URL: http://www.treasurydirect.gov/govt/reports/pd/histdebt/histdebt_histo4.htm (дата обращения: 01.02.2022).

⁴³ URL: <http://www.newtimes.ru/articles/detail/3278/> (дата обращения: 01.02.2022).

Дэвид Стокман, бывший член команды экономистов при Рейгане, полагает, что процесс разрушения капитализма в США начал Рейган, увеличив до фантастических размеров государственный долг [Stockman 2013].

Учетная ставка ФРС также значительно понижалась при Рейгане с 20 до 6 % (*рис. 5*).

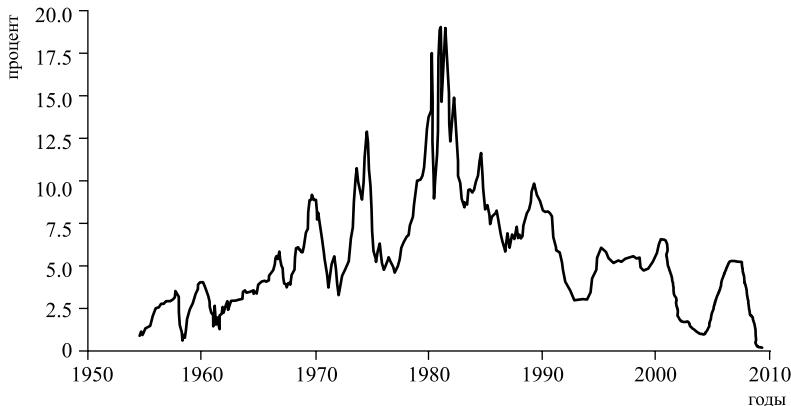

Рис. 5. Официальная ставка ФРС

Источник: Federal Funds Effective Rate // Economic Research FRED. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/FEDFUNDS> (дата обращения: 02.02.2023).

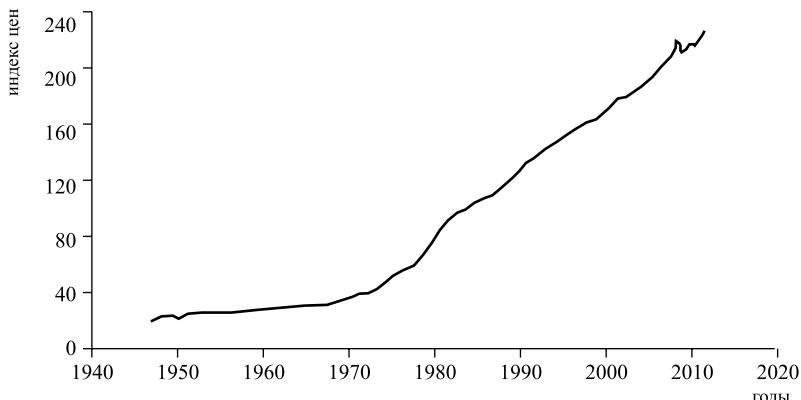

Рис. 6. Индекс потребительских цен США (1982 г. – 100 %)

Источник: [Reinhart, Rogoff 2013: 48].

Рост цен, начавшийся после отмены Никсоном размена долларов на золото в 1971 г., был продолжен и при Рейгане (*рис. 6*).

Особенность реформ Рейгана состояла в том, что он начал снижать налоги⁴⁴, но не сократил государственные расходы, а даже их увеличил. Это привело к тому, что США стали самым большим должником в мире. Можно сказать, что именно с Рейгана начался феноменальный рост государственного долга, который продолжили наращивать его последователи.

Хотя риторика Рейгана была либеральной, реальные шаги делали его все ближе к статус-кво, что фактически ставило крест на реформах. Хиггс отмечал, что Рейган очень быстро перестал бороться с Левиафаном: количество федеральных агентств, которые сохранил Рейган, составило 351 — только их перечисление заняло восемь страниц [Хиггс 2010: 456–463].

Дуг Бандоу, бывший при Рейгане помощником по политическим вопросам, писал: «Команда Рейгана скоро растеряла пыл и перестала бороться за урезание федеральных полномочий... Президент Рейган буквально ничего не сделал, чтобы удалить законодательные корни регулирования. То малое, что ему удалось, может быть ликвидировано росчерком пера другого президента» [там же: 446].

Хиггс писал: «Даже консервативное правительство, находясь у власти, не стремится ограничивать собственные полномочия. Короче говоря, консервативные политики — это прежде всего политики» [там же: 447].

Таким образом, реформы Рейгана в фискальной сфере были полностью провалены. Что же касается монетарной политики, то в целом она была инфляционистской, но более умеренной, чем у Банка Англии.

И у Рейгана, и у Тэтчер был шанс на проведение либеральных реформ, они им воспользовались лишь частично. Причем в долгосрочной тенденции на расширение правительства и рост Левиафана эти реформы практически не повлияли.

⁴⁴ Предельная ставка подоходного налога была существенно снижена, но рост цен выталкивал людей в группы с более высокой ставкой. Поэтому эффект от снижения оказывался незначительным.

Ротбард писал: «Минимальные требования к режиму, который называет себя «прорыночным», — это сокращение государственных расходов, сокращение общих налоговых ставок и остановка инфляционной эмиссии денег. Даже по этим, безусловно, скромным меркам ни одно британское или американское правительство в 80-е годы не может быть охарактеризовано как “прорыночное”» [Rothbard 1995: 229–230].

К нынешнему моменту мы видим постепенное накопление новых проблем, которые возродило «государство всеобщего благосостояния»: спад в зоне евро, огромный госдолг США, беспрецедентный рост денежной массы.

Нынешние новомодные интеллектуалы возрождают первобытные страхи перед финансовыми рынками и свободной экономикой. Даже те, кто называет себя сторонником рынка, такие как Дарон Аджемоглу (Асемоглу)⁴⁵, по факту предлагают меры, которые способствуют развитию экстрактных институтов. Наиболее цитируемые экономисты: Пол Кругман, Джозеф Стиглиц, Роберт Шиллер — убеждают публику в том, что финансовые рынки — источник всех бед⁴⁶. И все, что нам нужно, это создание новых министерств и ведомств с более широкими полномочиями по регулированию. Хотя уже существующие комитеты и ведомства не предотвратили кризис.

⁴⁵ Так, популярный сейчас Аджемоглу (Асемоглу) пишет о том, что «все то, что необходимо для “правильной” экономики и роста благосостояния широких слоев, не является загадкой. Благонамеренные правительства (будь они действительно таковыми) давно выучили бы правила “хорошего поведения” и воплощали их в жизнь» [Заостровцев 2013: 10]. Авторы видят источник роста в инклузивных институтах, однако в других своих работах они ратуют за интервенционизм (читай: за экстрактные институты) [Асемоглу 2009]. В данной работе Аджемоглу (Асемоглу) полагает, что причина кризиса — вера в свободные рынки, а главный урок — необходимость усиления регулирования. Видимо, для многих экономистов мейнстрима остается загадкой, что «необходимо для “правильной” экономики и роста благосостояния широких слоев». Они ведь давно должны были понять это по их теории. Но этого до сих пор не произошло. Видимо, дело все же в неправильной теории.

⁴⁶ Дж. Акерлофф и Р. Шиллер пишут: «Мы подчеркиваем *необходимость создания комитетов и комиссий*, которые будут разрабатывать реформу финансовых учреждений и придумывать правила, в которых мы все так остро нуждаемся» [Акерлофф, Шиллер 2010: 211].

Ведущие интеллектуалы современности заражены антикапиталистической ментальностью, сегодня практически нет тех, кто предлагал бы альтернативу.

Шведские исследователи Американской экономической ассоциации показали, что экономисты почти поголовно придерживаются принципов этатизма [Клейн, Штерн 2008]⁴⁷.

Пока мы не изменим идеологию, все будет идти по-старому, к новым кризисам⁴⁸. Чтобы этого не допустить, необходимо изменение идеологии — без этого любые реформы будут восприняты как насилиственные и приведут к новому откату назад.

Дмитрий Травин в своей книге «Европейская модернизация» развил мысль Стендаля о том, что в России с опозданием на 50 лет повторяют французскую моду⁴⁹. Возможно, такой же лаг существует и в отношении идей — тогда самое время для того, чтобы ознакомиться с работами тех ученых, которые 50 лет назад создавали австрийскую экономическую школу и либертарианскую философию.

Если «Россия будет свободной», то ей необходимо будет опереться на определенные идеи. Иначе, как говорил Ричард Кобден: «Если свободу обмена получить, не поняв ее смысла, то ее легко будет опять потерять» [Бастия 2003: 181]. Видимо, это «бегство от свободы» [Заостровцев 2014] стало происходить в России после распада СССР [Гельман 2013].

Однако реальные изменения в развивающихся странах будут возможны лишь тогда, когда в развитых странах изменятся идеи о том, какая политика является желательной. Тогда локомотив перемен потянет за собой и развивающиеся страны.

⁴⁷ Дэниэл Клейн и Шарлотта Штерн на основе опроса экономистов Американской экономической ассоциации делают вывод о том, что только 8,33 % экономистов проходят «зачет» по «рыночности» — подавляющее большинство за интервенционизм. Неудивительно, что политика развитых стран интервенционистская.

⁴⁸ Томас Джонстон говорил, что «цена свободы — постоянная бдительность».

⁴⁹ «Русские старательно копируют французские нравы, только с опозданием лет на пятьдесят» [Травин, Маргания 2004: 18]. С модой сейчас дела обстоят гораздо лучше, но вот с идеями далеко не всё так хорошо. Во многом они остаются теми, что были раньше.

Что же могут в таких условиях делать страны развивающиеся? Они могут идти демократическим путем или же таким, каким пошли Чили и Сингапур. В рамках данной работы мы не даем ответа на вопрос, какой путь лучше.

Общая схема модернизации

Основные положения нашей работы могут быть сформулированы в десяти тезисах:

1. Развитые страны проводят ту политику, которая соответствует их идеологии.
2. Эту идеологию формируют интеллектуалы.
3. Эффективная идеология приводит к росту, неэффективная — к спаду.
4. Идеология свободного рынка привела страны к Современности.
5. Достижения капитализма вызвали фрустрацию у части интеллектуалов — они создали идеологию этатизма.
6. Идеология этатизма разрушила мировую экономику и породила мировые войны.
7. Частичное сохранение идеологии этатизма приводит к постепенному ее расширению.
8. Когда возникают кризисы, развитые страны «вспоминают» свои истоки и совершают *модернизацию после модернизации*.
9. Развивающиеся страны воспроизводят реформы развитых стран, что приводит к росту их экономик.
10. Общая логика модернизации: *либеральные идеи* → *политика развитых стран* → *успех развитых стран* → *подражание развивающихся стран*.

Мизес писал о том, что либеральная программа не была полностью реализована нигде, но даже частичная реализация в XIX в. дала невероятные результаты. Либеральные реформы в Англии и США в 1980-е гг. были лишь частично либеральными, но также обеспечили этим странам сохранение лидерства. Настоящая модернизация пока нигде не была реализована в полной мере. Это означает, что обществу еще предстоит открыть в будущем те принципы, которые позволят увеличить благосостояние и расширить права и свободы.

Глава 7

От «ковбойского капитализма» Рональда Рейгана до Джо Байдена (1988–2021)

Если свободу обмена получить, не поняв ее смысла, то ее легко будет опять потерять.

Ричард Кобден [Бастия 2003: 181]

Экономическая история возможна только в том случае, если есть экономическая теория, способная пролить свет на экономическое поведение. Если экономическая теория отсутствует, то сообщения, касающиеся экономических фактов, — не более чем собрание бессвязных данных, поддающихся любой произвольной интерпретации.

Людвиг фон Мизес [Мизес 2012d: 51–52]

Наследие Рейгана

В одной из моих статей 2014 г. был разобран период правления Рональда Рейгана [Усанов 2014]. Общими чертами той эпохи были оптимизм и уверенность нации в том, что она идет верным путем. Ни о каком расколе общества не шло и речи. В 1984 г. Рейган был переизбран с огромным перевесом, получив 58,8 % голосов. Его соперник набрал лишь 40,6 %. Доверие к президенту со стороны общества хоть и не было абсолютным, тем не менее можно назвать значительным. После 1988 г. республиканцы постоянно находились в поисках «нового Рейгана». Вероятнее всего, популярность у республиканцев в 2016 г. Дональда Трампа — отчасти проекция образа Рейгана. Рейган открыто провозгласил свою философию: «Государство не является средством решения наших проблем, оно само является проблемой»¹.

¹ Любимым президентом Рейгана был Кельвин Куллидж, которого он называл «Молчаливый Кэл»: «Он был таким тихим: он не давал федеральному правительству лезть в общественные дела и позволял бизнесу процветать на всем протяжении 1920-х» [Mayo, Nohria 2005: 292].

Реальный ВВП за время президентства Рейгана вырос почти на треть; инфляция упала с 12 % до менее 5 %; уровень безработицы снизился с 7 % до 5 %. Благодаря рестриктивной монетарной политике Пола Волкера, частично ограничившего кредитную экспансию за счет увеличения процентной ставки ФРС, инфляция в 1983 г. снизилась до 3,2 % и оставалась ниже 5 % до начала 1990-х гг. Одна из заслуг Рейгана — частичное дерегулирование экономики, погрязшей в бюрократии²; так дерегулирование авиаперелетов привело к появлению новых компаний, таких как Southwest Airlines, славившихся новым подходом к ценообразованию и сервису. Крах монополии AT&T в телекоммуникационной отрасли вызвал снижение цен и шквал новаций, часть из которых продолжает влиять на нашу жизнь и сейчас. Дерегулирование транспорта сократило стоимость транспортных услуг и сделало экономику более эффективной. Финансовые рынки праздновали взятие новых рубежей. Индекс Доу — Джонса взлетел с отметки 951 пункт в момент первой инаугурации Рейгана до 2239 пунктов восемью годами спустя. Однако настоящий бум произошел уже в 1990-е гг, за этот период индекс вырос в десять раз [Гринспен, Вулдридж 2020: 372; Prasad 2008].

Однако эпоха «ковбойского капитализма» продлилась недолго.

От «ковбойского капитализма» до эпохи «иссякающего динамизма»

В 2003 г. вышла в свет книга Олафа Герземанна «Ковбойский капитализм». В ней автор обосновывает тезис о том, что американская модель экономики гораздо более эффективна, чем европейская, так как для американского «ковбойского капитализма» характерен высокий уровень экономических свобод и свободы предпринимательства, в то время как европейскую модель он описывает как бюрократизи-

² До Рейгана крупные корпорации США кейнсианской эпохи брали на себя в 1970-е гг. огромные социальные обязательства: от предоставления работникам пожизненного найма до спонсирования местных оперных театров. От этого пришлось отказаться в эпоху возрождения в США духа предпринимательства [Гринспен, Вулдридж 2020: 380].

рованную и зарегулированную. Общий вывод исследования состоит в том, что динамизм США обеспечит в будущем не только более высокий уровень доходов гражданам США, но и больший социальный комфорт. К нынешнему моменту ситуация изменилась. Сложно сказать, где экономика больше бюрократизирована: в США или Европе, но вывод книги остается верным: динамизм и огосударствление экономики — вещи несовместимые. Общеизвестно, что Рейган, до того как стать президентом США, был актером вестернов и часто играл ковбоев. Эпоха Рейгана в качестве президента стала эпохой развития таких компаний, как Apple, но успех оказался недолгим. На смену «ковбойскому капитализму» пришла эпоха застоя и «иссякающего динамизма» (по словам Алана Гринспена), олицетворяемая президентом Джо Байденом, которого остроумно профессор Университета Мемфиса (США) Андрей Знаменский назвал «Леонидом Ильичом» Байденом³ [Герзemann 2006].

Среди явных достижений Рейгана следует отметить следующие. Безработица в 1980 г. составляла 7,1 %, а в 1988 г. — 5,5 %, хотя в 1983 г., в начале президентства Рейгана, она увеличилась до 10,8 %. Налоги были существенно уменьшены, в особенности на высокие доходы. Максимальный уровень налогов с 70 % был уменьшен в 1981 г. до 50 %, а в 1986 г. — до 28 %. Однако это совмещалось у Рейгана с политикой наращивания государственных расходов. За период с 1980 по 1988 г. количество чиновников выросло на 230 000 — до 3 000 000. Расходная часть бюджета за годы правления Рейгана в среднем была 22,4 % ВВП, в то время как за весь период с 1971 по 2009 г. эта цифра составляла лишь 20,6 %. Одновременно вырос государственный долг США, от 26,1 % валового внутреннего продукта в 1980 г. до 41 % к 1988 г., в абсолютных цифрах — примерно в три раза. В 1980 г., когда страной руководил Джимми Картер, расходы федерального правительства составляли 591 млрд долл. (21,6 % ВНП). В 1986 г. они соста-

³ В таком сравнении автор не видит ничего оскорбительного, ведь даже сторонники Байдена так его называют. Например, это делает вполне демократическая газета The Guardian ([URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/mar/06/biden-soviet-russia-status-quo-democratic-ussr](https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/mar/06/biden-soviet-russia-status-quo-democratic-ussr); дата обращения: 01.12.2022).

вили 990 млрд долл. (24,3 % ВНП), т. е. увеличились на 68 %. В 1981 г. дефицит бюджета впервые в истории превысил 1 трлн долл., а в 1988 г. достиг 2,6 трлн долл.

Однако Рейган ответственен также и за то, что проявились в качестве серьезной проблемы лишь позже. В частности, он заложил бомбу замедленного действия под финансовую систему США, нарастав государственный долг до невиданных масштабов. Национальный долг при Рейгане вырос больше, чем при всех предшествовавших ему президентах, вместе взятых. В 1980 г. федеральный долг государства составлял 712 млрд долл., а в 1990-е гг. он вырос более чем втрое — до 2,4 трлн долл. [Гринспен, Булдридж 2020: 373]. Как следствие, начал действовать эффект вытеснения: федеральные займы вытесняли с рынка частных заемщиков, которые могли бы в случае меньшего государственного долга найти более продуктивное применение национальным сбережениям. Все это в совокупности сказалось на замедлении роста производительности.

Даже известный сторонник рейганомики Уильям Нисканен признал, что за два президентских срока Рейгана «международная торговля стала более зарегулированной... Президент Рейган предоставил больше защиты американской промышленности, чем любой из его предшественников за последние 50 лет»⁴.

Хотя в период правления Рейгана были предприняты некоторые шаги в сторону свободного рынка, нельзя счесть его политику последовательно «прорыночной». Как описал итоги правления Ротбард: «Минимальные требования к режиму, который называет себя “прорыночным”, — это сокращение государственных расходов, сокращение общих налоговых ставок и остановка инфляционной эмиссии денег. Даже по этим, безусловно, скромным меркам ни одно британское или американское правительство в 1980-е гг. не может быть охарактеризовано как “прорыночное”» [Rothbard 1995: 229–230].

⁴ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-HdYf133pwo> (дата обращения: 01.12.2022).

Буш-старший и Клинтон: эпоха прорыночного консенсуса

Начало 1990-х гг. можно с уверенностью называть эпохой победы капитализма. Как пишут Гринспен и Вулдридж, прорыночный консенсус казался в начале 1990-х гг. окончательным и не подлежащим пересмотру [Гринспен, Вулдридж 2020: 424]: «“Между падением Берлинской стены в 1989 г. и падением Советского Союза в 1991 г., — вспоминал один высокопоставленный индийский чиновник, — я чувствовал, будто пробуждаюсь от 35-летнего сна. Все, что я знал об экономических системах, все, что я пытался реализовать, оказалось неверным”. Правительства по всему миру приняли конкурентную рыночную экономику в качестве единственной альтернативы» [Yergin, Stanislaw 2002: 168].

Известный телеведущий Михаил Таратута вспоминает, что в начале 1990-х гг. левые настроения были крайне непопулярны в США и было даже стыдно признаться в том, что являешься сторонником идей Маркса. Все изменилось за последующие 25 лет. Открыто признавать себя сторонником левых идей стало не только допустимо и модно, но и политически перспективно. По словам автора программы «Америка с Михаилом Таратутой»: «В США в 90-е, тема левых в общественной жизни просто отсутствовала. Меня она заинтересовала только в тот момент, когда советскому строю наступил полный и окончательный капут: как же теперь американские коммунисты без нас, без советской помощи, должно быть, левые идеи потеряли в Америке свой последний шанс? Словом, не без труда я разыскал Североэйский калифорнийский обком Компартии США (по месту моего корпункта в Сан-Франциско). Я нашел его в одном из бедных районов города, где обкомовцы ютились в подвальном помещении крохотного книжного магазинчика, торгающего левацкой литературой. Зрелище было и в самом деле жалкое: помещение, давно не знающее ремонта, обшарпанные столы, износившиеся стулья... Шесть-семь человек не очень опрятного вида и далеко не первой молодости что-то печатали на пишущих машинках, размножали на принтере, куда-то звонили... Но, поговорив с первым секретарем, афроамериканкой, тоже, кстати, бальзаковского возраста, я увидел этих копошащихся по офисным делам людей в несколько ином свете. По-своему они были героями. Правда, только в том смысле, что им годами приходилось вести двойную

жизнь, тщательно скрывая свою партийную деятельность от соседей, знакомых, а порой и семьи, чтобы — нет, с властями у них особых проблем не было — но чтобы не стать изгоями самим и не подвергнуть той же участи близких»⁵.

Зато идеи свободного рынка были крайне популярны. Симптоматично, что именно в 1991 г., когда США находились на вершине успеха, американцы поставили на второе место по влиянию на культуру США роман Айн Рэнд (1905–1982) «Атлант расправил плечи». По результатам опроса, проведенного среди членов американского клуба Book of the Month Club в 1991 г., выяснилось, что роман «Атлант расправил плечи» находится на втором месте после Библии среди книг, которые оказали влияние на их жизнь⁶.

Рэнд ассоциировалась у многих американцев с их собственным образом жизни и ценностями, ее роман олицетворял победу капитализма над социализмом. Айн Рэнд открыто признавала свои взгляды прокапиталистическими: «Я в первую очередь защитник не капитализма, а эгоизма; и не эгоизма, а, скорее, человеческого разума. Если человек признает главенство разума и постоянно им пользуется, все вышеупомянутое станет следствием. Главенство разума было, есть и будет основной темой моих работ и сутью объективизма» [Рэнд 2021: 9]. Все изменилось за последующие 25 лет. Ситуация развернувшись на 180 градусов, и теперь, по социологическим опросам, больше 58 % молодых американцев не хотят жить при капитализме и либеральной демократии, предпочитая им социализм, коммунизм или фашизм.

7 ноября 2017 г., в день 100-летия Октябрьской революции, в США был проведен опрос американцев о том, какой общественно-политический строй они предпочитают. В исследовании приняли участие 2300 человек старше 16 лет. В ходе опроса выяснилось, что количество молодых людей в США, желающих жить при социалистическом строе, составляет 44 %. При коммунизме хотели бы жить 7 % и столько же при фашизме. Желающих жить при капитализме набралось всего

⁵ URL: <https://www.lrt.lt/ru/novosti/17/1203649/mikhail-taratuta-amerika-vlevo-vlevo-eshche-levei> (дата обращения: 01.02.2022).

⁶ URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1991-12-02-ca-746-story.html> (дата обращения: 01.12.2022).

42 %. То есть у 58 % молодых американцев — антикапиталистические и антилиберальные взгляды. Не приходится удивляться тому, что на политическом рынке все более заметны те, кто еще недавно считался маргиналом: радикальные левые и националисты. Причем, видимо, этот процесс будет только усиливаться, если прав Людвиг фон Мизес в том, что общественное мнение детерминирует поведение политиков⁷. Одна из задач этого исследования: ответить на вопрос о причинах таких перемен. Как получилось, что американцы за 25 лет превратились из сторонников Айн Рэнд и капитализма в сторонников социализма и Маркса?

Нельзя объяснить рост левых настроений неравенством. Индекс Джини, который часто считается наилучшим показателем неравенства доходов, не может свидетельствовать о радикальном повышении неравенства в американском обществе с 1991 по 2017 г. Весь этот период он колебался в узком диапазоне от 0,40 до 0,42. Причем, например, в 2007 г. был даже ниже (0,40), чем в 1997 г. (0,405). За десять доэз кризисных лет неравенство сократилось, если доверять сторонникам Индекса Джини. Таким образом, гипотеза о том, что увеличение популярности левых идей было связано с ростом неравенства, не может считаться верной⁸. Популярная идея Тома Пикетти о росте неравенства [Пикетти 2016] подверглась резкой критике в российской [Капелюшников 2020а] и западной [Макклоски 2016: 153–195] литературе.

А вот рост размеров государства мог стать причиной идеологического сдвига и поляризации взглядов. Доля государственных расходов в ВВП США выросла с 34 % до 44 % за период с 2000 по 2020 г.; когда Рейган пришел к власти, этот показатель был еще ниже — 33 %, при Рейгане он вырос до 37 %. Характерно, что все 1990-е гг. показатель устойчиво снижался и достиг низшего уровня в 2000 г. С тех пор он никогда не достигал столь низкого уровня «сытых 1990-х»⁹.

⁷ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3465661> (дата обращения: 01.12.2022).

⁸ URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?end=2012&locations=US&start=1995> (дата обращения: 01.12.2022).

⁹ URL: <https://tradingeconomics.com/united-states/government-spending-to-gdp> (дата обращения: 01.12.2022).

Почему же усилился конфликт между двумя партиями США? Почему от взаимных подарков ручек в 1990-е гг. партии перешли к взаимному троллингу и нерукопожатости?

Элионор Остром в книге «Управляя общим» [Остром 2011] описала процесс рассеивания ренты в результате того, что благо находится в общем ведении, тогда ни у кого нет стимулов к рациональному использованию ограниченных ресурсов. Если пасти скот может каждый на участке земли, который принадлежит всем, то никто не будет заботиться о том, что земля через какое-то время будет непригодна для использования. Частная собственность позволяет решить эту проблему.

Похожая ситуация работает на политическом рынке, где действует процесс перераспределения «общего блага» — бюджета, который формально чиновникам и политикам не принадлежит, но и каждый индивид не может на него претендовать. Чем больше этот фонд, тем больше стимулов «захватывать регулятора», тем большую выгоду получает победитель на политическом рынке. Причем не только в виде бюджетных средств, но и в виде дискреционных полномочий.

Ту же идею относительно использования «общинных ресурсов» описал задолго до Остром Мизес в трактате «Человеческая деятельность»¹⁰.

¹⁰ «Крайним примером является... случай ничейной собственности. Если землей не владеет никто, несмотря на то что юридический формализм может называть ее общественной собственностью, ею пользуются, не обращая внимания на возникающий ущерб. Те, кто в состоянии присвоить себе доходы за древесину и дичь лесов, рыбу акваторий, полезные ископаемые недр, не заботятся о последствиях своего способа эксплуатации. Для них эрозия почвы, истощение исчерпываемых ресурсов и любое иное ухудшение будущего использования являются внешними издержками и не входят в их расчеты затрат и результатов. Они сводят лес, не обращая внимания на молодые побеги или лесовозобновление. В охоте и рыболовстве они не стараются избегать методов, затрудняющих восстановление популяции в охотничьих и рыболовных угодьях. Тогда часть людей выбирает определенные способы удовлетворения потребностей просто потому, что часть издержек взыскивается не с них, а с других людей» [Мизес 2012d: 616].

Такой процесс неизбежно усиливает конфронтацию между борющимися сторонами по мере увеличения размера этого «пирога». Если победитель получает все, то задача состоит как минимум в том, чтобы противоположная сторона не захватила власть. В такой ситуации любые средства хороши, в том числе использование СМИ как «ментальных загрязнителей»; так как «общественное мнение» никому не принадлежит, то можно передавать экстерналии другим членам общества.

Для этого идеально подходит демократическое правление с высокой долей государственных расходов: «Демократия сопряжена с более абстрактным внешним эффектом: ментальным загрязнением систематически предвзятыми взглядами» [Каплан 2012: 282].

Кроме того, политический рынок характеризуется нарастанием отрицательных экстерналий по мере увеличения самого политического рынка. Последний же становится больше, когда увеличивается доля государственных расходов в ВВП. Именно этот процесс и происходил с начала 1990-х гг. до 2017 г. Показатель доли государственных расходов в ВВП увеличился за этот период на 1/3¹¹.

Как следствие — усиление раскола: если не вам достанутся полномочия, а вашим конкурентам, то вы лишитесь доступа к управлению «общим благом», политика будет в руках ваших врагов.

Как заметил еще Аристотель, которого Айн Рэнд считала единственным философом: «К тому, что составляет предмет владения очень большого числа людей, прилагается наименьшая забота. Люди заботятся всего более о том, что принадлежит лично им, и менее заботятся они о том, что является общим» [Аристотель 2008: 707].

Чем больше становилась доля расходов, финансируемых централизованно, тем больше появлялось желающих перейти от предпринимательства к поиску ренты: путь, обратный тому, что вызвал промышленную революцию в Англии.

Процесс этатизации экономики и общества затянулся на несколько десятилетий.

¹¹ URL: <https://tradingeconomics.com/united-states/government-spending-to-gdp> (дата обращения: 01.12.2022).

Сытые 1990-е

1990-е гг. были удивительным временем для США. Временем процветания и высоких индивидуальных свобод по сравнению с тем, что последовало далее.

Хотя Буш-старший на выборах 1980 г. критиковал Рейгана за его план по снижению налоговых ставок, что в соответствии с кривой Лаффера должно было привести к росту налоговых поступлений. Эту идею он назвал «вуду-экономика» — правда, в дальнейшем отрицал, что использовал такое слово (журналистам удалось доказать обратное). Кроме того, Буш-старший фактически сам стал продолжателем политики «вуду-экономики», хотя и не очень успешным. Рецессия начала 1990-х не позволила ему переизбраться.

В 1992 г. настала эра «сытых 1990-х», именно в тот период наступили последствия тех реформ, которые начал Рейган. История повторялась. Политика Билла Клинтона напоминала правление Эйзенхауэра: «Демократ Клинтон управлял страной так же, как республиканец Эйзенхауэр, который верил в силу капитализма, но пользовался плодами капиталистического процветания для того, чтобы компенсировать потери проигравших», — писал Гринспен.

1990-е — это не только годы высокой индивидуальной свободы, но и почти полной свободы слова и отсутствия политического трайбализма.

Следующий сюжет позволяет увидеть, как сильно изменился мир за последние 25 лет. Известный баскетболист Майкл Джордан во время выборов в 1990-е, когда его как афроамериканского спортсмена попросили поддержать демократического кандидата, ответил на просьбу отказом, так как «республиканцы тоже покупают кроссовки», которые он активно рекламировал. Барак Обама не может это простить Джордану и сейчас. Сложно представить, что бы ждало Джордана, если бы он это сказал не в 1990-е, а в 2020 г. Были времена, когда здравый смысл был важнее групповой идентичности¹².

Благодаря возвращению духа капитализма США после Рейгана смогли стать центром высокотехнологического бизнеса, создав но-

¹² См. документальный фильм «Последний танец» (2020). URL: <https://m.imdb.com/title/tt8420184/> (дата обращения: 01.12.2022).

вую революцию в технологиях, которую возглавили такие корпорации, как Microsoft и Apple, за этим последовала и интернет-революция. В период правления Клинтона индекс Доу — Джонса ежегодно ставил новые рекорды: экономика процветала. Демонстрируя невиданные темпы роста и оптимизм инвесторов. За второй срок Клинтона индекс Доу — Джонса вырос в два раза. Инноваторы процветали и вместе с ними рядовые потребители: Билл Гейтс переиграл IBM и покорил мировую экономику. Создатель всемирно известной сети Starbucks Говард Шульц предложил Америке альтернативу традиционно плохому кофе в США, на которое жаловался даже Иосиф Бродский в эмиграции. Фред Смит создал логистическую компанию FedEx на основе бизнес-плана, до того противоречащего здравому смыслу (направлять все посылки в центральный хаб, прежде чем отправлять их адресатам), что его преподаватель в Йельском университете поставил ему за первое описание этой идеи оценку «С» (тройку).

В процесс создания инноваций включились и университеты. Ведущие университеты США предоставляли научные парки, лаборатории, бизнес-инкубаторы и венчурное финансирование. Интеллект и капитал работали рука об руку. Рекордный приток мигрантов при низком значении социальных расходов обеспечивал надежный приток мотивированной рабочей и интеллектуальной силы. Однако «созидательное разрушение» лучше всего видно по скорости, с которой большие американские компании покидали список Forbes 500: за 20 лет срок пребывания в нем упал вчетверо, что говорит о высокой конкуренции и сложности удержать свои позиции на высокоинновационном рынке. Бюрократизация убивает дух свободного предпринимательства и капитализма, а вместе и дух инноваций, о котором писал Шумпетер. Сокращение бюрократизации порождает обратные процессы. Общество и политики в США забыли об этом в 1960–1970-е. Похоже, в начале 2020-х снова эти уроки забыли политики и общество [Гринч спен, Вулдридж 2020].

Американцы вновь стали нацией акционеров. Многократно вырос объем торгов на Нью-Йоркской фондовой бирже: в 1960 г. на рынке обращалось 3 млн акций в день, в 1990 г. — 160 млн, а в 2007 г. цифра стала астрономической — 1,6 млрд. Это превышало численность населения США в пять раз. Неудивительно, что рынок был явно перегрет к началу ипотечного кризиса 2007–2009 гг. [там же: 382].

Благодаря рыночным реформам стала возрастать роль женщин в экономике, в которой до этого доминировали мужчины. Так, доля мужчин в возрасте от 16 до 64 лет, занятых на рынке труда, упала с 91 % в 1950 г. до 84 % в 2000 г., а доля женщин выросла с 37 % до 71 % [там же: 406].

Значительно увеличилась доля финансового сектора в ВВП США. Вклад в ВВП, формируемый финансовой отраслью и страхованием, устойчиво рос с 2,4 % в 1947 г. до 7,6 % в 2006 г. [там же: 407].

Однако не все было гладко. Азиатский кризис 1997 г. докатился и до Америки, хотя в 1997 г. фонд LTCM считал, что вероятность банкротства фонда LTMC — раз в 1 млрд лет, в его состав входили два нобелевских лауреата, фактически же он прекратил существование в следующем году. Членами совета директоров LTCM были Майрон Шоулз и Роберт Мертон, получившие в 1997 г. Нобелевскую премию по экономике с формулировкой «за новый метод определения стоимости деривативов», который считался общепринятым. Однако именно пагубная самонадеянность технократов и привела к просчетам и банкротству. К счастью для США, этот кризис не вызвал такой реакции, как последующий, и был быстро купирован. Однако уже в 2003 г. экономисты вновь обрели «нирвану»: так, в 2003 г. Роберт Лукас заявил, что «проблема экономических кризисов решена окончательно, их больше не будет»¹³. А МВФ на основе прогноза своих экономистов предсказывал экономический рост в 2007 г. и последующих годах. Веря в технократию порождает явление, которое Насим Талеб назвал хрупкостью [Талеб 2019].

Несмотря на высокие темпы экономического роста, что считается неизбежным фактором ухудшения экологии, борьба с загрязнением велась активно. Реальный ВВП США в период 1980–2000 гг. удвоили ся, при этом общий тоннаж сырья, потребленного американской экономикой, в эти два десятилетия не изменился. Экономический рост той эпохи нельзя объяснить лишь увеличением количества факторов

¹³ «Центральная проблема — проблема предотвращения депрессий — решена, причем решена на много десятилетий. Прошло всего четыре года, и маститый экономист в еженедельнике *Economist* констатировал развертывание самого серьезного кризиса со времен Великой депрессии...» [Энтов 2019: 193–194].

производства, за счет инноваций и технического прогресса экономика росла посредством не экстенсивного, а интенсивного развития.

Экономика росла в 1990-е гг. на 4 % ежегодно. Это означало, что США каждый год прибавляют, как пишут Гринспен и Вулдридж, по одной российской экономике к своему уровню ВВП [Гринспен, Вулк дридж 2020: 408].

Эпоха оптимизма Клинтона, думалось, не будет иметь конца. Казалось, что небо является безоблачным для США и так будет всегда. В 2000 г. Клинтон, выступая перед американцами, говорил: «Нам по-всюду жить в этот исторический момент. Никогда раньше наша страна не наслаждалась одновременно таким процветанием и таким общественным прогрессом при столь низком уровне внутреннего кризиса и внешних угроз. Мои сограждане-американцы! Мы преодолели мост в двадцать первый век». Мост оказался шатким. Уже в 2001 г. все эти свершения пришлось поставить под сомнение [там же: 414].

Имевшиеся успехи связывали с достижениями американского капитализма. Считалось, что либеральной демократии нет и не может быть альтернатив. Эпоха эпатизма в прошлом. Сэнфорд Икеда по этому поводу мудро заметил в 1996 г., что нельзя счесть окончательной победой либеральной демократии (как считал Ф. Фукуяма в книге «Кое нец истории») ситуацию, когда больше 43 % экономики продолжает перераспределяться через бюджет [Ikeda 1997: 237].

Дэвид Стокман описывает процесс деформации экономики, который начал происходить еще при Рейгане и Буше-старшем, что было незаметно на фоне высоких темпов экономического роста¹⁴ [Stockman 2013: 59–60]. Очень часто в экономике нужно обращать внимание не только на то, что видно, но и на то, что не видно, как учил Бастия [Баястиа 2006b].

В начале 2000-х еще был шанс на сохранение прорыночного консенсуса, однако уже не было тех, кто мог бы выступить в качестве морального авторитета, победа идей свободного рынка была признана, но тех, кто действительно глубоко понимал природу капитализма, практически не осталось: Хайек скончался в 1992 г., Ротбард — в 1995 г.,

¹⁴ Характерно название параграфа — The Keynesian Boom Under Reagan and Bush («Кейнсианский бум в период Рейгана и Буша-старшего»).

Фридман ушел на пенсию и покинул чикагский университет в середине 1990-х. Рэнд, Мизес, Хайек, Тэтчер — фигур подобного масштаба уже не находилось, 2000-е не породили новых известных и влиятельных интеллектуалов — защитников капитализма. Шанс был упущен, интеллектуальный авторитет идей сторонников капитализма оказался растрочен. Зато левые интеллектуалы смогли отыграться на волне популярности антикапиталистических настроений 2010-х.

Крутая горка первого десятилетия XXI в.

Представления Клинтона о безоблачности будущего очень быстро были похоронены событиями при президенте Буше-младшем: объявила о банкротстве крупнейшая энергетическая компания Enron, были обнаружены махинации в отчетностях ряда влиятельных корпораций, прекратила свое существование известная аудиторская компания Arthur Andersen, атака террористов 11 сентября 2001 г. вызвала экономический спад, на который правительство отреагировало решительно по-кейнсиански. Пришлось отказаться от планов профицитного бюджета (которые были достижением Клинтона), вместо этого после 2001 г. дефицит бюджета только рос. Ну и на десерт: при Буше-младшем наступил крупнейший после Великой депрессии финансовый кризис. Начиналось десятилетие эпохой оптимизма и экономического роста, а закончилось апокалиптическими прогнозами и ожиданиями окончательного краха капитализма [Гринспен, Вулдридж 2020: 415].

В ответ на террористический акт 11 сентября США масштабно нарастили военную мощь, вторглись в Афганистан и Ирак, были усилены меры контроля, правительство значительно расширило свое вмешательство в личные свободы граждан. Террористическая атака и реакция на нее вызвали большие проблемы в краткосрочном периоде для экономики и стратегически изменили баланс в пользу интервенционизма. В дальнейшем правительству было довольно просто аргументировать расширение масштабов деятельности государства. Сопротивление процессу этатизации экономики и общества было сломлено. Правительство значительно расширило свое вмешательство в период до кризиса 2007–2009 гг.

Рост размеров государства потребовал и новых технологий управления общественным мнением. Талеб так характеризовал деятельность

социальных сетей, которые, как предполагается, делают человека более информированным. На самом деле, по мнению Талеба, человек, в них погруженный, все больше теряет связь с реальностью: «...образованный человек получает информацию в основном не из окружающего мира, а от других людей — из журналов, соцсетей, от разных авторитетов. Самая страшная патология нашего времени — потеря контакта с реальностью»¹⁵.

Ничего удивительного, что политики и СМИ создали в США успешный альянс. И тем и другим, по словам Талеба, не приходится «рисковать собственной шкурой». «Почему политики нашего времени так безответственны? Потому что им не угрожают последствия их решений. В своей книге “Skin In the Game. The Thrills and Logic of Risk Taking” (“Рискуя своей шкурой. Страхи и логика принятия рисков”), я отстаиваю мнение: адекватные решения принимаются только тогда, когда человек “рискует своей шкурой”. Сейчас политики управляют своими странами и миром в целом так, словно в компьютерную игру играют: риски нулевые, а значит, и решения будут неадекватными»¹⁶ [Талеб 2018].

Кроме роста государственных расходов вполне в кейнсианском духе, Буш-младший начал снижать налоги, он был убежден в том, что Америке необходим фискальный рывок, чтобы за счет увеличения совокупного спроса перезапустить американскую экономику. Эти действия запустили долгосрочный механизм, который привел к ипотечному кризису [Гринспен, Булдридж 2020: 420].

Ящик Пандоры был открыт Бушем-младшим. К процессу безудержных трат не без удовольствия присоединился Конгресс. При Буше-младшем многократно выросло общее число программ целевого финансирования из бюджета, они выросли с 3023 в 1996 г. до почти 16 000 в 2005 г. Как всегда, политики конкурировали за освоение все новых расходов и государственных программ, не стесняясь покупать голоса избирателей за государственный счет.

В июне 2002 г. Буш-младший запустил программу поддержания рынка недвижимости, обнародовав план «Чертеж американской мечты»,

¹⁵ URL: https://www.rbc.ru/interview/own_business/16/11/2017/5a0c361d9a7947003e4aff7c (дата обращения: 01.12.2022).

¹⁶ Там же.

его цель была — облегчить покупку жилья людям с низким уровнем доходов, которым по чисто экономическим принципам нельзя было выдавать кредит, который они не смогут вернуть. В этом решении следует искать корни кризиса субстандартной ипотеки. Заемщикам с недостаточными финансовыми доходами выдавались ипотечные кредиты под плавающий процент, привязанный к ставке ФРС. Когда она выросла в пять раз, всем стало очевидно, что субстандартным заемщикам нечем платить, это запустило волну банкротств заемщиков, банков и эмитентов закладных. Процесс же был запущен благодаря действиям президента и Конгресса [там же: 420].

В 2000-е не только был запущен бум на рынке недвижимости, но и начался бум секьюритизации, который надстраивался над рынком жилья и создавал иллюзию нулевых рисков ипотечных облигаций. При этом средняя цена на дома в США быстро росла: в 2004 г. выросла на 16 %, а в 2005 г. — на 15 %. Стало выгодно брать ипотечный кредит, дожидаться роста стоимости жилья и потом продавать его, рефинансируя кредит на более дорогое жилье. Часть денег, таким образом, оставалась еще на саму жизнь. Это называлось использовать ипотеку как банкомат [там же: 426–427].

Особую роль в развертывании кризиса сыграли ипотечные агентства, созданные государством; государство стимулировало ипотечные агентства Fannie Mae и Freddie Mac наращивать кредитный портфель за счет самых бедных американцев. Fannie Mae и Freddie Mac являются примером государственного вмешательства в дела бизнеса. Вначале они были созданы как федеральные агентства в 1938 и 1970 гг. соответственно, но позже преобразованы в акционерные общества. Получился странный симбиоз из частных стимулов и зарплат (платили топ-менеджменту зарплату, как в крупнейших частных корпорациях) и государственных привилегий и сильного лобби в Конгрессе (возможность получать кредиты под льготный процент). Идеальный пример для Public choice theory. Они научились с помощью секьюритизации упаковывать ипотечные кредиты в ценные бумаги и продавать их инвесторам, все это при явной и неявной поддержке правительства США [там же: 428].

Даже когда стало очевидно, что на рынке надулся гигантский пузырь, никто не рисковал признать, что «король голый». Даже директор Citigroup в 2007 г. вынужден был заявить: «Когда музыка остановится (прекратится вливание ликвидности. — П. У.), все будет сложно.

Но пока она играет, вы должны оставаться на ногах и танцевать. Мы всё еще танцуем» [там же: 431]. В 2007 г. «музыка остановилась», пришел час расплаты.

Великая рецессия

Кризис стал абсолютной неожиданностью для политических элит США и открыл окно возможностей для левой альтернативы. Итальянский экономист Энрико Коломбатто в книге «Рынки, мораль и экзистенциальная политика» так описывает реакцию на ипотечный кризис в США и истоки такого поведения противников капитализма: «Когда в начале 2009 г. так называемый кризис субстандартных закладных долгов достиг своего пика, противники свободной рыночной экономики поняли, что наконец-то получили возможность вернуться на первые полосы газет. В действительности они не переставали надеяться на “интеллектуальное возвращение” в течение всего периода долгого молчания, начавшегося сразу после 1989 г., когда потерпела крах система централизованного планирования» [Коломбатто 2016: 11].

Многие предупреждали о возможности кризиса. Однако их голоса не были услышаны.

Несмотря на то что валюты развивающихся стран, таких как Россия, быстро дешевеют вследствие активной эмиссии, на Западе происходит схожий процесс, только более медленный: «Наиболее успешные и стабильные валюты мира резко потеряли в цене относительно золота, и на данный момент их стоимость составляет всего 2–3 процента от стоимости в 1971 г., когда они были отпущены в свободное плавание». В развитых странах значительно сокращается процент накоплений, без которого невозможно устойчивое развитие экономики, зато увеличивается государственный долг. Как пишет Сейфедин Аммус: «Результат 46-летнего эксперимента со свободно плавающими национальными валютами подтверждает этот вывод. В развитых странах постоянно снижается процент накоплений, тогда как индивидуальные, муниципальные и государственные долги достигли немыслимых в прошлом размеров» [Аммус 2019: 93–95].

Крах субстандартной ипотеки 2007–2009 гг. либертарианские теоретики предсказали задолго до этого на основе австрийской теории экономического цикла [Huebert 2010: 56–59].

Кризис 2007–2009 гг. породили два диаметрально противоположных движения: движение чаепития и Оскуру Wall-Street. Оба со временем утратили непосредственное влияние на политику. Если движение чаепития, кажется, растворилось, то противники Wall-Street выбрали для себя новую мишень — Трампа. Однако он для них всего лишь временный противник, олицетворение той Америки, которую они мечтают уничтожить.

Левые интеллектуалы еще с начала 1990-х грезили о реванше. Когда начался кризис, они использовали моральную дезориентацию как средство переманить на свою сторону колеблющихся. За счет этого консенсус сдвинулся в сторону левой повестки: медианный избиратель из сторонника рыночной экономики стал уверененным эстатистом или даже социалистом.

В кризисе 2007 г. поначалу не было ничего особенного, это был обычный циклический кризис, происходящий примерно раз в десять лет, вписывавшийся в монетарную теорию цикла австрийской школы. Бум начался в 2001 г., когда кредитная экспансия ФРС сделала процент ниже естественного уровня (до 1 %) и держала его на этом уровне три года. Данный процесс запустил более окольные методы производства (бум на рынке недвижимости, рост фондового рынка), одновременно с удлинением структуры производства происходило увеличение потребления (потребительский бум середины 2000-х). В 2006 г. ФРС, опасаясь перегрева экономики и инфляции, стала подышать процент (увеличение до 5,25 %). На каком-то этапе выяснилось, что в экономике недостаточно запаса капитала для завершения всех начатых цепочек производства (произошли банкротства банков, инвестиционных компаний и строительных компаний, ипотечным агентствам правительство не дало разориться). Если бы не вмешательство правительства, то произошла бы корректировка структуры производства в соответствии с имеющимися ресурсами. Вливание триллионов долларов ликвидности, бюджетные траты и сохранение «компаний-зомби» привели к тому, что кризис затянулся на несколько лет. Долгосрочные же последствия (например, в виде роста размеров государства) действуют и сейчас [Уэрта де Сото 2008].

Однако у кризиса в 2007–2009 гг. была и своя специфика. На его циклическую природу наслоились особые регуляции, созданные задолго до этого: «Закон о реинвестировании в общинах» и нормы,

регулирующие резервирование у коммерческих банков в пользу ипотечных облигаций. У обеих мер были политические истоки: политики проталкивали идеи по обеспечению неплатежеспособного населения собственной недвижимостью (что позволяло заполучить их голоса), а также выкуп облигаций давал возможность увеличить вес ипотечных агентств, созданных правительством. Этот процесс детально описан в книге «Рукотворный финансовый кризис: системные риски и провал регулирования» [Фридмен, Краус 2012].

Кроме того, специфика ипотечного кризиса состояла в том, что были принятые беспрецедентные меры по спасению банков и крупнейших компаний. Три причины послужили тому, что ценам и ресурсам не дали приспособиться к спросу и предложению, что замедлило процесс восстановления экономики:

1. Правительство не дало упасть заработной плате, вырасти безработице и адаптироваться ценам к новым условиям.
2. Были выборочно и без особой логики национализированы крупнейшие компании и банки (правда, потом их приватизировали, что способствовало росту в 2012–2016 гг.).
3. ФРС влияла колоссальную ликвидность, что сохранило рыночные ценыискаженными, а предпринимателей дезинформированными.

Рост начался только во второй срок правления президента Обамы, когда Конгресс повязал по рукам и ногам все проекты президента как автора «Нового Нового курса», который он провозгласил, но не смог даже начать. Именно это позволило экономике достаточно быстро расти в 2012–2016 гг.

Мало кто мог разглядеть в 1990-х тенденции, которые приведут к глобальному кризису. Большинство экономистов считали, что новый кризис, да еще и начавшийся в самих США, невозможен. ФРС полностью контролирует ситуацию, а экономисты-кейнсианцы подскажут, как не допустить формирования финансового пузыря задолго до его появления. Предыдущие кризисы (1987 и 1997 гг.) были непродолжительными и не оказали существенного влияния на экономику (случай кризиса 1987 г.) либо являлись событиями за пределами США (азиатский кризис 1997 г.). Ипотечный кризис произошел в финансовом центре, в самих США, вызвав панику в умах как политиков, так и экономистов.

Уильям Боннер и Эддисон Уиггин смогли рассмотреть опасности мягкой денежно-кредитной политики ФРС, которую начал проводить

в 1990-е еще Гринспен. Свою книгу в 2003 г. они назвали «Судный день американских финансовых. Мягкая депрессия XX века», где предрекали наступление финансового кризиса как расплаты за накачку экономики деньгами и рост государственного долга. В 2007 г. начался крупнейший экономический кризис в США со времен Великой депрессии [Боннер, Уиггин 2006]¹⁷.

Реакция на кризис была решительно интервенционистской, подобного не происходило в США довольно давно, со времен стагфляции 1970-х кейнсианцы не имели такого влияния на фискальную и монетарную политику. С начала кризиса 2007–2009 гг. государство совершило множество экономических интервенций как в США, так и в Европе: это спасение инвестиционных банков (Citigroup, Merrill Lynch, UBS), программа количественного смягчения (рост денежной базы на 4,5 трлн долл.), понижение процента ФРС с 5,25 % до 0–0,25 %. Кроме того, в 2010 г. Конгресс одобрил реформу здравоохранения (Obamacare); произошел рост предельной ставки подоходного налога (с 35 % до 40 %); был введен отрицательный процент в некоторых европейских странах; ЕЦБ разрешил напрямую выкупать долговые обязательства государств; государственный долг вырос в США на 10 трлн долл. (с 9 трлн долл. до 19 трлн долл.); была выделена помощь Греции (400 млрд евро); были национализированы вклады на Кипре (10 %); проведен референдум о едином доходе. Это далеко не полный перечень действий правительства после кризиса, но уже их достаточно для понимания того, в каком направлении двигались страны — в сторону усиления государственного регулирования экономики.

Дмитрий Травин предупреждал об опасности строительства пирамиды государственного долга в США и еще в 2016 г. писал о высокой вероятности кризиса: «Признаков кризиса сегодня просматривается довольно много. Пирамиды государственного долга возвышаются по всему миру, начиная с США. Запад живет не по средствам, потребляя существенно больше, чем производит. Интенсивная бюрократизация Евросоюза грозит ввести западный демократический капитализм при-

¹⁷ Благодаря издательству «Социум» и у российских читателей была возможность подготовиться к кризису 2007–2009 гг. Однако, видимо, главное еще впереди.

мерно в такое же состояние стагнации, в каком уже находится наш клептократический капитализм» [Травин 2016: 346–347].

Спусковым механизмом нового кризиса 2019–2021 гг. стала не пандемия, а денежная политика ФРС, державшая процент на беспрецедентно низком уровне (0–0,25 %) десять лет. Если бы не пандемия, было бы очевидно, кто является виновником кризиса.

В период первого срока правления Обамы осуществлялись меры по стимулированию выхода из кризиса. Фактически они лишь продлили его. Главное же достижение второго срока Обамы — в том, что он не выполнил обещанное — стать новым Франклином Рузвельтом и автором «Нового Нового курса». Это «достижение» позволило экономике выйти из кризиса.

В период правления Обамы был создан определенный образ президента, который можно сравнить с культом. Он рассматривался как спаситель нации от новой Великой депрессии. В серии лекций на «Арзамас» известный американист Иван КурILLA объясняет то, как происходила героизация отцов-основателей США, что мифотворчество — не только явление, хорошо известное по различным одиозным режимам XX в., но и интеллектуальная история США нея возможна без культа Томаса Джефферсона, Александра Гамильтонса и Джеймса Мэдисона, и даже сравнивает советский культ Владимира Ленина с культом Джорджа Вашингтона¹⁸. Как пишет Иван КурILLA о профессии историка в XX в.: «Выросла роль историка в написании истории: стало ясно, что от постановки историком вопроса зависел результат его исследования. Это открытие имело как методологическое значение, так и политические последствия» [КурILLA 2017: 95]. Многие историки торопились включить Обаму в список великих или даже величайших президентов США.

У экономистов, проводивших политику накачки экономики деньгами, была своя версия ответа на вопрос о причинах кризиса.

Глава ФРС в период финансового кризиса Бен Бернанке видел источник кризиса в недостаточности совокупного спроса [Bordo 2013: 1195–1198]. Экономисты извлекли из кризиса следующий урок: «То, что началось в 2007 г. как финансовый кризис на рынке ипотечных

¹⁸ URL: <https://arzamas.academy/materials/1337> (дата обращения: 01.12.2022).

облигаций США, привело к мировому экономическому кризису к концу 2008 — началу 2009 г. Из того, что произошло, можно извлечь два ключевых урока. Во-первых, глобальная финансовая система гораздо более взаимосвязана, чем считалось ранее, и чрезмерные риски, которые угрожали краху мировой финансовой системы, были гораздо более распространеными, чем кто-либо предполагал. Понимание того, как может возникать системный риск, и разработка политики, сдерживающей принятие этого риска, являются первоочередными задачами. Во-вторых, экстраординарные действия центральных банков и правительства позволили курировать глобальный кризис» [Mishkin 2011: 68].

То есть кризис породил нерегулируемый рынок, а правительства и центральные банки позволили его преодолеть — такой вывод сделали эти экономисты. В своих выступлениях Бернанке пришел к схожим выводам [Bernanke 2009].

Это разительно отличается от доклада Бернанке 2002 г. в честь Фридмана, который, как известно, был противником кейнсианских методов регулирования экономики [Bernanke 2002].

К сожалению, как говорил Мизес, так же как и в период Великой депрессии: «Никто не стремился указать на настоящего виновника кризиса: на ложную экономическую теорию» [Мизес 2020: 87].

Какие следовало извлечь уроки из финансового кризиса 2007–2009 гг.? Прежде всего необходимо было признать, что источник кризиса — кредитная экспансия центральных банков и тот метод «лечения», какой был выбран центральными банками (вливание ликвидности и понижение процентной ставки), идентичен средству, которое привело к кризису. Следовало осознать, что по этой причине неизбежен еще более жесткий и глубокий кризис, вызванный ошибочными действиями властей. Вместо вливания ликвидности, что не способствовало выходу из кризиса, необходимо было начать реформировать институциональное устройство современной денежной системы и банковского дела, что маловероятно по политическим причинам. Вместо deregулирования банковской деятельности — необходимого средства предотвращения кризисов — банковская система была подчинена еще большему интервенционизму. Фактически банки превратились в бюрократические конторы; даже банковский мультиплексор стал меньше единицы. Кредитную экспансию нынче запускает только

Центральный банк. Вместо этого политики и социальные активисты всю вину взвалили на жадность банкиров, иррациональность финансовых рынков и «неолиберальную» политику правительства.

Взлет левых идей

Примерно тогда же был запущен в научный и оклонаучный оборот термин «неолиберализм» — клише противников капитализма, которое они навешивали на всех сторонников рыночной экономики. Фактически это карикатура на принципы классического либерализма. С середины 1990-х устойчиво растет индекс цитирования «неолиберализма». Слово не имеет смысла, зато оказывает воздействие на подрастающее поколение и на массы. За несколько лет, с 1992 по 2000 г., индекс цитирования «неолиберализма» вырос в 100 раз [Taylor, Boas 2009: 137–161].

В своей книге Стедмен-Джоунз разобрал историю неолиберализма. В целом правдивое описание этого феномена очень далеко от той карикатуры, которая была создана левыми интеллектуалами в 1990-е. Сам термин впервые был предложен на коллоквиуме 1938 г., участники которого его одобрили. В коллоквиуме приняли участие Фридрих фон Хайек, Александр Рюстов, Вильгельм Репке, Людвиг фон Мизес, Майкл Полани и Жак Рюэфф. Однако для участников этот термин означал некий ребрендинг классического либерализма, а не формирование новой идеологии. Противники свободного рынка приписывают его сторонникам желание того, чтобы все продавалось за деньги и чтобы «богатые богатели, а бедные беднели». Естественно, подтвердить такую позицию цитатами невозможно, так как ни Хайек, ни Мизес не выражали никогда таких идей. Однако термин «был запущен в голову буржуазии» (выражаясь словами Маркса) и образ врага был создан — «неолиберализм». На сегодняшний день термин носит исключительно ругательный характер [Стедмен-Джоунз 2020: 25].

Знаменский в своей книге о социализме «Социализм как секулярная религия» пишет о том, как был запущен фейковый термин «неолиберализм» в массовое сознание. Он был создан для дискредитации идей свободного рынка, капитализма и верховенства права. Сторонники «неолиберализма» изображались противниками бедных, сторонниками разврата и неоколониализма [Znamenski 2021: 299–317].

Не следует считать, что объяснение роста левых настроений основано на теории заговора интеллектуалов. Скорее, речь идет о стимулах, которые вполне естественны для любой группы интересов. Автор не обвиняет кого-то конкретно в этом процессе, но лишь указывает на связь между гомогенностью интеллектуального сообщества и усилением антикапиталистической ментальности в США в последние 30 лет. Вполне можно предположить, что многие интеллектуалы совершенно искренне считают капитализм абсолютным злом. Хотя в краткосрочном периоде интеллектуалы не способны влиять на политику, в долгосрочном периоде благодаря системе образования и книгам их влияние оказывается крайне существенным. Как писал Хайек: «Во всех демократических странах, а в США даже больше, чем где бы то ни было, существует прочное убеждение, что влияние интеллектуалов на политику ничтожно. Это без сомнения так, если говорить о возможности интеллектуалов навязывать свое, отличное от массового, мнение при принятии текущих решений. Но на длинных промежутках времени их влияние в этих странах еще никогда не было столь велико. Источником их власти является влияние на формирование общественного мнения. В свете недавней истории любопытно, что эта решающая власть торговцев поддержаными идеями еще не вполне осознана» [Хайек 2020: 229].

В сильные 1990-е и 2000-е был шанс на укрепление идей свободного рынка и капитализма, однако он был упущен: не осталось тех моральных авторитетов, которые вызвали движение от социализма и этатизма в 1980-е; большие усилия были направлены на политическую борьбу, чем на рынок идей; система образования также стала активно распространять идеи социализма.

Очевидно, в популярности социализма и этатизма виноваты и интеллектуалы-сторонники капитализма. Как писал Хайек: «Успех социалистов должен научить нас тому, что именно их отважный утопизм обеспечил им поддержку интеллектуалов и влияние на общественное мнение, которое ежедневно делает возможным то, что еще вчера казалось недостижимым. Те, кто ограничивал себя только практически возможным (при данном состоянии общественного мнения), постоянно обнаруживали, что их усилия делаются политически нереализуемыми из-за изменения общественного мнения, которое они и не пытались направлять. Если мы не сумеем еще раз

сделать философское обоснование свободного общества животрепещущим вопросом интеллектуальной жизни, если не сумеем привлечь к этому наши лучшие и самые энергичные умы, перспективы свободы безрадостны. Но битва еще не проиграна, если мы сумеем возродить ту веру во власть идей, которая отличала либерализм в его лучшие дни» [там же: 258].

Фактически же интеллектуальное сообщество почти однородно в своем осуждении капитализма, все меньше слышно голосов в защиту капитализма, само это слово вновь стало ругательным.

Левые настроения крайне распространены среди историков, философов, антропологов и социологов. Идеи эпатизма — консенсус среди экономистов мейнстрима.

Ничего удивительного, что кризис привел людей в объятие тех, кто желает возродить социализм в той или иной форме.

Как отмечает Ростислав Капельюшников: «В последние десятилетия экономическая наука вслед за другими социальными дисциплинами становилась идеологически все более и более гомогенной. По данным опроса 2016 г., в настоящее время соотношение между сторонниками демократов и республиканцев среди университетских экономистов составляет 4,5:1. Еще десять лет назад разница была намного меньше — 2,7:1. При этом среди экономистов моложе 35 лет преобладание сторонников демократической партии оказывается вдвое выше — 9:1. Конечно, экономистам пока еще далеко до историков, где аналогичная пропорция составляет 34:1 (журналисты — 20:1; психологи — 17:1; юристы — 9:1). Тем не менее тренд ко все большей идеологической однородности экономической профессии налицо. Существует опасность, что это может отрицательно сказаться на конкуренции идей внутри сообщества экономистов и при определенных условиях даже привести к серьезным ограничениям свободы мысли. Идеологический диктат внутри академии — достаточно реальная перспектива, которая не сулит экономической науке в будущем ничего хорошего. С практической точки зрения устойчивое возрастание доли экономистов с левыми или поллевыми политическими взглядами означает, что в ближайшие десятилетия нам предстоит, по-видимому, стать очевидцами ползучего усиления государственного вмешательства в экономику, причем в самых разнообразных, подчас неожиданных формах» [Капельюшников 2018: 19–20].

Исследования показывают, что доля левых интеллектуалов в университетах устойчиво растет последние 30 лет¹⁹. Эта тенденция началась не вчера, но набрала силу именно после 1988 г. [Kimball 2008].

С 1988 по 2016 г. доля сторонников капитализма сократилась на 7,8 % в государственных университетах (теперь их меньше 10 %), на 6,4 % в частных университетах и 12,9 % в колледжах. Доля сторонников капитализма в зависимости от вида учебного заведения колеблется в районе 15 %. Остальные профессора являются в той или иной степени противниками капитализма и сторонниками этатизма и социализма²⁰ [Abrams 2016].

Среди экономистов крайне популярны идеи дирижизма в монетарной и фискальной сферах. Тест на прорыночность сдадут лишь 15 % экономистов, подавляющее большинство ратует за интервенционизм [Усанов 2019а: 321].

Слово «либерализм»

Как говорил Конфуций: «Когда слова утрачивают свое значение, народ утрачивает свою свободу». Когда термин «либерализм» был захвачен в 1930-е гг. социалистами в стиле Джона Дьюи, тогда и со свободой начались существенные проблемы [Усанов 2017].

Когда «неолибералами» стали называть сторонников классического либерализма, на смену эпохе идеи ограниченного государства вновь пришел Левиафан.

Американский философ Джон Дьюи в разгар Великой депрессии в США в 1935 г. призывал американское общество к «либерализму», вот только найти отличия его программы от лозунгов коллективистов было непросто: «Задачи, которые ставит перед собой либерализм, могут быть достигнуты только в том случае, если контроль над средствами производства и распределением изъят из рук отдельных лиц, которые действуют, исходя из узких индивидуальных интересов.

¹⁹ URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2016/oct/6/liberal-professors-outnumber-conservatives-12-1/> (дата обращения: 01.02.2022).

²⁰ URL: https://www.researchgate.net/publication/312229229_The_Contented_Professors_How_Conservative_Faculty_See_Themselves_within_the_Academy (дата обращения: 01.12.2022).

Цели индивидов сохраняют свое значение, но способы их достижения должны быть радикально изменены за счет новых экономических и политических институтов. Эти изменения необходимы для того, чтобы социальный контроль над социальными процессами и учреждениями мог привести к полному освобождению всех людей, связанных вместе в великое начинание построения жизни, которая способствует свободе каждого человека». В 1935 г. многие интеллектуалы мыслили себе свободу лишь при отсутствии частной собственности на средства производства, в этом они мало отличались от автора «Манифеста Коммунистической партии» [Dewey 1987: 627–628].

Следует отметить, что сегодня левые часто называют себя «либералами», это самоназвание не следует путать с идеями классического либерализма. Такая тенденция началась задолго до исследуемого периода. Как писал в свое время Мизес: «Сегодня принципы философии либерализма XIX в. почти забыты. В континентальной Европе их помнят немногие. В Соединенных Штатах “либеральный” означает сегодня комплекс идей и политических постулатов, во всех отношениях противоположных тому, что под либерализмом подразумевали предыдущие поколения. Самозваный американский либерал стремится к всемогуществу правительства, является твердым противником свободного предпринимательства и отстаивает всестороннее планирование, осуществляемое властями, т. е. социализм» [Мизес 2014: 8].

Мизес считал классическим либерализмом идеи ограниченного правительства, свободного рынка и предпринимательства, именно они породили промышленную революцию и капитализм: «Философы и экономисты XVIII — начала XIX в. сформулировали политическую программу, служившую руководством для социально-экономической политики сначала в Англии и Соединенных Штатах, затем на европейском континенте и наконец в остальных частях населенного мира. В полной мере эта программа не была реализована нигде. Даже в Англии, которую называли родиной либерализма и образцом либеральной страны, сторонникам либеральной политики никогда не удавалось воплотить все свои требования.

Либерализму так и не позволили воплотиться полностью.

Тем не менее, каким бы кратковременным и ограниченным ни было господство либеральных идей, этого оказалось достаточно, чтобы изменить облик мира.

Произошел взрыв экономического развития. Освобождение производительной силы человека многократно приумножило средства существования. Накануне мировой войны (которая сама явилась результатом длительной и ожесточенной борьбы против либерального духа и которая протекала в период еще более ожесточенных нападок на либеральные принципы) мир был населен несравненно более плотно, чем когда бы то ни было, и каждый житель Земли мог жить несравненно лучше, чем это было возможно в прежние века. Процветание, созданное либерализмом, значительно снизило детскую смертность, безжалостный бич более ранних эпох, и в результате улучшения условий жизни увеличило ее среднюю продолжительность» [там же: 12–13].

Процесс захвата термина «либерализм» начался и завершился еще в 1930-е гг., сам выбор слова говорит о том, что оно ассоциировалось с чем-то хорошим. Однако смысл слова был заменен на противоположный: «Приблизительно с 1900-х и особенно 1930-х данный термин (либерализм. — П. У.) приобрел другое (в действительности противоположное) значение; в качестве высшего, если и ненамеренного, комплимента системе частного предпринимательства ее врачи сочли разумным присвоить это название» [Шумпетер 2001: 518].

Когда рациональные аргументы заменяются классовой борьбой или трайбализмом, в политике центральными становятся довольно одиозные фигуры. В США неприятие истеблишмента породило феномен Трампа.

Явление Трампа

Победа Трампа меньше всего ожидалась истеблишментом, они уже поздравляли друг друга и делили места, еще не зная, что проиграли. По всей видимости, победа Трампа в 2016 г. была вызвана утратой доверия к политическому классу; американская добродетель — недоверие к власти — вызвала своеобразное протестное голосование.

Сам приход Трампа к власти — свидетельство кризиса консенсуса и итог процесса деградации политических элит США.

Неудивительно, что весь истеблишмент сплотился в своей борьбе с Трампом, несистемный кандидат, который может уничтожить столько теплых местечек, — абсолютное зло для политического класса.

Однако Трамп оказался не самым подготовленным к этой должности президентом. Когда он пришел к власти в 2016 г., один из экономистов австрийской школы Фрэнк Шостак назвал его кейнсианцем в статье «Кейнсу бы понравился экономический план Трампа». В 2016 г. это было совсем не очевидно. Тот или иной человек кейнсианец или нет — проверяется в беде. Когда наступил кризис 2020 г., Трамп закачал в экономику денег больше, чем Обама, и увеличил государственные расходы до рекордных 44 % ВВП²¹.

Однако надо признать и заслуги Трампа в экономике. Одно из правильных решений администрации Трампа состоит в беспрецедентном снижении налога на прибыль корпораций — с 35 % до 21 %; это позволило привлечь в экономику больше капитала, обеспечить высокие темпы экономического роста и снизить безработицу до самого низкого уровня за последние 50 лет.

Большая же часть его программы носила популистский и интервенционистский характер. В 2016 г. Трамп, кроме строительства стены на границе с Мексикой, предложил новый инфраструктурный план. Он подразумевал, что на это пойдут федеральные траты в размере 200 млрд долл. Что характерно, Трамп рассчитывал на эффект мультипликатора расходов (одно из понятий кейнсианской теории). 100 млрд долл. — гранты для стимулирования инвестиций штатов и частного сектора; распорядители средств — Минтранс, инженерный корпус армии США, управление по охране окружающей среды. Средства предназначены для модернизации дорог, аэропортов, пассажирского железнодорожного транспорта, портов, противопаводочных сооружений, объектов водоснабжения, гидроэлектростанций, систем снабжения питьевой водой, систем очистки сточных вод, водостоков, браун菲尔дов (участки под застройку на ранее использованной территории), 50 млрд долл. — инфраструктурные проекты в сельском хозяйстве в таких сферах, как транспорт, широкополосный интернет, водоснабжение и водостоки, энергетические, электрические и водные ресурсы. Распорядители средств — губернаторы штатов. 20 млрд долл. — новаторские проекты, кардинально изменяющие модели внедрения и использования

²¹ URL: <https://mises.org/wire/keynes-would-have-loved-trumps-economic-plan> (дата обращения: 01.12.2022).

инфраструктуры. Распорядитель средств — Министерство торговли США. Секторы инвестиций — транспорт, чистая вода, питьевая вода, энергия, широкополосный интернет. 20 млрд долл. — крупные и сложные инфраструктурные проекты, которые должны были финансироваться за счет расширения действующих федеральных программ кредитования, таких как закон о финансировании и обновлении транспортной инфраструктуры, программы восстановления финансирования железных дорог и финансирования водной инфраструктуры, программа служб коммунальных услуг в сельской местности и облигации для поддержки частной деятельности. Еще 20 млрд долл. — средства, которые федеральные агентства смогут использовать для приобретения дорогостоящих объектов недвижимости²².

Хотя Трамп принял часть разумных решений с точки зрения экономики, тем не менее его правление вернуло к жизни протекционистскую риторику и политику: необходимо восстановить рабочие места за счет ограничения импорта из Китая, нужно обеспечить справедливые условия внешней торговли путем протекционизма. В январе 2018 г. США ввели пошлины на импорт солнечных панелей и стиральных машин. Правда, они в основном затронули локальные интересы производителей из Китая и Южной Кореи и не вызвали большого шума. Однако после этого Вашингтон ввел 25-процентную пошлину на импорт стали и 10-процентную — на алюминий; это уже привело к более существенным последствиям. Тогда же Трамп объявил о планах обложить налогами импорт из Китая еще на 60 млрд долл. в год и ввести 25-процентный налог на импорт автомобилей из Европы.

Это напоминает эпоху правления Рейгана, когда ради «справедливой внешней торговли» правительство ограничивало свободу выбора потребителя, не желая, чтобы японская дешевая и качественная продукция занимала свою нишу на рынке США. В 1980 г. роль козла отпущения была у Японии, в 2010-е — у Китая.

Трамп заменил политику интервенционизма одного вида на интервенционизм иного вида: в правление Обамы делался акцент на перераспределение и регулирование, а в правление Трампа — на протекци-

²² URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rXIYaeE1eps&feature=youtu.be> (дата обращения: 01.12.2022).

онизм и государственные расходы на инфраструктуру. Так, в сентябре 2018 г. Трамп ввел тарифы на китайский импорт на 200 млрд долл., что в совокупности довело общий объем тарифов до 250 млрд долл. [Гринспен, Буллридж 2020: 468].

Дмитрий Травин в последней главе книги «Крутые горки XXI века» анализирует феномен Трампа, помещая его в контекст еще двух событий последних лет: появление биткойна и выход в свет бестселлера Пикетти «Капитал в XXI веке». Это довольно удачное сопоставление, позволяющее увидеть процесс поляризации: правые, еще недавно считавшие деньги прерогативой государства, теперь ратуют за безгосударственные деньги — биткойн; а левые, еще недавно принимавшие смешанную экономику, стали вспоминать рецепты Маркса об экспроприации экспроприаторов [Травин 2019: 321].

Выборы 2020 г. показали, насколько поляризовано американское общество.

«Леонид Ильич» Байден

Президентом США в итоге был признан Джозеф Байден. По всей видимости, впервые параллель между Байденом и Брежневым рассмотрел Андрей Знаменский в марте 2020 г.²³ Интересно, что такую параллель увидели и левые: к примеру, газета The Guardian также сравнивала Байдена с Брежnevым на том основании, что Байден устраивает их как таран против Трампа, сам же Байден гораздо менее привлекателен для левых, чем Александрия Окасио Кортес или Берни Сандерс²⁴.

Почему же Байдена можно сравнить с Брежневым? Конечно же, это сопоставление напрашивается при наблюдении за его речами, которые часто содержат существенные противоречия в том числе с фактами²⁵. Если Трамп запустил, хоть и ненадолго, мотор экономического роста за счет снижения налогов и deregулирования, то все идеи

²³ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=knLLY2ViIPI&t=1s> (дата обращения: 01.12.2022).

²⁴ URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/mar/06/biden-soviet-russia-status-quo-democratic-ussr> (дата обращения: 01.12.2022).

²⁵ К сожалению, это вынуждены признавать даже сторонники демократической партии.

Байдена носят исключительно бюрократический характер и связаны с раздачей денег и новыми регуляциями. Следует отметить, что некоторые события последнего времени вызывают опасения в отношении сохранения фундаментальных свобод в США.

Так, в январе 2021 г. был уволен с должности научного сотрудника Института Катона (США) либертарианец Андрей Илларионов, бывший советник президента Путина. Институт Катона всегда позиционировал себя как центр свободного рынка, поддерживающий идеи свободы слова, верховенства права и экономической свободы. Однако после публикации статьи о событиях в Вашингтоне Илларионов был уволен. По всей видимости, причина этого состояла в том, что либертарианский центр считал необходимым пойти на уступки в условиях активизации левых протестов в США. Забывая, что, когда придут за самими братьями Кохами, вряд ли найдутся те, кто будет их защищать. Страх перед политкорректностью и истеблишментом толкает даже либертарианские центры поступаться свободой слова²⁶.

Выборы в США 2020 г. привели к расколу в обществе. Причем усиц или раскол СМИ и социальные сети, сам факт того, что ведущие интернет-компании Twitter, Facebook* и Google посчитали себя вправе вмешаться в выборы и ограничить доступ сторонников Трампа, а позже его заблокировать, говорит о том, что с верховенством права серьезные проблемы в крупнейшей экономике мира. Представители этих компаний открыто признали после выборов, что их «сговор» позволил «сохранить демократию»²⁷. Оказывается, демократия — это когда власти и бизнес объединяются в подавлении свободы слова. Из этого не следует, что нужно государственное вмешательство в деятельность частных компаний, требуется лишь поместить эти компании в общее правовое поле и позволить возбуждать иски против них. Именно государство своими законами вывело данные компании из общего правового поля.

²⁶ URL: <https://kontinentusa.com/neugodnyi-professor/?fbclid=IwAR2KFtip3DLgy59GxWsK8lFqF48RhgQ66L1SenoDyF3I-VerwXh3hN6dVxE> (дата обращения: 01.02.2022).

²⁷ URL: <https://time.com/5936036/secret-2020-election-campaign/> (дата обращения: 01.12.2022).

* Проект Meta Platforms Inc., деятельность которой запрещена в Российской Федерации.

Это напоминает создание в 1913 г. в США Центрального банка, формально он был частным, но наделен монопольными правами государством. В США многие атаки на свободу совершаются в форме действий формально частных компаний, которые, по существу, прямо или косвенно являются государственными. Как говорили многие либертарианцы, в США социализм придет в либеральном виде.

Еще один симптом наступления на свободу — вмешательство Министерства образования США в курсы истории²⁸, которые читаются в колледжах и университетах. Хотя пока они имеют форму рекомендаций, но уже сейчас лучше их выполнять для сохранения своего места. Перекраивается история под влиянием политкорректности и трайбализма: история США должна быть летописью того, как США угнетали коренное население, женщин, представителей сексуальных и расовых меньшинств, рабов. Нельзя изображать США как страну, где были заложены принципы верховенства права и экономической свободы. История США содержит только темные страницы, за которые должно быть стыдно угнетателям: мужчинам, белым, протестантам и богатым. Современная корпоративная Америка подается прогрессивными историками как продолжение периода работоговли, когда сотрудников корпораций эксплуатируют представители патриархата.

Америка, считавшаяся локомотивом мировой экономики в 1990-е гг., сейчас играет более скромную роль и стала больше похожа на остальные страны развитого мира, особенно на бюрократизированные страны ЕС, которые в 1990-е были антиподом американского «ковбойского капитализма». Америка утрачивает свой динамизм. В 70 % развитых стран объем выработки на одного работника растет менее чем на 1 % в год. Рост производства на одного работника в США еще меньше — 0,91 % в год; это сопоставимо с таким же показателем в Японии — 0,62 %, Германии — 0,84 % и Великобритании 0,8 % [Гринспен, Вулдридж 2020: 437].

В начале правления Байдена США выглядят не как исключительная страна и моральный лидер, а как типичная западная экономика: с большим правительством и его высокими расходами, погрязшая

²⁸ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pSITIDsAQJY> (дата обращения: 01.12.2022).

в экономической неэффективности, смотрящая в будущее со страхом и злобой на ту часть своих собственных сограждан, которые не хотят отказываться от типичных американских добродетелей: недоверие к правительству, опора на собственные силы, верховенство права и частная собственность.

Если, например, в 1990-е Сан-Франциско имел имидж «города полного риска», а Кремниевая долина была центром инноваций, то сегодня Сан-Франциско превратился в один из самых бюрократизированных городов. Администрация обложила весь город правилами и ограничениями, которые сильно затрудняют строительство домов или создание новых предприятий, хотя при этом Кремниевая долина продолжает себя позиционировать как центр инноваций, все больше есть ощущение, что этот имидж сохраняется по инерции. Никакого кремния в долине давно нет, а многие вещи делать гораздо дешевле в других местах.

Растет нагрузка на бизнес. Люди все реже меняют работу. Одна из главных причин состоит в том, что людей стало сложно или даже невозможно уволить — в государственном секторе это ключевая проблема, — отсюда и нежелание бюрократии что-то реформировать, да и работодатели в частном секторе, особенно крупные корпорации, всё менее настроены рисковать, боясь осуждения левых активистов и травли в СМИ.

Однако инновации невозможны без риска. Гиперопека [Питерсон 2019] разрушает культуру индивидуальной ответственности и риска. Правительство начинает заботиться о том, чтобы никто не мог подталкивать детей на качелях, приносить домашнюю еду в школу и раздавать на территории школы приглашения на день рождения. Политика позитивной дискриминации приводит к тому, что вместо того, чтобы стремиться быть лучшими, люди стремятся изобразить из себя жертву и требуют все больше привилегий.

Уинстон Черчилль как-то сказал своим соотечественникам: «Мы преодолели века, покорили океаны, горы и прерии не потому, что были сахарными. Сегодня из-за пагубной комбинации сутяжничества, нормирования и педагогической моды сахарные люди окружают нас со всех сторон» [Friedman, Mandelbaum 2011: 26]. Самых американцев все больше раздражают тенденции, которые происходят в США. Им не хочется терять культуру, обеспечивающую динамизм.

Однако бизнес в США все больше смотрит на правительство, а не на потребителя. В США стало сложнее создавать новые компании, чем в 1990-е, еще труднее довести эти новые компании до стадии зрелости. Доля молодых компаний (в возрасте до пяти лет) неуклонно снижается: в 1978 г. — 14,6 %, в 2011 г. — 8,3 %. Доля занятых на молодых фирмах сократилась с 18,9 % в конце 1980-х гг. до 13,5 % в 2011 г. [Гринспен, Булдридж 2020: 445].

До победы Трампа в 2016 г. постоянно росли социальные пособия, которые финансируются правительством за счет налогов, это приводило к тому, что частные сбережения сокращались. За счет частных сбережений осуществляются инвестиции, напрямую влияющие на рост производительности и на темпы экономического роста. Из-за роста налогов этот процесс шел в противоположном направлении.

Американцы вынуждены признать, что снижается качество их образования, особенно в школах. Все больше студентов подсаживаются на «иглу» льготных образовательных кредитов. «Студенты вынуждены тратить на это все больше, влезая в огромные долги: задолженность по студенческим кредитам в настоящее время составляет почти \$ 1,5 трлн, что превышает задолженность по кредитным картам или автокредитам» [там же: 451].

Страна, еще недавно ассоциировавшаяся с духом предпринимательства и неограниченной конкуренцией «ковбойского капитализма», превратилась в рассадник бюрократизма и регламентаций. В 2013 г. США занимали 27-е место среди 35 членов ОЭСР по уровню регулирования товарного рынка [там же: 462].

Количество нормативных актов постоянно увеличивается, при этом сами нормативные акты становятся все запутаннее. Так, в 1950-е гг. объем Федерального реестра США, где приводятся все нормативно-правовые положения, увеличивался в среднем на 11 000 страниц в год. В первом десятилетии XXI в. он рос в среднем на 73 000 страниц в год. Изложение федеральных законов и постановлений теперь занимает более 100 млн слов. Нормативы штатов и местные акты добавляют еще два миллиарда. К этому следует добавить 3,4 млн слов американского Налогового кодекса [там же: 461–462].

Отдельная область регулирования — финансовая сфера, в которой нормативные акты еще более изощренные и противоречивые. Самый удивительный в этом отношении закон — закон Додда — Франка,

занимающий 2319 страниц. Его даже прозвали законом о трудоустройстве всех юристов.

Еще один пример безумного наращивания нормативных актов — закон о доступном медицинском обслуживании — Obamacare. В 2010 г. он уложился в 2700 страниц и при этом понятие «средняя школа» определял формулой из 28 слов. Программа Medicare имеет 140 000 видов страхового покрытия, включая 21 вид особых «несчастных случаев на космических кораблях». Хотя Трамп попытался ее отменить, удалось ему это лишь частично, в результате ситуация с этим законом стала еще более запутанной [там же: 461–462].

Бюрократизация и огосударствление экономики не могли не скаться на доступности услуг судов и юристов. Так, средняя стоимость урегулирования спора возросла с 7,2 млн долл. в 2005 г. до 157 млн долл. в 2014 г. [там же: 463].

Все сложнее становится получить разрешение на строительство. При этом бюрократию совершенно не интересует тот факт, что проволочки приводят к гигантским экономическим потерям. «Когда Портовое управление Нью-Йорка приняло решение модернизировать Байоннский мост, эффективно раскинувшийся между Стейтен-Айленд и Нью-Джерси, чтобы новые супертанкеры могли проходить под этим мостом, ему пришлось получить 47 разрешений от 19 различных правительственный департаментов, на что потребовалось почти пять лет... Этот процесс согласования направлен не на решение проблем, а на то, чтобы находить всё новые проблемы, — отметила Джоанн Папагеоргис, сотрудник Портового управления, которая прошла через эту процедуру. — Чиновнику проще отказать, так меньше риска для него» [там же: 464].

Франц Кафка в начале XX в. описал бюрократический кошмар, который даже для Европы не был тогда характерен. Однако теперь это реальность и для США. Как пишут американские экономисты: «Чрезмерное регулирование вынуждает основателей бизнеса переживать кафкианский кошмар, скитаясь по многочисленным государственным ведомствам и заполняя бесконечное множество запутанных формул. Так, чтобы открыть ресторан в Нью-Йорке, придется иметь дело с 11 различными городскими службами» [там же: 464].

Все эти ограничения негативно сказываются на конкурентоспособности американской экономики и на привлечении инвесторов.

В 1970-е гг. на долю США приходилось 50 % прямых иностранных инвестиций. Уже в середине 1980-х гг. этот показатель сократился до 25 % и продолжил свое сокращение [Кавтарадзе 2005: 327].

Важно отметить, что сложность и запутанность американской нормативной системы ставит небольшие фирмы в неконкурентное положение. Им не по карману издержки на поиск лазеек в законодательстве. Чтобы прорваться через все нормативные акты, требуется целая армия юристов. Например, для решения подобного рода проблем в отделе налогового учета и отчетности компании General Electric работает 900 человек. Соединенные Штаты занимают 29-е место по легкости соблюдения нормативных требований [Гринспен, Вулдридж 2020: 465].

Все большее видов деятельности в США подпадают под необходимость лицензирования, что является еще одним барьером на рынке труда и снижает производительность. «В 1950 г. только 5 % рабочих мест требовали лицензий. К 2016 г. это число выросло до 30 % (тот же показатель в Великобритании составил 13 %)» [там же: 465]²⁹.

Лицензирование отнимает массу времени и увеличивает издержки производства, что сказывается на ценах. Вот несколько примеров абсурдности искусственных требований по обучению: «В Техасе потенциальные парикмахеры должны изучать парикмахерское дело больше года, а начинающие изготовители париков должны пройти 300 часов занятий и сдать как письменные, так и практические экзамены. Штат Алабама обязывает тех, кто желает заниматься маникюром, перед сдачей практического экзамена пройти 750 часов обучения. Штат Флорида не позволит вам работать дизайнером интерьера, если вы не окончите четырехлетний курс обучения в университете и два года стажировки и не сдадите двухдневный экзамен» [там же: 465–466].

Везде действует универсальный закон экономики: чем больше государство, тем меньше темпы экономического роста в долгосрочном периоде.

²⁹ Лицензирование дошло теперь и до экзотических профессий, таких как флористы, ремесленники, борцы-рестлеры, экскурсоводы, продавцы замороженных десертов, букинисты и дизайнеры интерьеров [Гринспен, Вулдридж 2020: 431].

Этот тезис пытаются опровергнуть в своей новой книге «Узкий коридор» Дарон Аджемоглу (Асемоглу) и Джеймс Робинсон. Они пишут, что Хайек был не прав в своем прогнозе о том, что рост государства порождает потерю свобод [Аджемоглу, Робинсон 2021: 627–628], так как большое государство не является проблемой для общества, его можно легко контролировать за счет демократических институтов. Верно, скорее, обратное, государство контролирует общество за счет демократии, обеспечивая себе легитимность в глазах общества. На самом деле, экономическая история США показывает, что Левиафан опасен и в демократическом обществе: при Вильсоне, Рузвельте, Буше-младшем и Обаме общество теряло ряд свобод, которые гарантировала им Конституция. Если история чему-то учит, так это тому, что в любом обществе интервенционизм — крайне опасное и разрушительное средство ведения дел в хозяйственной жизни. Ряд достоинств и явных ошибок авторов «Узкого коридора» можно найти в статье Травина: «В меру упитанный Левиафан»³⁰.

Переход от динамичной экономики времен «ковбойского капитализма» к застою «Леонида Ильича» Байдена произошел под влиянием роста размера государства. Последнее же связано с общественным мнением, которое было подготовлено левыми интеллектуалами.

Итоги последних тридцати лет

На данном этапе можно сделать следующие выводы:

1. Несмотря на свою непоследовательность, политика Рейгана по deregulirovaniyu ekonomiki zapustila ekonomicheskiy rost 1980–1990-x gg.
2. Rost gosudarstvennogo dolta, defisit budzhetu, protekcionizm i nakachka ekonomiki den'gami priveli k formirovaniyu problem, kotorые byli nezametny na fone ekonomicheskogo buma 1990-x gg.
3. Storonniki libeрal'noy demokratiy sliškomo prazdновali okončatel'nuyu pobedu nad sozializmom (F. Fukuya).

³⁰ Травин Д. В меру упитанный Левиафан // Economy Times. 22.03.2021. URL: http://economytimes.ru/gumanitarnyy-kontekst/v-meru-upitannyy-leviafan?fbclid=IwAR3iZNa7rANLM9XLEtV2ENy4WZjWa04aYNJPdsSIkzbW26t-xi6d-lax_RJY (дата обращения: 01.12.2022).

4. Государство продолжило свой рост в 1990-е гг. Это стало причиной усиления раскола в стремлении различных групп интересов в поиске ренты.
5. Усиливалась роль на рынке идей левой альтернативы.
6. Кризис 2007–2009 гг. породил убеждение в том, что капитализм повинен в нем.
7. Правительство отреагировало на кризис кейнсианскими мерами.
8. Конгресс, сдерживающий президента Обаму, обеспечил сокращение доли государственных расходов в ВВП во второй период его президентства.
9. Это запустило экономический рост, подогреваемый снижением налогов президентом Трампом.
10. Президентство Трампа — лишь небольшой сюжет в истории движения США в сторону Deep State.
11. Приход к власти Байдена является возвратом на эту линию тренда.

США не впервые в истории переживают политico-экономический кризис, каждый из предыдущих делал Америку сильнее. Не стоит посыпать голову пеплом и сравнивать текущие проблемы с периодом распада Римской империи. Несмотря на наличие фундаментальных проблем, возможны разные сценарии развития событий: не только с усилением социализма и этатизма, но и с децентрализацией и капитализмом. Современные технологии, такие как блокчейн и криптовалюты, все больше теснят старые институции в образовании, науке, экономике и политике. Их использование сулит сторонникам капитализма возможности максимального использования потенциала конкуренции и децентрализации³¹. Как говорит австрийская экономическая школа: будущее не предопределено.

³¹ О том, что все не безнадежно, говорит хотя бы тот факт, что в последнее время набирает популярность движение за возвращение к традиционным американским ценностям: Республике и Конституции [Белькович 2020: 272–273].

Заключение

Уроки американской модернизации: существует ли маятник американской истории?

Америка — страна контрастов. И прежде всего, контрастов в истории. Если отцы-основатели (в первую очередь Т. Джефферсон) провозгласили правительство главным препятствием на пути развития общества, то В. Вильсон не мог представить себе правительство как отрицательное явление. Если Э. Джексон закрыл первый центральный банк США, то В. Вильсон его учредил снова. Если в конце XIX в. Верховный суд счел федеральный подоходный налог неконституционным, то в 1913 г. он был введен и быстро достиг астрономических величин. Если К. Кулидж и У. Гардинг считали, что лучшая политика — это политика невмешательства в дела рынка, то Ф. Рузвельт считал, что вся экономика должна управляться из центра. Если Л. Джонсон увеличивал социальные программы и налоги, то Р. Рейган их обещал радикально сократить. Если Б. Обама считал главным своим достижением Обамакэр, то Д. Трамп первым делом отменил эту программу (правда, не полностью), так же поступил с программами Трампа Дж. Байден. Со стороны может показаться, что, несмотря на сильные колебания в политике, это довольно устойчивая система, которая благодаря демократии и реальной сменяемости власти может на времена отклоняться влево или вправо от равновесия, но институты не дают ей рухнуть. Такая позиция означает, что в истории США действует своеобразный маятник. Из этого следует, что за волной этатизма будет волна либерализма, и наоборот. В таком случае не стоит паниковать и предсказывать крах Америки.

Может ли система выйти из равновесия?

Однако у этой концепции есть определенные недостатки. Многие историки и экономисты обращали на это внимание. Эта концепция игнорирует действие «эффекта храповика» [Хиггс 2010] — каждое расширение федерального правительства во время кризиса приводит к тому, что после кризиса оно не сокращается до первоначального уровня. Если бы маятник работал, то за последние два века мы видели бы колебание доли государственных расходов около 10 % ВВП. Однако сейчас эта доля близка к 40 % ВВП (в некоторых западных странах доходит до 60 % ВВП). Демократия не вернула систему в первоначальное состояние, она медленно дрейфует к огосударствлению экономики. Кроме того, есть решения, которые не могут быть отыграны назад: не может быть возвращено рабство (что замечательно!), не могут быть упразднены ФРС и федеральные налоги (в нынешней политической системе точно). Есть необратимые события в истории. Это значит, что если и имеет место синусоида размеров государства, то она имеет положительный тренд. Это означает, что в какой-то момент придется делать экзистенциальный выбор: кардинально менять устройство политической системы, либо медленно (или не очень) врастя в состояние всемогущего правительства и социализма. Означает ли это распад США, крах финансовой системы или гражданскую войну — мы не знаем. Следует отметить, что все это уже было в США ранее, и не исключено, что повторится. Хотя такая опасность существует, на более глубоком уровне за «эффектом храповика» стоит общественное мнение, которое может изменяться, не дожидаясь нового витка цикла или краха всей системы. Это дает шанс тем силам, которые хотят не допустить краха системы. Благо таких людей в Америке почти 50 %.

Мифы об американской истории

В этой книге я старался изложить экономическую историю американского народа с 1620 по 2020 г. По ходу изложения, надеюсь, мне удалось развеять наиболее распространенные мифы о США. В книге показано, что еще до образования государства, в 1776 г., Америка была динамичным и процветающим обществом; что Американская революция породила не только свободное общество, но и своего

собственного Левиафана; что протекционизм не имел никакого отношения к успехам США в XIX в.; что это не правда, что «бароны-разбойники» Э. Карнеги и Г. Форд ограбили американский народ и не принесли ничего хорошего рабочему классу (на самом деле, они привели Америку к экономическому лидерству и многократно увеличили реальные ставки заработной платы); что это миф, что Гражданская война была вызвана идеалистическими мотивами отмены рабства, а не желанием увеличить свою власть (на самом деле — наоборот); что Дикий Запад не был настолько диким и что многие успехи Америки были заложены в этот период истории; что это миф, что Позолоченный век был временем мнимого успеха, хотя на деле — самым успешным периодом в истории США; что это миф, что Прогрессивная эра [Johnston 2002: 68–92], расширив власть правительства, сделала жизнь простых рабочих лучше и решила экономические проблемы; что это миф, что Первая мировая не коснулась США (в действительности, впервые были опробованы тогда методы масштабного интервенционизма); что это миф, что Великая депрессия была вызвана политикой невмешательства, а Новый курс Ф. Рузвельта вывел экономику из кризиса (на самом деле, и причина кризиса, и его протекание — результат действий правительства и ФРС); что это миф, что Вторая мировая война вызвала рост американской экономики и выход из Великой депрессии; что это миф, что эпоха «Социального государства» сделала жизнь простых американцев лучше; что это миф, что Р. Рейган был последовательным «неолибералом»; что это миф, что ипотечный кризис 2007–2009 гг. был вызван нерегулируемым капитализмом; что это миф, что политика Б. Обамы вывела экономику из кризиса, а политика Д. Трампа ухудшила положение дел в экономике; что это миф, что капитализм в США не работает, а работает социализм (на самом деле верно обратное).

Эти мифы я старался рассмотреть в свете фактов экономической истории и логики экономической теории. Фактически в этой книге предлагается пересмотр наиболее важных периодов экономической истории США. Если идеи имеют значение, то и пересмотр взглядов на экономическую историю может породить другие взгляды на экономическую политику. Действие маятника истории не предопределено, от общественного мнения в США зависит то, каким будет будущее Америки. От общественного мнения в других странах зависит не меньше.

Роль идей

Эта книга призвана навести мосты между двумя областями знания: между экономической и политической историей и интеллектуальной историей. Современные факультеты в большинстве своем рассматривают факты изолированно: факультет истории мысли исследует то, как происходила и происходит филиация идей [Шумпетер 2001], а историки хозяйства и политики — то, как действовали политические и экономические акторы в прошлом. То, как идеи влияют на историю, продолжает в таком случае оставаться неизвестным.

Австрийская экономическая школа всегда уделяла особое значение связи между историей идей и историей политических и экономических институтов: «Подлинная история человечества — это история идей. Идеи порождают общественные институты, политические изменения, технологические методы производства и все, что называют экономическими условиями»¹ [Мизес 2001: 136]. В буквальном смысле несложно увидеть, что это высказывание противоречит фактам. Это, в частности, отметил В. Парето: «У политиков необычайно широкий выбор в том, что касается “писак”, поскольку практически не существует гипотез, которые не были когда-то изложены кем-либо из так называемых экономистов. Поэтому факт остается фактом: именно политика, а не писателя следует считать тем активным фактором, который определяет тенденцию» [Уайт 2020: 14]. Несомненно, В. Парето был прав в отношении силы влияния «писак» на политиков, особенно в краткосрочном периоде. Однако уточнил позицию австрийской экономической школы по этому вопросу уже чуть позже Ф. фон Хайек: «Существует прочное убеждение, что влияние (идей. — П. У.) интеллектуалов на политику ничтожно. Это, без сомнения, так, если говорить о возможности интеллектуалов навязывать свое, отличное

¹ Интересно, что подобные взгляды разделял вечный антагонист Хайека Кейнс: «Идеи экономистов и политических мыслителей — и когда они правы, и когда они ошибаются — имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности именно они и правят миром. Люди практики, которые считают себя совершенно не подверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого» [Кейнс 2007: 340].

от массового мнение при принятии текущих решений. Но на длинных промежутках времени их влияние в этих странах еще никогда не было столь велико. Источником их власти является влияние на формирование общественного мнения» [Хайек 2020: 229].

Действительно, всем крупным событиям в истории США предшествовали перемены интеллектуального климата и общественного мнения: идеи Дж. Локка и Т. Пейна — Американской революции, идеи А. Смита и Ф. Бастия — Позолоченному веку, идеи исторической школы немецких экономистов и традиционных институционалистов — Прогрессивной эре, идеи Дж. Кейнса — послевоенному консенсусу, идеи Ф. фон Хайека и М. Фридмана — реформам Р. Рейгана.

В. С. Автономов пишет о своеобразном циклизме в истории экономической мысли: «Молодежь, в принципе, группа довольно революционная, но она не обязательно тяготеет к левым идеям, как сейчас. Где-то в 2000-е годы студенты Вышки попросили нашу кафедру истории экономических учений прочитать им курс по австрийской экономической науке — это неолиберализм, Ф. фон Хайек, Людвиг фон Мизес. То есть спрос был, грубо говоря, на правое. А теперь да, Карл Маркс у нас в ходу. Когда мы предлагаем нашим студентам выбрать темы курсовых, как правило, два-три хотят писать про Маркса... Я вообще сторонник циклов. Свою научную деятельность я начал в Институте мировой экономики и международных отношений, в секторе экономического цикла, которым руководил академик Револьд Михайлович Энтов. Мы исследовали циклы, и циклы есть на самом деле очень много где: и в реальности, и в мысли. Иногда кажется, что какая-то теория все объяснит, но потом выясняется, что не все, — цикл продолжается»². Если такой подход верен, то после нынешней волны левых идей следует ожидать в обозримое время увеличения спроса на правые идеи. Однако, думается, здесь вряд ли зависимость так проста.

Дж. Бьюкенен и Р. Вагнер отмечают эту последовательность на примере кейнсианства: «Америка усваивала идеи кейнсианства поэтапно: сначала их поддержали экономисты из Гарварда, потом экономисты вообще, потом журналисты и, наконец, политическое руководство» [Уайт 2020: 15].

² URL: <https://daily.hse.ru/post/210> (дата обращения: 01.12.2022). См. также книгу В. С. Автономова «В поисках человека» [Автономов 2020].

Таким образом, вначале пишется трактат, потом он завоевывает умы интеллектуалов, потом журналисты распространяют новые взгляды, и уже в конце общественность поддерживает реформы. Причем бывает, что и этого недостаточно, нужно еще наличие повода для перемен, обычно таковым становится экономический кризис.

Подводя итоги, можно выделить пять позиций по поводу влияния идей на историю:

1. «Непонятно, о чем идет речь». Это позиция человека, который не изучал и тем более не исследовал данную область знания.
2. «Идеи не имеют значения». Такой позиции придерживались К. Маркс и сторонники экономического детерминизма.
3. «Идеи имеют значение, но непонятно какое». Очевидно, это консенсусное мнение специалистов либо по истории идей, либо по истории институтов. В целом данная позиция мало отличается от позиции в пункте 1.
4. «Идеи полностью и без остатка определяют все события». Такой радикальный идеализм вряд ли кто-то из экономистов готов оставить. Ближе всего к этому пониманию, видимо, высказывание Мизеса, но позже Хайек пересмотрел данную позицию своего учителя. Следует прямо сказать, что автор настоящей книги такую позицию не отстаивает.
5. «Идеи не оказывают воздействия в краткосрочном периоде, но могут оказать существенное влияние в долгосрочном периоде». Такова позиция по этому вопросу автора настоящей книги и австрийской экономической школы. Всем важным событиям предшествовали появление новых систем идей: теория *laissez-faire* — промышленной революции, марксизм — социалистической революции, теория прогрессивных идей — этатизму Ф. Рузвельта во время Нового курса, австрийская школа — рыночным реформам 1980-х гг., постмодернизм³ и сциентизм — левому повороту 2010-х гг.

³ Жак Деррида писал: «Смысл и интерес деконструкции — по крайней мере я всегда так считал — целиком связан со стремлением, так сказать, радиализировать определенное направление марксизма, руководствуясь неким духом марксизма» [Lilla 1998: 36–41]. Фрэнк Лентриккья поясняет: «Постмодернизм не стремится найти основания и условия истины: но использует власть для социальных преобразований» [Lentricchia 1980: 12].

Как именно в долгосрочном периоде идеи могут оказать воздействие?

1. Идеи — «мотор» исторических преобразований. Без изменений в понимании того, как работает экономика и что для этого нужно, перемены либо невозможны, либо быстро произойдет откат назад.
2. Идеи — это не все, что нужно для модернизации. Несомненно, чтобы идеи завладели массами, необходимы посредники: интеллектуалы и СМИ. Не следует забывать и об интересах, которые могут выступить как препятствия на пути реализации разумных реформ.
3. Интересами различных групп можно объяснить статику общества, динамику нельзя объяснить без влияния идей (мнений). Именно на них оказывают влияние в долгосрочном (не краткосрочном!) периоде интеллектуалы.
4. Не следует забывать, что не существует интересов других субъектов, кроме конкретных людей. Понять историю можно, лишь стоя на фундаменте методологического индивидуализма: действовать могут только отдельные индивиды в соответствии с тем, какие убеждения находятся у них в голове.
5. Не существует универсальных рецептов продвижения идей. Это вопрос искусства политики. Социальный теоретик способен лишь объяснять то, как идеи влияют на общество, он никогда не узнает, как запрограммировать общество на правильные/неправильные идеи. Всем значительным событиям в истории США предшествовали идеологические сдвиги: идеи Локка и Пейна предшествовали Американской революции, идеи интервенционизма и «социального государства» — политике Вильсона и Рузельята, идеи Фридмана и Хайека — политике Рейгана. Видимо, в будущем этот фактор продолжит оказывать влияние на политику.

Две дороги: к рабству и свободе

Все высказанное о «маятнике истории» означает, что, как и раньше, Америка стоит на распутье. Она может пойти до конца по «дороге к рабству» или же выбрать «дорогу к свободе». Как писал Хайек в «Дороге к рабству» в 1944 г., хотя эти слова могут быть сказаны и сейчас: «Правы юноши, отвергающие сегодня (либеральные. — П. У.) идеи старших. Но они заблуждаются, если верят, что это все те же либеральные идеи XIX века, которых молодое поколение про-

сто совсем не знает. И хотя мы не стремимся и не можем вернуться к реальности XIX столетия, у нас есть возможность осуществить его высокие идеалы. Мы не имеем права чувствовать превосходство над нашими дедами, потому что это мы, в XX столетии, а не они — в XIX, перепутали все на свете. Но если они еще не знали, как создать мир, к которому были устремлены их мысли, то мы благодаря нашему опыту уже лучше подготовлены к этой задаче. Потерпев неудачу при первой попытке создать мир свободных людей, мы должны попробовать еще раз. Ибо принцип сегодня тот же, что и в XIX веке, и единственная прогрессивная политика — это по-прежнему политика, направленная на достижение свободы личности» [Хайек 2005: 227].

Знак доллара

В антиутопии Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» американская экономика приходит к полному коллапсу, когда в ней пытаются осуществить идеи социализма. И хотя роман заканчивается изображением морального и экономического краха всего общества, тем не менее Рэнд сохраняет оптимизм и предвидит возрождение американского капитализма, который символизирует у нее в романе знак доллара:

«Они не видели мира за горами, там были лишь пустота и безжизненные скалы, но за этой темнотой скрывался лежащий в руинах континент: дома без крыш, ржавеющие трактора, темные улицы, заброшенные рельсы. Однако вдалеке, на краю земли, ветер колыхал легкое пламя, вызывающее упорное пламя Факела Уайэтта, оно трепетало, исчезало и вспыхивало снова, его невозможно было погасить. Казалось, оно напряженно ждет тех слов, которые Джон Голт должен был теперь произнести.

— Путь расчищен, — сказал Голт. — Мы возвращаемся в мир.

Он поднял руку и начертал в пространстве над разоренной землей символ доллара» [Рэнд 2015: 1120].

«Луговая арфа» американской истории

Нам же, сторонним наблюдателям, остается после проделанного исследования отойти в сторону, дать самому американскому народу решить, какого будущего он желает, и смотреть с надеждой на то, что

произойдет в США. Америка XIX в. породила современный мир. В его основе лежали принципы индивидуализма, частной собственности, свободы и ответственности. От этого мира мало что осталось, но то, что осталось, имеет непреходящее значение в экономике, культуре и истории человечества.

История американского народа стоит того, чтобы быть услышанной еще не один раз: «Я закрыл глаза, чтобы унести с собою их образ, — разве мог я подумать тогда, что вернусь, разве мог я представить себе, что мысленно буду бродить по этой дороге! Ни один из нас словно и не догадывался, куда мы держим путь. С немым удивлением оглядели мы открывающийся с кладбищенской горки вид и рука об руку спустились вниз, на опаленный жарким летом и расцвеченный сентябрём луг. Водопад красок обрушился на высохшие, звенящие листья индейской травы, и мне захотелось, чтобы судья услышал то, о чем говорила мне Долли: арфой звенит трава, она собирает наши истории и, вспоминая, рассказывает их, — луговая арфа, звучащая на разные голоса. Мы стояли и слушали» [Капоте 1971: 122].

В 2011 г. я впервые побывал в США, тогда мне казалось, что для американцев не существует исторической памяти. За прошедшие годы я убедился в том, что на американцев так же влияет прошлое, как и на остальные народы, но одновременно я нашел множество подтверждений тому положению, что в свои наиболее успешные периоды Америка была устремлена вперед, в эти периоды ее больше интересовало то, что нужно сделать, чем то, что уже сделано и не подлежит исправлению.

Приложение

О либертарном подходе австрийской школы к исследованию экономической истории

Подход, примененный в этой книге в отношении экономической истории США, может быть потенциально распространен на всю историю человечества. Этот подход можно назвать либертарным¹, или подходом с позиции австрийской экономической школы.

В основе такого подхода лежит труд Мизеса «Человеческая деятельность». В этом трактате Мизес четко обозначил отличие метода экономической теории и праксиологии от истории: «Задача наук о человеческой деятельности заключается в понимании смысла и значимости человеческой деятельности. Они применяют с этой целью две различные познавательные процедуры: концептуализация (*conception*) и понимание-интерпретация (*understanding*). Концептуализация — мыслительный инструмент праксиологии; понимание, специфическое средство истории» [Мизес 2001: 52].

Экономическая теория носит необходимо априорный характер, ее познание понятийно: «Праксиологическое познание понятийно. Праксиология обращается к необходимым сторонам человеческой деятельности. Это познание универсалий и категорий» [там же: 52].

Отличие исторического подхода имеет свою специфику во внимании к индивидуальным событиям: «Историческое познание обращается к тому, что есть уникального и индивидуального в каждом событии или классе событий. Вначале оно анализирует объект своих исследований

¹ На постсоветском пространстве слово «либертарианский» ассоциируется с деятельностью «либертарианской партии». Чтобы не было путаницы, что речь идет о социальной теории, а не о политическом движении, я предпочитаю называть теорию либертарной. Это именно социальная теория, а не политическая программа.

с помощью средств, предоставляемых всеми остальными науками. Доведя до конца эту предварительную работу, история встречается со своей специфической проблемой: пролить свет на уникальные и индивидуальные характеристики события с помощью понимания» [там же: 52].

Поэтому стоит прямо признать, что история зависит от того, на каких позициях стоит исследователь: «Очевидно, что исторические исследования пишутся с различных точек зрения» [там же: 52]. Но это не означает, что исследование всегда носит произвольный характер. Первичные факты — задача историка, но их интерпретация — это всегда предмет неисторического знания:

«Те факты, которые могут быть бесспорно установлены на основе доступных первоисточников, должны быть определены на предварительном этапе работы историка. Они не могут быть полем для понимания. Такая задача решается методами неисторических наук. Факты отбираются путем осторожного критического изучения доступных документов. До тех пор, пока теории неисторических наук, на основе которых историк производит критическое исследование первоисточников, достаточно надежны и достоверны, не может быть никакого произвольного разнотечения в установлении явления как такового. То, что утверждает историк, соответствует или противоречит факту; доказывается или опровергается имеющимися документами; остается неясным, если первоисточники не обеспечивают нас достаточной информацией» [там же: 52].

По Ротбарду, цель исторического исследования должна состоять в ответе на следующий вопрос: «Каковы в настоящее время и каковы были в прошлом цели людей и какие средства люди избирали для их достижения?» В отличие от экономической теории, которая выводит «формально-логические следствия из аксиоматически истинного утверждения, согласно которому люди используют средства для достижения различных целей, избираемых ими» [Rothbard 2009: 74].

Задача любого корректного исторического исследования должна состоять в корректном применении современных историку знаний неисторических наук, в том числе экономической теории: «Занимаясь исторической проблемой, историк использует все знания, накопленные логикой, математикой, естественными науками и особенно практикологией. Однако инструменты мышления этих дисциплин не удовлетворяют его задачам. Они — его необходимые помощники, но сами по себе не могут дать ответа на вопросы, которыми он заним-

ется» [Мизес 2012d: 49]. Поэтому процесс «понимания» тех или иных конкретных событий будет коренным лишь тогда, когда оно опирается на все вышеназванные науки².

Преимуществами такого подхода являются два момента:

1. Последовательный методологический индивидуализм. Тот метод, который считается корректным в экономической теории, может быть перенесен и в другие социальные науки. В политических науках он уже занял высокую позицию в виде теории общественного выбора. Однако больше всего такому подходу сопротивляются именно профессиональные историки. Мы должны исследовать индивидуальное и не приписывать холистическим понятиям способности действовать.
2. В основе человеческого выбора лежит представление о том, какие средства способствуют достижению желательного результата. В этом смысле важный момент в истории — это влияние идей на человеческое поведение. В этой книге предложен подход, уделяющий особое внимание долгосрочным последствиям изменений интеллектуального климата в США.

Таким образом, главная особенность подхода книги «Американская модернизация» состоит в том, что за основу берется априорно-логическая структура экономико-теоретического знания и на этой основе строится повествование о наиболее важных и драматических событиях в американской истории, поэтому такое внимание уделяется идеям и действиям конкретных и не всегда изученных персонажей на те или иные решения в политике и экономике.

Такой подход позволяет не только узнать много нового об истории, но и проиллюстрировать фундаментальные законы экономики на историческом материале.

² Как отмечал Мизес: «Чтобы избежать возможных недоразумений, необходимо подчеркнуть следующее. Разнотечения, вызванные причинами, о которых говорилось выше, нельзя смешивать:

- 1) с целенаправленным искажением фактов;
- 2) с попытками оправдать или осудить какую-либо деятельность с точки зрения морали или закона;
- 3) с привходящим замечанием, выражющим субъективную оценку по ходу строго объективного изложения состояния дел» [Мизес 2012d: 54].

Литература

- Абэ Т. Остальгия: опыт восточных немцев после объединения Германии. М.: Мысль, 2017.
- Автономов В. В поисках человека: очерки по истории и методологии экономической науки. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020.
- Адамс Ч. Влияние налогов на становление цивилизации. М.: Либеральная миссия, 2018.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. М.: ACT, 2015.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Узкий коридор. М.: ACT, 2021.
- Акерлофф Д., Шиллер Р. Spiritus Animalis. М.: Юнайтед Пресс, 2010.
- Аммус С. Краткая история денег, или Все, что нужно знать о биткойне. М.: Манин, Иванов и Фербер, 2019.
- Аникин А. История финансовых потрясений. М.: Олимп-бизнес, 2002.
- Аристотель. Политика. М.: Эксмо, 2008.
- Арментано Д. Антитраст против конкуренции. М.: ИРИСЭН, 2011.
- Асемоглу Д. Кризис 2008 года: структурные уроки для экономики // Terra Economicus. 2009. Т. 7. № 2. С. 9–17.
- Баррингтон-Мур. Социальные истоки диктатуры и демократии. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2016.
- Бастия Ф. Кобден и Лига: движение за свободу торговли в Англии. Челябинск: Социум, 2003.
- Бастия Ф. Физиология грабежа // Бастия Ф. Грабеж по закону. Челябинск: Социум, 2006а.
- Бастия Ф. Что видно и чего не видно. Челябинск: Социум, 2006б.
- Баталов Э. Я. Американская политическая мысль в XX веке. М.: Прогресс-Традиция, 2014.
- Бейлин Б. Идеологические истоки Американской революции. М.: Новое издательство, 2010.
- Бельковиг Р. Кровь патриотов: введение в интеллектуальную историю американского радикализма. СПб.: Владимир Даль, 2020.
- Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. Челябинск: Социум, 2010.
- Берман Г. Вера и закон. М.: Московская школа политических исследований, 2008.
- Бернс Дж. Айн Рэнд: эгоизм для победителей. М.: Бомбра, 2020.
- Бёргин Э. Великая революция идей: возрождение свободных рынков после Великой депрессии. М.: Мысль, 2017.
- Блок У. Овцы в волчьих шкурах. Челябинск: Социум, 2011.

Боннер У., Уиггин Э. Судный день американских финансов. Мягкая депрессия XX века. Челябинск: Социум, 2006.

Боуз Д. Либертарианство: история, принципы, политика. Челябинск: Социум, 2014.

Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. М.: Прогресс–Литера, 1993.

Бьюкенен Дж. Избранные труды. М.: Таурус Альфа, 1997.

Бьюкенен Дж. Политика без романтики: краткое изложение позитивной теории общественного выбора и ее нормативных условий // Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор: сб. статей: в 6 т. Т. 4. СПб.: Экономическая школа, 2004.

Волков В. Государство, или Цена порядка. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.

Гайдар Е. Долгое время. М.: Дело, 2005.

Гельман В. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб.: БХВ-Петербург, 2013.

Гельман В., Травин Д. «Загогулины» российской модернизации: смена поколений и траектории реформ // Неприкосновенный запас. 2013. № 4. С. 14–38.

Герземанн О. Ковбойский капитализм: европейские мифы и американская реальность. М.: ИРИСЭН, 2006.

Голдберг Дж. Либеральный фашизм: история левых сил от Муссолини до Обамы. М.: Рид Групп, 2012.

Готфрид П. Странная смерть марксизма. М.: ИРИСЭН, 2009.

Град на холме. Антология американской литературы XVII века. М.: Русская панорама, 2020.

Греgorи П. Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2006.

Гринспен А., Вулдридж А. Капитализм в Америке: История. М.: Альпина Паблишер, 2020.

Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. СПб.: АСТ, 2004.

Гэлбрейт Дж. Великий крах 1929 года. Минск: Попурри, 2009.

Гэлбрейт Дж. Общество изобилия. М.: Олимп-Бизнес, 2018.

Далин С. Экономическая политика Рузвельта. М.: СОЦЭКГИЗ, 1936.

Де Фрей М. История макроэкономики: от Кейнса к Лукасу и до современности. М.: Изд. дом «Дело», 2019.

Джевонс У. Теория политической экономии. Челябинск: Социум, 2021.

Джефферсон Т. Свет и свобода: размышления о стремлении к счастью. СПб.: Союз писателей Петербурга, 2015.

Джонсон П. Современность: мир с двадцатых по девяностые годы. М.: Анубис, 1995.

Джонсон П. Наполеон. М.: Колибри, 2014.

Долинин А. «Гибель Запада» и другие мемы. М.: Новое издательство, 2020.

Драйзер Т. Сестра Керри // Драйзер Т. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1986.

Дюпон де Немур. О происхождении новой науки. Физиократы. М.: Эксмо, 2008.

Ефимов И. Джейферсон. М.: Молодая гвардия, 2015.

Заостровцев А. Об историко-институциональных причинах отставания в развитии: концепция Асемоглу — Робинсона. Препринт М-34/13. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Заостровцев А. Россия: бегство от свободы // Капитализм и свобода: сб. статей. СПб.: Нестор-история; Институт Хайека, 2014. С. 104–124.

Зарецкая С. Приватизация жилья в 80–90-е годы: основные направления и некоторые итоги // Приватизация: глобальные тенденции и национальные особенности: сб. статей. М.: Наука, 2006. С. 320–344.

Знаменский А. Политика президента Рузвельта и миф о процветании США во время Второй мировой войны // КЛИО. 2015. № 6 (102). С. 19–32.

Золоторев В. Либертарийская перспектива. От посткоммунизма к свободному обществу. Киев.: Ника-Центр, 2019.

История США. Т. 1 (1607–1877). М.: Наука, 1983.

Кавтарадзе Г. История экономического развития Запада. М.: Энигма, 2005.

Канторович Э. Два тела короля. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

Капелошников Р. Дорога к рабству и дорога к свободе // Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Либеральная миссия, 2005. С. 228–258.

Капелошников Р. Экономические очерки. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

Капелошников Р. О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.

Капелошников Р. Команда Т. Пикетти о неравенстве в России: коллекция статистических артефактов. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2020а.

Капелошников Р. Кто такой Homo oeconomicus? // Экономическая политика. 2020б. № 1. С. 8–39.

Каплан Б. «Атлант расправил плечи» и общественный выбор: очевидные параллели // Экономическая политика. 2008. № 3. С. 197–203.

Каплан Б. Миф о рациональном избирателе: почему демократии выбирают плохую политику? М.: ИРИСЭН; Мысль, 2012.

Капоте Т. Голоса травы. М.: Художественная литература, 1971.

Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007.

Кейнс Дж. Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 60–69.

Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. Т. 2.

Кларк Г. Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.

Клейн Д., Штерн Ш. Есть ли здесь экономисты-рыночники? // Экономическая политика. 2008. № 3. С. 76–92.

- Коломбатто Э. Рынки, мораль и экономическая политика. М.: Мысль, 2016.
- Кондратьев Н. Северо-Американские Соединенные Штаты: Индустриализация // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Изд. 7-е. М.: Русский библиографический институт Гранат, 1926. Т. 41, ч. 6.
- Корнаи Я. Инновации и динамизм: взаимосвязь систем и экономического развития // Вопросы экономики. 2012а. № 4. С. 4–31.
- Корнаи Я. Размышления о капитализме. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012б.
- Кревельд М. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006.
- Курилла И. История, или Прошлое в настоящем. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.
- Лабуэ Э. История Соединенных Штатов: в 3 т. СПб.: Типография доктора М. Хала, 1870.
- Леви Г. Основы экономического могущества Соединенных Штатов Америки. М.: Книга, 1923.
- Ледьярд Дж. Несостоятельность (провалы) рынка // Новый Полгрейв. Экономическая теория: сб. статей. М.: ИНФРА-М, 2004.
- Лихтенштадт В. Гете: борьба за реалистическое мировоззрение. СПб: Государственное изд-во «Петербург», 1920.
- Локк Дж. Два трактата о правлении. Челябинск: Социум, 2014.
- Майбурд Е. От пророков до профессоров: погружение в мир экономических идей. Ганновер: Семь искусств, 2017.
- Макинерни Д. США: история страны. М.: Эксмо, 2009.
- Макклоски Д. Измеренный, безмерный, преувеличенный и безосновательный пессимизм. О книге «Капитал в XXI веке» // Экономическая политика. 2016. № 4. С. 153–195.
- Малина М. Локомотивы истории: революции и становление современного мира. М.: Политическая энциклопедия, 2015.
- Мальков В. «Новый курс» в США: социальные движения и социальная политика. М.: Наука, 1973.
- Мальков В. Великий Рузвельт. «Лис в львиной шкуре». М.: Эксмо, 2011.
- Манн Т. Иосиф и его братья. М.: Захаров, 2006.
- Манту П. Промышленная революция в XVIII столетии в Англии. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1937.
- Маркс К., Энгельс Ф. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1955. Т. 3. С. 1–4.
- Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М.: Изд-во политической литературы, 1974.
- Менгер К. Избранное. М.: Новое издательство, 2005.
- Миддлкауф Р. Славное дело: Американская революция 1763–1789. Екатеринбург: Гонзо, 2015.
- Мижуев П. Великий раскол англо-саксонской расы: американская революция. М.: Ленанд, 2015.

- Мизес Л. Теория и история. М.: ЮНИТИ, 2001.
- Мизес Л. Теория денег и кредита. Челябинск: Социум, 2012а.
- Мизес Л. Теория экономического цикла. Челябинск: Социум, 2012б.
- Мизес Л. Антикапиталистическая ментальность. Челябинск: Социум, 2012с.
- Мизес Л. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2012д.
- Мизес Л. Либерализм. М.: Социум, 2014.
- Мизес Л. Стабилизация ценности денег и циклическая политика (1928) // Теория экономического цикла: сб. статей. Челябинск: Социум, 2020.
- Момот М. Демократия и ее последствия. М.: Территория будущего, 2013.
- Монтескье Ш. Л. О Духе законов. М.: Мысль, 1999.
- Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2003 гг. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.
- Никифорова Л., Кизилов М. Айн Рэнд. М.: Молодая гвардия, 2020.
- Олсон М. Логика коллективных действий. М.: Фонд экономической инициативы, 1995.
- Остром Э. Управляя общим. М.: ИРИСЭН, 2011.
- Палант Б. Билья о правах. М.: Мысль, 2019.
- Паррингтон В. Основные течения американской мысли: в 3 т. Т. I. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962.
- Пейн Т. Избранные сочинения М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Пенnington M. Классический либерализм и будущее социально-экономической политики. М.: Мысль, 2014.
- Пигу А. Экономическая теория благосостояния. М.: Прогресс, 1985.
- Пикетти Т. Капитал XXI века. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
- Питерсон Дж. Двенадцать правил жизни: противоядие от хаоса. СПб.: Питер, 2019.
- Поппер К. Открытое общество и его враги. Киев: Ника-Центр, 2005.
- Рассел Б. История западной философии. М.: Академический проект, 2000.
- Романчук Я. Теория и практика провалов государства. Минск: Б. и., 2013.
- Ротбард М. Государство и деньги. Челябинск: Социум, 2008.
- Ротбард М. Власть и рынок. Челябинск: Социум, 2010.
- Ротбард М. Великая депрессия в Америке. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2012.
- Ротбард М. История денежного обращения и банковского дела США. М.; Челябинск: Социум, 2016.
- Ротбард М. Государство, деньги и центральный банк. Челябинск: Социум, 2020.
- Ротунда Р. Либерализм как слово и символ: борьба за либеральный бренд в США. Челябинск: Социум, 2016.
- Рузвельт: pro et contra, антология. СПб.: Изд-во РХГА, 2015.
- Рузвельт Ф. Беседы у камина. О кризисе, олигарах и войне. М.: Алгоритм, 2012.
- Рэнд А. Апология капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
- Рэнд А. Атлант расправил плечи. М.: Альпина Паблишер, 2015.

- Рэнд А. Философия: кому она нужна? М.: Альпина Паблишер, 2021.
- Самнер У. Протекционизм. Челябинск: Социум, 2002.
- Сапов Г., Кизилов В. Инфляция и ее последствия. М.: РОО «Центр “Панorama”», 2006.
- Севастьянов Г., Языков Е., Попова Е. История США: в 4 т. Т. 3. М.: Наука, 1985.
- Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968.
- Скидельски Р. Джон Мейнард Кейнс: экономист, философ, государственный деятель. М.: Московская школа политических исследований, 2005.
- Скоузен М. Кто предсказал Великую депрессию? // Теория экономического цикла: сб. статей. Челябинск: Социум, 2012.
- Сломан Дж., Сатликофф М. Экономикс. СПб.: Питер, 2005.
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.
- Согрин В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М.: Весь мир, 2015.
- Сорель Ж. О насилии. М.: Фаланстер, 2013.
- Соузлл Т. Принципы экономики. М.: Манн, Иванов, Фабер, 2022.
- Стедмен-Джоунз Д. Рождение неолиберальной политики: от Хайека до Рейгана и Тэтчера. Челябинск: Социум, 2020.
- Стейнбек Д. Гроздья гнева. Минск: Ураджай, 1985.
- Талеб Н. Рискуя собственной шкурой. М.: Азбука-Аттикус, 2018.
- Талеб Н. Антихрупкость: как извлечь выгоду из хаоса. М.: Колибри, 2019.
- Таллок Г. Общественные блага, перераспределение и поиск ренты. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
- Твен М. Позолоченный век // Твен М. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 3. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1959.
- Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1994.
- Травин Д. Просуществует ли путинская система до 2042 года? СПб.: Норма, 2016.
- Травин Д. Крутые горки XXI века. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.
- Травин Д. Почему Россия отсталла? СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021.
- Травин Д. Испания: история провала (Россия Нового времени: выбор варианта модернизации. Доклад 3). Препринт М-89/22. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022.
- Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация: в 2 кн. Кн. 1. СПб.: АСТ, 2004.
- Травин Д., Маргания О. Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. М.: Аст-Астрель, 2011.
- Тьерио Ж.-Л. Маргарет Тэтчер: от бакалейной лавки до палаты лордов. М.: Молодая гвардия, 2010.

- Уайт Л. Борьба экономических идей: великие споры и эксперименты последнего столетия. М.: Новое издаельство, 2020.
- Усанов П. Что такое праксиология? // Капитализм и свобода: сб. статей. СПб.: Нестор-история, 2014.
- Усанов П. Наука о богатстве. СПб.: Страта, 2017.
- Усанов П. Ретроспектива экономической мысли. СПб.: Страта, 2018.
- Усанов П. Будущее денег. СПб.: Страта, 2019а.
- Усанов П. Во всем виноваты экономисты-рыночники? // Травин Д. Крутые горки XXI века. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019б.
- Уэрта де Сото. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск: Социум, 2008.
- Уэрта де Сото. Социально-экономическая теория динамической эффективности. Челябинск: Социум, 2011.
- Фергюсон Н. Цивилизация. М.: АСТ, 2014.
- Фолсом Б. Новый курс или кривая дорожка? М.: Мысль, 2012.
- Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издаельство, 2006.
- Фридман М., Шварц А. Монетарная история Соединенных Штатов: 1867–1960. Киев: Ваклер, 2007.
- Фридмен Д., Краус Б. Рукотворный финансовый кризис. М.: ИРИСЭН, 2012.
- Фурман Д. Религия и социальные конфликты в США. М.: Наука, 1981.
- Хаберлер Г. Процветание и депрессия. Челябинск: Социум, 2005.
- Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости, 1992.
- Хайек Ф. Частные деньги. М.: Институт национальной модели экономики, 1996.
- Хайек Ф. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблении разумом. М.: ОГИ, 2003.
- Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Либеральная миссия, 2005.
- Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006.
- Хайек Ф. Цены и производство. Челябинск: Социум, 2008.
- Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум, 2011.
- Хайек Ф. Конституция свободы. М.: Новое издаельство, 2018.
- Хайек Ф. Капитализм и историки: мифы о Промышленной революции. Челябинск: Социум, 2020.
- Хансен Э. Денежная теория и финансовая политика. М.: Дело, 2006.
- Хейвуд Э. Политология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
- Хейне П., Беттке П., Причитко Д. Экономический образ мышления. СПб.: Диалектика, 2019.
- Хиггс Р. Кризис и Левиафан: поворотные моменты роста американского правительства. М.: ИРИСЭН, 2010.
- Хикс С. Объяснения постмодернизм. М.: Рипол Классик 2021.

Xonne Г.-Г. Теория капитализма и социализма. Новосибирск: Hyde Park Library, 2021.

Хрестоматия по истории средних веков: в 3 т. Т. I. М.: Учпедгиз, 1953.

Хюльсманн Й. Г. Последний рыцарь либерализма: биография Людвига фон Мизеса. Челябинск: Социум, 2013.

Черноморова Т. Двадцать лет британской приватизации: ретроспективный анализ динамики и тенденций // Приватизация: глобальные тенденции и национальные особенности: сб. статей. М.: Наука, 2006. С. 243–271.

Черноу Р. Титан. Жизнь эпохи Джона Д. Рокфеллера. М.: КРОН-ПРЕСС, 1999.

Черняевский Г. Франклин Рузвельт. М.: Молодая гвардия, 2012.

Черняевский Г., Дубова Л. Эйзенхауэр. М.: Молодая гвардия, 2015.

Черчилль У. История англоязычных народов: в 3 т. Т. 3. Екатеринбург: Гонзо, 2012.

Шевляков М. Великая депрессия. Закономерность катастрофы, 1929–1942. М.: Пятый Рим, 2016.

Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца: в 2 т. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.

Шёк Г. Зависть: теория социального поведения. М.: ИРИСЭН, 2008.

Шпотов Б. Промышленная революция в США. М.: Академия наук СССР, 1990.

Шумпетер Й. История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2001.

Шумпетер Й. Социализм. Капитализм. Демократия. М.: Эксмо, 2007.

Эйхенгрин Б. Зеркальная история: Великая депрессия, Великая рецессия, усвоенные и неусвоенные уроки истории. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

Энтов Р. Некоторые особенности современного состояния макроэкономики // Истоки («Экономика — «мрачная наука»»?): сб. статей. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 169–241.

Abrams S. The Contented Professors: How Conservative Faculty See Themselves within the Academy. Working Paper, 29 November 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/312229229_The_Contented_Professors_How_Conservative_Faculty_See_Themselves_within_the_Academy (дата обращения: 01.12.2022).

Anderson B. Economics and Public Welfare: Fiscal and Economic History of United States, 1914–1946. N. Y.: D. van Nostrand Company, 1949.

Badger A. The New Deal: The Depression Years, 1933–1940. N. Y.: Hill-Wang, 1989.

Beard Ch. President Roosevelt and the Coming of the War 1941. N. Y.: Yale University Press, 1948.

Bernanke B. On Milton Friedman's Ninetieth Birthday. Speech given at the Conference to Honor Milton Friedman, at the University of Chicago, November 8, 2002. URL: <http://www.federalreserve.gov/boarddocs/speeches/2002/20021108/default.htm> (дата обращения: 01.02.2022).

Bernanke B. The Crisis and the Policy Response. Stamp Lecture given at the London School of Economics, January 13, 2009. URL: <http://www.federalreserve.gov/newsevents/speech/bernanke20090113a.htm> (дата обращения: 01.02.2022).

Bordo M. The Federal Reserve and the Financial Crisis. Lectures by Ben S. Bernanke // The Journal of Economic History. 2013. Vol. 73. Iss. 4 (December). P. 1195–1198.

Buchanan J., Musgrave R. Public Finance and Public Choice: Two Contrasting Visions of the State. Cambridge, Mass; L.: The MIT Press, 2000.

Chambers J. W. The Tyranny of Change: America in Progressive Era, 1900–1917. N. Y.: St. Martins Press, 1980. Chicago: University of Chicago Press, 2006.

Clark J. The Nature and Progress of True Socialism // The New Englander and Yale Review. 1879. Vol. 38. P. 565–581.

DeCanio S., Fremstad A. Economic Feasibility of the Path to Zero Net Carbon Emissions // Energy Policy. 2011. Vol. 39. No 3. P. 1144–1153.

Dewey J. Liberalism and Social Action // The Papers of John Dewey: The Later Works, 1925–1953. Vol. 11. Carbondale, IL: Southern Illinois University, 1987. P. 627–628.

DiLorenzo T. The Culture of Violence in the American West. Myth versus Reality // The Independent Review. 2010. Vol. 15. No. 2. P. 227–239.

Diner S. A very Different Age: America in Progressive Era. N. Y.: Hill and Wang, 1998.

Dorfman J. Economic Mind in American Civilisation. Vol. III (1865–1918). N. Y.: The Viking Press, 1949a.

Dorfman J. Economic Mind in American Civilization. Vol. I. N. Y.: Augustus M. Kelley, 1949b.

Dorfman J. American Mind in American Civilization. Vol. V. N. Y.: Augustus M. Kelley, 1966.

Downes A. Economic Theory of Democracy. N. Y.: Harper, 1957.

Dworkin A. Intercourse. N. Y.: Free Press, 1987.

Ebenstein A. Hayek: a biography. N. Y.: Palgrave, 2001.

Ekirch A. Ideologies and Utopias: The Impact of the New Deal on American Thought. Chicago: Quadrangle Books, 1969.

Engerman S., Gallman R. The Cambridge Economic History of the United States. Vol. II. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Faust D. G. This Republic of Suffering: Death and The American Civil War. N. Y.: Vintage, 2008.

Flynn J. Roosevelt Mith. N. Y.: The Devin-Adaire Company, 1948.

Folsom B. The Myth of the Rober Barons. Washington: Young America's Foundation, 2010.

Friedman M., Friedman R. Two Lucky People. Chicago: Chicago Press, 1998.

Friedman T., Mandelbaum M. That Used to Be Us: What Went Wrong with America and How It Can Co me Back. N. Y.: Little, Brown, 2011.

Garrison R. Time and Money. L.; N. Y.: Routledge, 2001.

Greenspan A. The Age of Turbulence. L.: Penguin Press, 2007.

- Hayek F.* New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas. Chicago: Chicago University Press, 1978.
- Henderson D. R.* The US Postwar Miracle. N. Y.: Mercatus Center, George Mason University Working Paper. November 2010.
- Heyne P.* The Economic Way of Thinking. Chicago: Science Research Associates, 1973.
- Holmes R.* The Impact of State Labor Regulations on Manufacturing Input Demand During the Progressive Era // The Journal of Economic History. 2005. Vol. 65. No. 2. P. 531–532.
- Hoppe H.-H.* Democracy — the God That Failed. L.: Transaction Publisher. 2001.
- Huebert J.* Libertarianism Today. Santa Barbara: Praeger, 2010.
- Ikeda S.* Dynamics of the Mixed Economy. N. Y.: Routledge, 1997.
- Johnson J.* A History of the American People. N. Y.: HarperCollins Publishers, 1997.
- Johnston R.* Re-Democratizing the Progressive Era: The Politics of Progressive Era Political Historiography // The Journal of the Gilded Age and Progressive Era. 2002. Vol. 1. No. 1. P. 68–92.
- Keynes J.* Allgemeine Theorie der Beschäftigung, des Zinses und des Geldes. Berlin: Duncker and Humblot, 1936.
- Kimball R.* Tenured Radicals: How Politics Has Corrupted Our Higher Education. San Francisco: Encounter Books, 2008.
- Knott S.* Alexander Hamilton & The Persistence of Mith. Lawrence: University Press of Kanzas, 2002.
- Krugman P.* Return of Depression Economics and the Crisis of 2008. N. Y.: Norton, 2009.
- Laughlin L.* The History of Bimetallism in the United States. N. Y.: D. Appleton, 1901.
- Lentricchia F.* After the New Criticism. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Leuchtenburg W.* Franklin D. Roosevelt and the New Deal. N. Y.: Harper & Row, 1963.
- Lilla M.* The Politics of Jacques Derrida // The New York Review of Books. June 25, 1998. P. 36–41.
- Link A.* Woodrow Wilson and the Progressive Era: 1910–1917. N. Y.: Harper & Row, 1954.
- Mann A.* The Progressive Era. Hinsdale: The Dryden Press, 1975.
- May E.* The Progressive Era. N. Y.: Time-life Books, 1964.
- Mayo A., Nohria N.* In Their Time: The Greatest Business Leaders of the Twentieth Century. Boston, MA: Harvard Business School Press, 2005.
- Mishkin F.* Over the Cliff: From the Subprime to the Global Financial Crisis // Journal of Economic Perspectives. 2011. Vol. 25. No. 1. P. 49–70.
- Myrdal G.* Is American Business Deluding Itself? // Atlantic Monthly. 1944. November.
- Peterson J.* Economic Development of the United States. Homewood, Illinois: Richard D. Irving Inc., 1969.

- Poulson B.* Economic History of the United States. N. Y.: Macmillan Publishing Co., Inc., 1981.
- Prasad M.* The United States since 1980 // Economic History Review. 2008. Vol. 61. Iss. 2 (May). P. 530–531.
- Reed L.* Great Myths about Great Depression. N. Y.: Mackinac Center for Public Policy, 2008.
- Reid J.* Economic Burden: Spark to the American Revolution? // The Journal of Economic History, 38 (1), 1978. P. 81–100.
- Reinhart C., Rogoff K.* Shifting Mandates: The Federal Reserve's First Centennial // American Economic Review: Papers & Proceedings. 2013. Vol. 103. No. 3. P. 48–54.
- Robinson E.* The Roosevelt Leadership 1933–1945. N. Y.: J. B. Lippincott Company, 1955.
- Romer C.* What Ended the Great Depression? // The Journal of Economic History. 1992. Vol. 52. No. 4. P. 757–784.
- Rothbard M.* Conceived in Liberty. Vol. 4. Revolutionary War, 1775–1784. N. Y.: Arlington House, 1979.
- Rothbard M.* Making Economic Sense. Auburn: Mises Institute, 1995.
- Rothbard M.* Man, Economy, and State. Auburn: Mises Institute, 2009.
- Rothbard M.* Progressive Era. Auburn: Mises Institute, 2017.
- Rotunda R. D.* The Politics of Language: Liberalism as Word and Symbol. Iowa City: University of Iowa Press, 1986.
- Samuelson P.* Economics. N. Y.: McGraw-Hill, 1948.
- Siklos P.* The Great Depression—macro: Understanding the Great Depression in the United States versus Canada // The Journal of Economic History. 2001. Vol. 61. No. 2. P. 522–522.
- Skousen M.* The Great Depression // Austrian Economics. Cheltenham: Edward Elgar, 1994.
- Smith A.* Lecture in 1755. Quoted in: *Stewart D.* Account of the Life and Writings of Adam Smith LLD, Section IV, 25.
- Steele D.* Orwell your Orwell: A Worldview of Slab. South Bend: St. August Press, 2017.
- Stockman D.* The Great Deformation: The Corruption of Capitalism in America. N. Y.: Public Affairs, 2013.
- Straight M.* After Long Silence. N. Y.; L.: Norton, 1983.
- Syrett G.* The Papers of Alexander Hamilton. Vol. X (1791–1792). N. Y.: University of Columbia Press, 1966.
- Taylor C. Boas T., Gans-Morse J.* Neoliberalism: From New Liberal Philosophy to Anti-Liberal Slogan // Studies in Comparative International Development. 2009. Vol. 44. P. 137–161.
- Votes and Proceedings of the House of Representatives, 1755–1756. Philadelphia, 1756. P. 19–21.

- Walker A.* Science of Wealth: A Manual of Political Economy. Embracing the Laws of Trade, Currency, and Finance, Boston, Mass.: Little, Brown & Co, 1866.
- Wapshot N.* Keynes and Hayek: The Clash That Defined Modern Economics. N. Y.: W. W. Norton & Company, 2011.
- Westbrook R.* Tragic Deal // Reviews in American History. 2015. Vol. 43. No. 1. P. 1–13.
- Wicksteed P.* The Common Sense of Political Economy. L.: Routledge & Ceagan, 1957.
- Winthrop J.* A Model of Christian Charity in A Library of American Literature: Early Colonial Literature, 1607–1675. N. Y.: Charles L. Webster & Company, 1892. P. 304–307.
- Woods T.* Meltdown. Washington: Regnery Publisher, 2009.
- Wooldridge W.* Uncle Sam, The Monopoly Man. N. Y.: Arlington House, 1970.
- Wright R.* The Wealth of Nations Rediscovered. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Yergin D., Stanislaw J.* The Commanding Heights. N. Y.: Simon & Schuster, 2002.
- Zhang K.* Industrial Policy and Technology Innovation under the US Trade War against China // The Chinese Economy. 2020. Iss. 5. P. 363–373.
- Znamenski A.* Socialism as a Secular Creed. N. Y.: Lexington Books, 2021.

Научное издание

Павел Валерьевич Усанов

АМЕРИКАНСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ:
ИДЕИ, ЛЮДИ, ЭКОНОМИКА

Редактор, корректор *Д. М. Капитонов*

Дизайн обложки *А. Ю. Ходот*

Верстка *М. Ю. Виноградова*

Выпускающий редактор *Е. А. Левичкина*

Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А
e-mail: books@eupress.ru
тел.: +7 812 386 7627
Сайт и интернет-магазин издательства
WWW.EUPRESS.RU

электронное издание: 08.06.2023

ISBN 978-5-94380-361-1

УСАНОВ ПАВЕЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ –
КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК,
ДОЦЕНТ, СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК
ЦЕНТРА ИССЛЕДОВАНИЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
ЕВРОПЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В САНКТ-
ПЕТЕРБУРГЕ, ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА ХАЙЕКА;
АВТОР БОЛЕЕ 50 СТАТЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ, А ТАКЖЕ
НЕСКОЛЬКИХ МОНОГРАФИЙ, ВКЛЮЧАЯ
КНИГУ «НАУКА О БОГАТСТВЕ» (СПб., 2018).

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АВТОРА ПОСВЯЩЕНО
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКОГО
НАРОДА В ЕЕ СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ ЗА ПЕРИОД ОТ «МЭЙФЛАУЭРА» (1620 г.)
ДО ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА. РАССМАТРИВАЮТСЯ
КАК ПЕРИОДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА США,
ТАК И КРИЗИСНЫЕ ПЕРИОДЫ, ТАКИЕ КАК ВЕЛИКАЯ
ДЕПРЕССИЯ, СТАГФЛЯЦИЯ 1970-х И ВЕЛИКАЯ РЕЦЕССИЯ.
АВТОР АНАЛИЗИРУЕТ ИСТОРИЮ США НА ОСНОВЕ
МЕТОДОЛОГИИ АВСТРИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ШКОЛЫ (Л. ФОН МИЗЕС, Ф. ФОН ХАЙЕК И М. РОТБАРД).
ТАКОЙ ПОДХОД ПОЗВОЛЯЕТ ПОД НЕОБЫЧНЫМ УГЛОМ
ПОСМОТРЕТЬ НА КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ НОВЕЙШЕЙ
ИСТОРИИ США И ПОНЯТЬ, КАКИЕ ПРИЧИНЫ
СПОСОБСТВУЮТ, А КАКИЕ ПРЕПЯТСТВУЮТ
МОДЕРНИЗАЦИИ.